

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

И. В. Чапыгин

**КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ
В КИТАЕ**

МОНОГРАФИЯ

УДК 9(510)(=82)
ББК ТЗ(5Кит=рус)6
Ч-19

Печатается по решению ученого совета
исторического факультета ИГУ

**Работа выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

С. И. Кузнецов, д-р ист. наук, проф.
Е. И. Лиштованный, д-р ист. наук, проф.

Чапыгин И. В.

Ч-19

Казачья эмиграция в Китае : монография / И. В. Ча-
пыгин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 171 с.
ISBN 978-5-9624-1120-0

В книге исследуется тема дальневосточной ветви казачьей эми-
грации и анализируется место и роль казачества в социально-
экономической, политической и культурной жизни русской диаспоры
Китая в самый массовый период ее существования (1920-1945 гг.).

Предназначается специалистам и любителям истории казачества и
русской эмиграции.

Библиогр. 152 назв. Прил.

УДК 9(510)(=82)
ББК ТЗ(5Кит=рус)6

ISBN 978-5-9624-1120-0

© Чапыгин И. В., 2014
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2014

Оглавление

В поисках лучшей доли	4
Предисловие	6
Глава 1. Источники и историография	11
1.1. Источники по казачьей эмиграции	11
1.2. Историография казачьего зарубежья	20
Глава 2. Формирование центров казачьего расселения на территории Китая (Маньчжурия и Шанхай) и проблемы социально-экономического обустройства	36
2.1. История появления русского населения в Китае	36
2.2. Исход белых армий, казачества и гражданского населения на территорию Китая и проблемы адаптации	51
2.3. Особенности социально-экономического положения ка- заков в эмиграции	60
Глава 3. Военно-политическая и культурная деятель- ность казачества в эмиграции	72
3.1. Военно-политические организации казачества в эмиграции	72
3.2. Казачество и культура русского дальневосточного зарубежья	105
Заключение	119
Библиографический список	122
Приложения	130

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

С соседом дружись, а за саблю держись.

Старинная казачья пословица

История казачьей эмиграции вот уже более 15 лет является едва ли не главной темой научного творчества кандидата исторических наук, доцента Игоря Викторовича Чапыгина. Ей он посвятил свою кандидатскую диссертацию, ряд учебных пособий и научных статей.

Этот интерес во многом объясняется его родословной. И. В. Чапыгин родился и вырос в Забайкальском крае. С малых лет он впитал казачий дух, хранимый в семье еще от кубанских и донских казаков-предков. Пора возмужания совпала у И. В. Чапыгина с периодом возрождения казачества, знакомством с жизнью и бытом казаков на сборах в летних военных лагерях. Поэтому не случайным был и выбор научной темы. Молодой исследователь заинтересовался повседневной жизнью и бытом казаков в пору их эмиграции на территории Китая в 1920–1945 гг. Нельзя сказать, что эта тема мало изучена. Однако И. В. Чапыгин нашел свой аспект: проблема адаптации казачества к новым условиям жизни в эмиграции.

Логика научного исследования подсказывала необходимость расширения проблематики изучения темы. В поле зрения исследователя оказались вопросы освещения деятельности русских диаспор и центров на территории Китая, миграционных потоков, в составе которых оказались не только казаки и их семьи, но и военные, гражданское население, покинувшие Россию после окончания Гражданской войны.

В ходе научного изучения темы возникали новые аспекты, требующие поиска оригинальных источников. Автор обращается к ранее не вводившимся в научный оборот архивным документам, материалам периодической печати, в том числе зарубежным. Им переосмысливаются прежние оценки, уточняются события и действия руководителей эмиграции, поведенческие мотивы казаков. Все это усложняет структуру научного сочинения, логику исследования, в тоже время делает его оригинальным.

На первый план в монографии выдвигается анализ сложной социально-политической и военной обстановки 1920–1940-х гг., сложившейся на территориях казачьей эмиграции в Китае (главным образом в Маньчжурии). Здесь существенно возрастает японское

присутствие, его давление на всю русскую эмиграцию. Не секрет, что японские власти рассматривали казачество как вооруженную силу в борьбе с СССР. Но казаки в своем большинстве не вынули сабли из ножен для борьбы с СССР. Они уже навоевались со своими братьями в Гражданскую войну и не хотели нового кровопролития.

В монографии И. В. Чапыгина весьма убедительно показана вся сложность социально-экономической, политической и военной обстановки, в которой оказалась казачья эмиграция в Маньчжурии. Это потребовало от казаков изыскать дополнительные духовные силы для адаптации в новой среде российской эмиграции на территории Китая. Автор в своей монографии проводит идею, что казаки испокон века приспособлялись к дальним походам, освоению новых земель, вооруженной защите своих границ. На генном уровне у них накапливалась информация о методах преодоления тягот и лишений воинской службы, пребывании в чужих краях, расставании с родным краем. Казалось бы, они имели иммунитет для эмигрантской жизни в Китае. Однако XX в. преподнес казакам новые испытания. Существенно изменились геополитические условия в этом регионе, потребовавшие от казаков сохранения своей самобытности. Люди нашли духовные резервы внутри себя, в тех нравственных устоях, которые были заложены их родителями, трудом на земле, службой Родине, верой в бога.

Автор монографии сумел рельефно и убедительно показать, что, сохраняя свою самобытность, «семейственность», казаки-эмигранты сумели выжить и определиться в новых условиях. Это стало наглядным примером стойкости для всей русской общины Китая. За этим выводом в монографии И. В. Чапыгина угадывается неодолимое желание казаков вернуться на Родину, в Россию. К сожалению, этому не суждено было осуществиться. Пусть эта книга И. В. Чапыгина станет вкладом в дело сохранения достойной памяти в трагической истории казачьей эмиграции, искавшей лучшую долю в далеком и близком Китае!

*Ю. А. Петрушин,
доктор исторических наук, профессор*

Посвящается
светлой памяти моего отца
Виктора Павловича Чапыгина,
поэта, журналиста, неутомимого краеведа
земли Забайкальской

ПРЕДИСЛОВИЕ

С момента вхождения вольного казачества в российское государство, история этого уникального воинского народа показательна примерами беззаветного служения России и неотделима от российской истории. В памяти русского народа образ казака всегда связан с воином-землепашцем, бескорыстным защитником Отечества, а казачьи части – лучшие боеспособные соединения, готовые выступить в поход, принять бой или пойти в края неизведанные.

XX век – сполна представил эти «неизведанные края» тем казакам, которые после революции и Гражданской войны в России, вместе с проигравшей в них белой стороной, в составе ее войск и индивидуально, с семьями или без них оказались за границей, в эмиграции. Российская казачья эмиграция с первой половины 1920-х гг. заселила не только европейские страны: (Болгарию, Францию, Югославию, Чехословакию), но была представлена и дальневосточной ветвью в Китае: Маньчжурии (большей частью), Северном Китае (Тяньцзинь и Синьцзян) и Шанхае.

Из всего пестрого состава европейской и дальневосточной эмиграции, численность которого в середине–конце 1921 г. определяется цифрой от 1 млн 850 тыс. до 2 млн человек [95, с. 249], казачество в этот период, при относительно небольшой численности в эмиграции (порядка 80–100 тыс. чел.) по данным основных исследователей темы [111, с. 69–70]; [143, с. 415]; [84, с. 95], выгодно отличалось от «общерусской людской пыли» [142, с. 2] взаимной поддержкой, воинской организацией, станичным укладом жизни.

Особый интерес при этом представляет казачество дальневосточной эмиграции, имеющее свою историческую, географическую,

экономическую, военно-политическую и культурную специфику. Здесь, главным образом на территории Китая, создавались и действовали казачьи станицы и союзы, промышленно-торговые и военные организации, благотворительные и молодежные объединения. Казачья семья, взаимная поддержка, стойкость и способность трудиться помогли преодолеть тяжелейшие условия трудного периода адаптации и не только приобрести экономическое благополучие, но и сохранить традиции, обычаи, культуру казачества.

Актуальность теме придает процесс реформирования российского общества, который создал объективные предпосылки для возрождения и возвращения к активной общественной деятельности ряда социальных групп, одной из которых является казачество. Важно, на наш взгляд, научно идентифицировать сущность этой социальной группы, ее духовно-нравственные и экономические основы жизнедеятельности, ценностные ориентации в эмиграции. Это даст возможность правильно определить ее место в современном обществе, провести прогнозирование ее дальнейшей социальной деятельности, выработать адекватную политику государства по отношению к ней.

Несомненно, изучение дальневосточной казачьей эмиграции на территории Китая позволит полнее и глубже исследовать историю всей русской диаспоры этой страны в указанный период, понять характер процессов, происходивших в этом русскоязычном анклав. Полную и целостную историю российской эмиграции невозможно исследовать, не изучая историю отдельных слоев и групп этой эмиграции со свойственными им мировоззрением, традициями, сложившимся укладом жизни. К такой особой группе принадлежит и казачья эмиграция.

Монография подводит предварительные итоги наших исследований по теме дальневосточной ветви казачьей эмиграции и анализирует место и роль казачества в социально-экономической, политической и культурной жизни русской диаспоры Китая в массовый период ее существования. Данная цель достигается постановкой и реализацией следующих задач:

- изучением и анализом объемного корпуса источников и литературы по российской эмиграции;
- рассмотрением процесса формирования русской диаспоры в Китае, ее источников пополнения, а также основных проблем ее существования;

- выявлением численности и состава казачьей эмиграции, особенностей ее социально-экономического положения и расселения;
- анализом казачьих общественных, военно-политических организаций, их участия в общественной и политической жизни русской диаспоры Китая;
- исследованием казачьей культуры в эмиграции и ее влиянием на культурную жизнь всей русской колонии Китая.

Территориальные рамки работы определяются основными очагами российской казачьей эмиграции в Китае: Маньчжурии и Шанхае. Именно там разместились основные массы бывших российских подданных, многие из которых были казаками. Так, выбор Маньчжурии (Северо-Восток Китая) был подготовлен исторически и географически: задолго до революционных событий в России здесь уже складывалась русская диаспора, этот регион Китая лежал на пути отступающих белых армий и был недалеко от России, куда эмигранты вскоре планировали вернуться. В Шанхай центр русской эмиграции в Китае стал перемещаться по причине японской оккупации Маньчжурии и продажи КВЖД «независимой суверенной Маньчжурской империи». Отметим также, что порт Шанхай всегда был «перевалочной базой» постоянно мигрировавших в страны Азиатско-Тихоокеанского региона русских беженцев. Именно в Маньчжурии и Шанхае были ведущие казачьи союзы, станицы и войсковые объединения, оказывающие влияние на деятельность всех казаков-эмигрантов, в том числе за пределами Китая.

Хронологически исследование охватывает период с 1920 по 1945 г. Начало (1920 г.) связано с отступлением белых армий на завершающем этапе гражданской войны и отходом их соединений (значительную часть которых составляли казаки) вместе с гражданским населением на территорию Китая и их обустройством. Окончание исследуемого периода связано с военными действиями в Маньчжурии на заключительном этапе Второй мировой войны, последующими событиями, приведшими к окончательному разрушению Маньчжурского центра российской эмиграции, репрессиям и началу массовой реэмиграции в СССР, а также складыванию новых центров расселения эмиграции за пределами Китая. Что касается Шанхая, то здесь до 1922 г. казаков было немного, но с падением Владивостока, с прибытием флотилии адмирала Старка в Шанхай, и

особенно Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова, общее количество казаков-эмигрантов сильно увеличилось и в 1925 г. здесь был создан Казачий союз. Кроме того, в рассматриваемый период, особенно в 1930-е гг., прибывали казаки из Маньчжурии, ставшей своего рода проходным пунктом русской эмиграции в другие регионы. После окончания Второй мировой войны здесь была развернута массовая кампания «за возвращение на родину» в СССР, параллельно Шанхай русские покидали с помощью международных беженских организаций, переломным для шанхайского центра русской эмиграции оказался 1949 г., когда коммунисты одержали победу в гражданской войне в Китае и тем самым сдвинули еще многочисленных, и теперь идеологически чуждых, остающихся россиян в новые центры расселения.

Дальневосточному казачьему зарубежью суждено было пережить три исхода (из России, Харбина, Шанхая), два периода расселения (один – по Китаю, другой — по всему миру). На долю многих казаков выпало по две-три эмиграции. Казаки в конце 1940-х гг. из Китая уезжали в Южную Америку: в Бразилию, Аргентину, в Чили, Парагвай; на Филиппинские острова, в Австралию, США.

Научная новизна монографии выражается в попытке первого авторского комплексного исследования казачьей эмиграции в социально-экономической, политической и культурной жизни русской диаспоры Китая (Маньчжурии) в 1920–1945 гг. В процессе работы автором дается характеристика и Казачьего союза в Шанхае. На основании анализа широкого корпуса источников освещен процесс формирования русской диаспоры Северо-Восточного Китая, проблемы адаптации и пути их решения, выявлено место казаков в диаспоре, их количество, состав, характер расселения и организации. В работе исследована роль, которую играли казаки в разных сферах жизни эмигрантского сообщества, а также сделана попытка ответить на вопрос: «как влияли казаки на диаспору?». В ходе научного поиска ответов на этот и другие вопросы в научный оборот вводятся новые архивные источники, поднимаются и анализируются целые пласты эмигрантской культуры (периодика, художественная литература и т. д.). В монографии затрагивается комплекс вопросов мировоззренческого характера и истории национального и политического сознания для создания целостной картины дальневосточной казачьей эмиграции в составе русской диаспоры Китая с ее образом жизни, ментальностью казачества, оторванного от своей малой и большой Родины.

Автор монографии благодарен коллегам-историкам за помощь, оказанную в работе по сбору материалов и подготовке книги:

профессорам А. В. Кострову, С. И. Кузнецову, Ю. А. Петрушину, Е. И. Лиштованному, Г. А. Артамонову, ректору ИГУ А. В. Аргучинцеву, директору МИОН при ИГУ Д. В. Козлову, заведующей отделом литературы Русского зарубежья Российской государственной библиотеки Н. В. Рыжак и заместителю Е. В. Коротковой, директору Иркутского областного департамента юридической помощи М. М. Назину, атаману Забайкальского казачьего войска С. Г. Боброву, председателю Совета ветеранов УФСБ России по Забайкальскому краю А. В. Соловьеву и начальнику Пограничного управления ФСБ России по Забайкальскому краю С. А. Жданову

Особая признательность за поддержку и понимание моей любимой супруге – Ксении Андреевне Чапыгиной.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. Источники по казачьей эмиграции

Для раскрытия намеченных в монографии задач привлечен широкий корпус источников: архивные документы, эмигрантские периодические издания, общественно-политические эмигрантские издания, мемуары, художественные произведения эмигрантов, справочная литература.

Основой источниковой базы книги являются архивные документы. В ходе работы автором над темой проанализированы сотни дел 17 фондов 5 Государственных и ведомственных архивов России. Важные и существенные документы по казачьей эмиграции в Китае имеются в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ), архиве РУ ФСБ РФ по Забайкальскому краю.

Из архивных источников автором, прежде всего, были использованы дела, отложившиеся в фондах ГАРФ. Несмотря на не систематический характер комплектования ГАРФ по количеству и объёму эмигрантских фондов намного опережает все хранилища Москвы и бывшего СССР. ГАРФ является самым большим хранилищем архивов российской эмиграции во всем мире. Эмигрантские фонды содержат сведения и документы учреждений белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в 1919–1922 гг., документы эмигрантских организаций за 1918–1946 гг. Фонды состоят из их учреждений и организаций, дей-

ствовавших в разных странах. В ходе работы исследованы материалы коллекции белогвардейских и белоэмигрантских фондов, которые были составлены на основе переданного в 1946 г. в СССР Русского заграничного исторического архива (РЗИА). В настоящее время комплекс документальных материалов РЗИА, хранящихся в ГАРФ, насчитывает более 590 фондов и 90 тыс. дел. Весьма ценным для исследования выступил Ф. 5963 «Союз казаков в Шанхае». Он насчитывает 50 дел и раскрывает деятельность этой эмигрантской организации. Организован в апреле 1925 г. А. Г. Грызовым и И. Н. Шендриковым с целью объединения находившихся в Шанхае казаков для взаимной поддержки и сохранения «казачьего единства». Документы поступили в архив в составе РЗИА в 1946 г. В делах Ф. 5963 Устав и политическая программа Союза, протоколы общих собраний и заседаний правления, протоколы собраний станичных групп; списки членов Союза; денежные отчеты; переписка о приеме казаков в члены Союза, выдаче им денежных пособий, трудоустройстве, переселении в Канаду (с приложением анкет выезжающих) и организации казачьих балов; отрывок из плана захвата советского Дальнего Востока, составленного президиумом Совета атаманов в 1924 г.; сведения о вербовке казаков в войска Чжан-Цзо-Лина и Фэн-Ю-Шиана, о комитете защиты прав и интересов русских в Шанхае.

В фонде отложился годовой отчет о деятельности Шанхайского Союза русских торговцев и служащих за 1925 г. Имеются документы на английском языке.

Немало информации о жизни полосы КВЖД содержат документы Ф. 6081. Это статьи, записки, очерки, разведсводки казачьих организаций по состоянию КВЖД, хроники политической жизни на КВЖД за 1918–1929 гг. в которых отражены судьбы отдельных казаков и деятельность казачьих организаций.

Информативным является Ф. 7043, который содержит десятки дел, отражающих эмигрантское присутствие в Китае, в том числе казачества. Так в делах имеются карты региона на китайском, японском и русском языках, железнодорожные карты с техническим описанием станций и путей. Штаты военных формирований эмиграции, принимавших участие в гражданской войне в Китае, их нарукавные и нагрудные знаки отличия, численность и состав, разведсводки об СССР, Монголии и положении в Китае в этот период. Многие документы имеют резолюции, наложенные казачьим гене-

ралом Шильниковым и другими казачьими командирами, фотографии казачьих частей и Штаба русской группы войск (Шаньдунской армии маршала Чжан-Зун-Чана).

Хорошо дополняет документальный корпус ГАРФА отдел периодики архива, где собраны газеты и журналы, выходящие в этот период в Китае, из них большую часть занимают издания казачьей направленности, издаваемые станицами и союзами казаков. Они также отражают и дополняют архивные документы по численности, социальному составу и материальному положению казаков-эмигрантов.

Центром собирания и хранения материалов российской эмиграции на Дальнем Востоке является Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). В 1945 г. группа хабаровских архивистов смогла посетить города Харбин, Чанчунь, Мукден, Порт-Артур и спасти от уничтожения значительное число документов русской эмиграции в Китае. В 1945 г. в архив поступила масса личных документов, книг, газет и журналов, вывезенных из Маньчжурии. После обработки и научного описания из прибывших документов были сформированы 10 фондов:

Ф.Р-829 «Союз казаков на Дальнем Востоке 1934–1941»; Ф.Р-830 «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи»; Ф.Р-331 «Общество единения народов в Маньчжурской империи Кио-Ва-Кай»; Ф. Р-832 «Комитет по переселению русских эмигрантов в Тоогененский район Маньчжурской империи»; Ф.Р-1126 «Харбинское общество землевладельцем и домовладельцев»; Ф.Р-1127 «Отделение Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжу-Ди-го»; Ф.Р-1128 «Харбинский комитет помощи русским беженцам»; Ф.Р-1129 «Пограничный район Дальневосточного Союза военных в Маньчжурской империи. 1935–1937, 1940 гг.»; Ф.Р-1267 «Управление Харбинского военного начальника и помощника коменданта г. Харбина. 1919 г.»; Ф.Р-1497 «Правление Харбинской трудовой артели инвалидов. 1931–1940 гг.».

В составе этих фондов 52 992 дела, в том числе 52 тыс. дел эмигрантов. Были обработаны и описаны печатные издания, вывезенные из Китая. Печатный фонд состоит из 14 наименований газет и 82 наименований журналов. Среди них немало редких эмигрантских изданий. До 1989 г. эти материалы не были доступны для исследователей и находились на секретном хранении. Самым большим по объему и наиболее востребованным исследователями явля-

ется фонд «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи». В нём содержится 591 дело в двух описях. Большое значение для дальневосточных и сибирских историков имеет собрание более 57 тыс. личных дел эмигрантов, переданных в 1992–1993 гг. из управления госбезопасности по Хабаровскому краю в госархив.

Хронологические рамки документов охватывают период 1922–1945 гг. Одним из основных, используемом в исследовании является фонд №830 «Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи». В фонде сосредоточено почти 10 500 дел за период 1935–1945 гг. В делах имеются приказы, распоряжения, доклады, отчеты Бюро которые дают сведения об административной, хозяйственной и политической жизни эмигрантов, а также сведения о личном составе служащих Бюро. Здесь имеются автобиографии, рапорты, прошения, которые представляют большой интерес для знакомства с отдельными личностями. По спискам служащих Главного Бюро и его местных органов, по спискам эмигрантов можно проанализировать их национальный состав и социально-экономическое положение. В описи № 3 фонда 830 имеется почти 56 тыс. личных дел эмигрантов, доступ к которым пока ограничен. Нами были использованы отдельные дела этого фонда.

Главное Бюро имело многочисленные отделения по Маньчжурии. Поэтому отложились документы о разносторонней деятельности отделения на ст. Пограничная с 1935 по 1943 г. Они скомплектованы в отдельный фонд № 1127. Материалы этого фонда являются иллюстрацией того, как Главное Бюро осуществляло свою работу через местные отделения и как эмигрантам удавалось организовывать свою жизнь в отдельных населенных пунктах.

Эмигранты неоднократно заполняли в Харбине анкетные карточки при регистрации в Харбинском комитете помощи русским беженцам (ХКПРБ). Часть этих данных хранится в фонде № 1128. На основе их анализа можно составить представление о социально-сословном составе маньчжурской эмиграции. Фонд содержит также материалы текущего делопроизводства и финансовую отчетность (ХКПРБ).

Документы фонда № 849 содержат интересные данные по переписям эмигрантского населения, заключения медкомиссий по призыву молодежи в различные воинские формирования, здесь есть количественные данные по «Союзу казаков на дальнем Востоке».

Таким образом, архивные документы ГАХК представляют материал об экономическом, социальном, политическом и военном положении казачьей эмиграции, ее численности и социальном составе и имеют большое значение для диссертационного исследования.

Архивные материалы Центрального архива ФСБ РФ и архива РУ ФСБ по Забайкальскому краю долгое время были и остаются во многом недоступными для исследователей в силу специфики учреждения. Хотя именно эта служба, правопреемница органов ОГПУ – НКВД – КГБ на протяжении всего исследуемого периода занималась разведкой и контрразведкой по Маньчжурии, имела свои резидентуры практически во всех ее населенных пунктах и агентов во многих белоэмигрантских организациях, в том числе казачьих.

Использованы при написании монографии следующие фонды Центрального архива ФСБ:

Фонд 1, оп. 6., д. 197. С. 78. «Сообщения уполномоченных НКВД из Читы о положении на ДВ, обстановке в Китае, о переговорах с японцами по поводу предоставления им концессий на Сахалине и плаваниях по Амуру, о переговорах с китайцами по КВЖД и монгольскому вопросу, об операциях НРА, деятельности белогвардейских банд и по др. вопросам. (нач. 7 янв. 1922 г. -окон. 31 дек. 1922 г. 231 лист.)

Фонд 1, оп. 5., д. 281. Переписка представителей ат. Семенова в Париже и Берлине с великим князем Дмитрием Павловичем и др. лицами, характеризующая обстановку на ДВ, деятельность военных агентов Семенова в Сербии и др. странах, взаимоотношений семеновцев с областным правительством Меркулова. На 33 листах. Нач. 1 февраля 1921 – окон. 9 июля 1921 г.

Фонд 2, оп. 8, д. 425. По КРО ППОГПУ ДВКР (нач. 20 ноября 1923 г. – ок.28 октября 1930 г.) На 73 листах. Хабаровск, 13 января 1925 г.

«Справка о группировке ген. Глебова. Письмо Иванова Глебову. Меморандум о закордонной работе, переброске глебовцев из Шанхая, списки членов ДВ казачьей группы».

Меморандум особой группы о закордонной работе КРО ППОГПУ по ДВ № 3. «Переброска глебовцев из Шанхая в район Хайлара». На 31 дек. 1924 г.

Особый фонд по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Г. М. и др. Н-18765 (кол-во томов – 25. Т. 1. С. 47–213) содержит материалы не только по Семенову Г. М. и по лидерам ка-

заков в Маньчжурии и Китае, но и материалы по военным организациям казаков, их составе, численности, военной подготовке, разведке и действиях против Советской власти (см. прил. 1).

Материалы фонда № 11 «Российская эмиграция в Китае (1920–1945 гг.)» и фонда «Бюро по делам русских эмигрантов в Харбине» архива РУ ФСБ по Забайкальскому краю мало использовались отечественными историками. В фондах имеются справки и доклады по эмиграции на территории Маньчжурии, протоколы судебных заседаний и уголовные дела белоэмигрантов осужденных за шпионаж, диверсии и терроризм против советской власти. Наибольшую практическую значимость для нашего исследования составили документы (отложившиеся разведданные), объединенные нами в блоки – «Казачьи поселки Трехречья», «Союз казаков в Восточной Азии», «Захинганский отдельный корпус», «Захинганское районное Бюро по делам российских эмигрантов», «Город Хайлар», «Город Маньчжурия», «Город Харбин». «Эмигрантское население в пределах Новой Барги», «Меморандум по Забайкальскому казачьему войску» (с момента основания по 1942 г.). На основе анализа данных этих источников в исследовании устанавливается численный и социальный состав эмигрантского населения Маньчжурии, (главным образом казаков-эмигрантов из Забайкалья). Создается картина функционирования казачьих поселков и станиц, предприятий района, показана деятельность церкви, занятость и настроения казачьего населения, представлены организации казаков-эмигрантов, органы печати, управления и другие стороны казачьей жизни.

Таким образом, фонды используемых архивов, содержат массивы документов, как добытых резидентурами военной и политической разведки, так и вывезенных из Маньчжурии после освобождения её Красной армией в 1945 г. Они содержат много разносторонней информации по интересующей нас теме.

Существенно пополняет архивную базу исследования периодическая печать: газеты и журналы, издаваемые в исследуемый период (1920–1945 гг.) казачьими и общеэмигрантскими организациями в Китае. На страницах этих печатных изданий как казачьих, так и общеэмигрантских нашли отражение разные аспекты жизни и деятельности казачьей эмиграции Китая данного периода. В ходе исследования темы нами было проанализировано свыше 200 периодических изданий. К периодической печати примыкает корпус и

общественно-политических изданий такого рода как альманахи, сводки, вестники, бюллетени и опубликованные в печати доклады.

Характеризуя вышеперечисленные виды источников, необходимо подразделить их на три группы: к первой относятся периодические и «однодневные» газеты; ко второй – журналы и сборники, периодически выходящие и «однодневные»; к третьей – альманахи, вестники, бюллетени, сводки, и всякого рода доклады и лекции, прочитанные в казачьих и других объединениях. Периодические газеты и журналы имели все типичные признаки подобных изданий – периодичность выхода, целевую направленность, устоявшийся тираж. «Однодневные» издания выпускались, как правило, в тех случаях, когда печатным словом необходимо было отметить праздник, юбилей или важное общественно-историческое событие.

К периодическим газетам общеэмигрантской направленности, на страницах которых нашли отражение статьи, рассказы, информация о казачестве Северо-Восточного Китая относятся: «Вперёд» (Харбин, 1921), «Голос эмигрантов» (Харбин, 1937, 1939, 1940 гг.), «Дальневосточное время» (Харбин, 1922), «Нация» (Харбин, 1938, 1939 гг.), «Харбинское время» (Харбин, 1932, 1941 гг.). «Наш путь» (Харбин, 1937), «Заря» (1935–1938 гг.), «Русское слово» (Харбин, 1930, 1934, 1935 гг.).

В числе казачьих периодических и однодневных газет: «Казачья жизнь» (ред. В. Г. Сергеев, Драгоценка, 1936–1940, 1942 гг.), «Сибирский казак» (ред. Е. П. Березовский и А. Г. Грызов, Харбин, 1929–1933 гг.), «День Сибирского казака» (ред. Е. П. Березовский и А. Г. Грызов, 1930 г.), «Амурский казак» (ред. Е. Г. Сычев, Харбин, 1932, 1933 гг.), «Забайкальский казак» (ред. А. П. Бакшеев, Харбин, 1932, 1933 гг.), «Оренбургский казак» (ред. С. И. Нестеренко, Харбин, 1932–1935, 1939 г.), «Казачий клич» (авт. А. Н. Лазарев, изд. А. В. Зуев, Харбин, 1937), «Голос крестьянина и казака» (Харбин, 1933), пять однодневных газет разных издателей и редакторов «Дальневосточный казак» (Харбин, 1932; изд. А. П. Эпов, ред. А. Н. Лазарев, Харбин, 1936; изд. И. М. Токмаков, ред. И. И. Почекунин, Харбин, 1937, тираж 1500 экз.; сост. Л. Л. Черных, Харбин, 1938, тираж 2000 экз.; ред. И. И. Почекунин, Харбин, 1939).

Периодические журналы казачьей направленности: журналы: «Россия и казачество» (изд. К. И. Лаврентьев, ред. Е. Г. Сычев, Харбин, 1933–1935 гг.), «Казачество в Азии» (изд. А. П. Грецев, ред. П. С. Ковган, 1934). К однодневным журналам и сборникам отно-

сится большое число изданий (одни из них были изданы Союзом казаков, другие выходили по инициативе или представительства отдельного казачьего войска или группы войск). Издания общеказачьего характера: «Дальневосточный казак» (Харбин, 1934), «Казачий клич» (сост. В. Л. Сергеев, ред. К. С. Малых, Харбин, 1938–1941). «Зов казака» (сост. Л. Л. Черных, Харбин, 1938, тираж 1 500 экз.). «Атаманский клич» (ред. К. С. Малых, Харбин, 1938, тираж 1 500 экз., 1939 – тираж 1060 экз.). «Казачий набат» (ред. К. С. Малых, Н. А. Юдин, М. Ф. Рюмкин, Харбин, 1939, тираж 1 500 экз.), «Казачий призыв» (Харбин, 1939), «Казачий путь» (ред. С. Ф. Лапаев, М. Ф. Рюмкин, Харбин, 1940), «Зарубежное казачество» (ред. М. К. Дарвин).

Важны издания одного из казачьих войск или группы этих войск: «Иркутский казак» (изд. С. Г. Синанов, ред. В. И. Гаськов – 1934 г., ред. К. С. Малых – 1935 г., тираж 1 тыс. экз.), «Сибирский казак» (ред. Е. П. Березовский – Харбин, 1934, 1941), «Оренбургский казак» (ред. С. И. Нестеренко, 1937, тираж 500 экз.; сост. А. В. Зувев, 1938), «Казачий клич», в подзаголовке: Оренбуржцев, Иркутян, Семиреков (ред. С. Ф. Лапаев, 1940), «Дальневосточное Казачество» (ред. И. С. Кутузов, 1940), «Желтый лампас» (ред. М. Н. Гордеев, 1942).

Среди третьей группы общественно-политических эмигрантских изданий, пишущих о казаках, необходимо выделить альманахи: «Русская жизнь» (Харбин, 1923), «Россия» (Шанхай, 1926), «Луч Азии» (Харбин, 1935–1942); сводки: «Дальневосточное казачество» (Харбин, 1940–1941), «Зарубежное казачество» (Харбин, 1940–1941), «Казачество в Азии» (Харбин, 1934), «Россия и казачество» (Харбин, 1933–1935); вестники: «Вестник казачьей выставки в Харбине 1943» (Харбин, 1943) и «Вестник Маньчжурии» (Харбин, 1925–1928, 1934).

Названные общественно-политические издания, как общеэмигрантского, так и казачьего характера содержат много информации о политической, социально-экономической, культурной жизни казачьей дальневосточной эмиграции. В них представлены количественные и качественные показатели, оценки казаками-эмигрантами сложившейся ситуации и яркие проявления их политических устремлений. На страницах этих изданий нашли своё отражение различные стороны политической (больше), экономической и культурной (меньше) жизни русской диаспоры и казачьей её части. В статьях разных авторов отразились чаяния и стремления

различных групп казаков, программы политических организаций и общие тенденции политической эмигрантской жизни.

Важнейшим источником по теме является интересная и разнообразная мемуарная литература. В основном в мемуарах участников и современников событий нашла своё отражение Гражданская война и исход белых армий на территорию Китая, а также борьба их представителей против Советской власти в более позднее время. Мемуары ценны, прежде всего, описанием личных впечатлений и личного отношения к происшедшему непосредственных участников событий. Их использование «оживляет» исследование и позволяет глубже понять людей, которые действовали в то время и в тех условиях.

Среди мемуаров по дальневосточной эмиграции особую ценность для диссертационного исследования представляют мемуары Г. М. Семёнова «О себе. Воспоминания, мысли и выводы», И. И. Серебренникова «Мои воспоминания», Г. В. Енборисова «От Урала до Харбина (Памятка о пережитом)», А. В. Зуева «В борьбе за Родину», В. И. Сергеева «Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке», И. Дьякова «О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество», П. Н. Краснова «На рубеже Китая» и др. Вышедшие в 1930-е гг. в Китае, они отражали различные стороны жизни оренбургских, забайкальских и сибирских казаков в эмиграции, особенно подробно описан исход казаков в Китай в начале 1920-х гг. – во время возникновения Восточного казачьего союза в Харбине.

Для изучения жизнедеятельности дальневосточной российской эмиграции большую ценность представляют мемуары атамана Г. М. Семенова, в которых он подробно освещает свою жизнь как в период гражданской войны, так и в эмиграции. Значительная часть работы посвящена планам борьбы с Советской властью. Анализируя мемуары, которые переключаются и с другими источниками по эмиграции, можно предположить, что, являясь вождем казачьей и военной эмиграции в Маньчжурии, Семенов действительно, делал многое для сохранения своих соратников-казаков в эмиграции.

Интересным информативным источником для нашей монографии послужили мемуары И. И. Серебренникова, который, опираясь на широкую источниковую базу (архивы, воспоминания, живые свидетельства), воссоздает картину исхода белых российских армий и казачества на территорию Китая, первые проблемы трудоустройства русских беженцев. В работе немало сведений об известных деятелях политических и общественных организаций дальнево-

сточной эмиграции, о русских школах и благотворительных организациях, крупных населенных пунктах Китая.

Достаточно много для понимания внутреннего мира, чувств и переживаний эмигрантов даёт анализ художественной литературы, вышедшей из-под пера самих эмигрантов. Особо стоит отметить произведения А. Ачаира «Лаконизмы», Н. А. Байкова «В дёбрях Маньчжурии: очерки и рассказы из быта обитателей тайги», В. С. Логинова «Харбин в стихах: Бытовые картинки, П. Волгина «Русский полк», М. В. Волковой «Песни о Родине», М. И. Колосовой «Господи, спаси Россию» и др.

Эти работы являются хорошим подспорьем в понимании психологии эмигрантской жизни. В произведениях этих авторов видна саморефлексия русских людей, волею судьбы оказавшихся на чужбине. В них в достаточно яркой и образной форме отразился здоровый патриотизм эмигрантов, их переживания и чаяния. В данных литературных произведениях, несомненно, можно найти ту атмосферу, в которой жили наши соотечественники, оказавшиеся в исследуемый период за пределами России.

В данной монографии также использована справочная литература, которая позволила проанализировать динамику публикаций в эмигрантских издательских центрах (и в частности – в Маньчжурии), их основные темы и объём. Кроме того, в справочной литературе есть ценная информация по фактам эмигрантской жизни и персоналиям, имеющим отношение к исследуемой теме.

1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Историографию российской постреволюционной эмиграции (и в частности её дальневосточной ветви) составляют отечественные и зарубежные исследования.

Отечественную историографию можно условно разделить на два этапа – советскую (1920–1980 гг.) и российскую или современную (1990-е гг. – начало XXI в.). Для первого этапа характерно применение марксистско-ленинской методологии, классового подхода в исследовании этой, прямо скажем, глубоко политизированной темы. Вместе с тем советские учёные дополнили фактологическую базу и исследовали ряд вопросов этой сложной проблематики. Для

второго периода характерен отказ от главенства марксистской методологии, попытка преодоления классового подхода и поиск новых путей изучения истории российской эмиграции, основанных на цивилизационном подходе. Исследователи обратились к ставшим доступными эмигрантским источникам (мемуарам, периодике, документам организаций, переписке и т. д.), усилили внимание к человеку как основному преобразователю общества.

Зарубежную историографию российской постреволюционной эмиграции составляют труды как российских эмигрантов, так и иностранных исследователей. Причем зарубежные российские авторы – это нередко бывшие участники белого движения, бойцы армий А. В. Колчака, Г. М. Семенова, В. О. Каппеля. Их труды (в большинстве это работы периода 1920–1950 гг.) широко отражают атмосферу эмигрантской жизни и дают большой фактический материал. Работы иностранных исследователей по истории российской эмиграции в Китае появляются в основном в 1990-е годы.

Первые попытки изучения истории российской постреволюционной эмиграции и оценки масштабов и характера складывающейся тогда зарубежной российской диаспоры в отечественной историографии появились уже в 1920–1930-е гг. В это время в СССР были изданы книги В. Белова, В. Камского, Л. Владимирова, И. Лунченкова, А. Слободского, И. Калинина, А. Киржница, В. Аварина. В своих работах они рассматривали различные стороны формирования белой эмиграции в первой половине 1920-х гг., в том числе ее дальневосточной ветви.

Так, В. Белов в книге «Белое похмелье», вышедшей в 1923 г., на базе доступного ему материала, попытался дать обзор социального и политического состава, а также условий жизни русской эмиграции.

Психология, настроения и бытовые условия дальневосточной эмиграции отражены в изданных в этот период работах А. Киржница «У порога Китая» и В. Аварина «“Независимая” Маньчжурия».

В труде В. Камского «Русские белогвардейцы в Китае», изданном в 1923 г., дан первый анализ драматической судьбы оренбургских казаков во главе с генералом А. С. Бакичем в Китае, в районе Чугучака в 1920–1921 гг.

Помимо отдельных публикаций о жизни и деятельности зарубежной России в 1920-е гг., в условиях новой экономической политики, появился сборник статей «На идеологическом фронте борьбы с

контрреволюцией». Даже советские историки подчеркивали, что эмигрантские круги стремились учесть введение в Советской России НЭП и в соответствии с ней ревизовать свои программные установки.

Эти первые работы по истории российской эмиграции, отличаются наличие большого фактического материала об условиях ее жизни и быта. В тоже время это были не столько исторические исследования, сколько публицистические и мемуарные работы, причем нередко с явно политизированным и тенденциозным подходом к оценке жизни эмигрантов.

В 1930-е гг. в отечественной исторической науке господствовал сталинский догматизм. Это нанесло урон развитию исторической науки, из поля зрения вынужденно выпали многие проблемы истории зарубежья, в том числе и изучение российской эмиграции. Развернувшиеся репрессии второй половины 1930-х отрицательно повлияли на состояние историографии постреволюционной эмиграции. Изучение темы казачества в течение двух десятилетий, с середины 1930-х до середины 1950-х гг., история жизнедеятельности всей российской диаспоры оставалась закрытой для отечественных исследователей. В 1945–1946 гг. документы бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге (свыше 350 тыс. единиц хранения) были перевезены в Москву и размещены в ЦГА-ОР СССР. Это существенно расширило источниковую базу темы. Однако в условиях тоталитарного режима в СССР продолжал оставаться строго ограниченный доступ исследователей к этим архивным материалам. Обстановка «холодной войны» и резко отрицательное отношение официальной советской пропаганды к российской эмиграции не давали возможности развернуть изучение темы. История зарубежной России по-прежнему игнорировалась, взгляды ее представителей сходу отвергались. Немногие советские публикации по проблеме в этот период носили в основном пропагандистско-обличительный характер событий тех лет.

Возврат к научному изучению проблематики в отечественной исторической науке наметился только с середины 1950-х гг., после XX съезда КПСС, когда наступил период «оттепели». Стал возможен доступ к некоторым материалам РЗИА, в котором хранились документы политической эмиграции постреволюционного периода. Так, в работах Б. Е. Штейна «Русский вопрос в 1920–1921 гг.» (1958) и Б. М. Шерешевского «Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.)» (1966) были рассмотрены вопросы создания ДВР (Дальне-

восточной республики), взаимоотношения японцев и атамана Г. М. Семенова. Однако эти труды содержали весьма неполные сведения и не давали широкой картины истории казачьей эмиграции.

Только в 1960-е гг. материалы по истории российской эмиграции начинают более или менее регулярно появляться на страницах советских изданий. Широкая панорама эмигрантской жизни была представлена в работах П. Шостаковского «Путь к правде» (1960), Л. Любимова «На чужбине» (1963), Д. Мейснера «Исповедь старого эмигранта» (1963), «Миражи и действительность: записки эмигранта» (1966), Б. Александровского «Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта» (1969). В названных трудах российских реэмигрантов, которые следует отнести к мемуарной литературе, содержались весьма интересные и ценные наблюдения, авторские оценки жизни российской эмиграции, особенно культурной сферы и политических настроений. Литература такого рода стала важным звеном в историографическом изучении темы и открыла новое дыхание в развитии советской историографии последующего периода. Вместе с тем дальневосточной эмиграции в этих работах не уделяется сколько-нибудь заметного внимания.

В целом отечественная историография 1950–1960-х гг. лишь касалась некоторых сторон жизни эмигрантов. Но даже и там положительные общеизвестные факты затрагивались поверхностно, а порой и просто игнорировались. К тому же история русского зарубежья, особенно дальневосточного, изучалась явно недостаточно.

В 1970–1980-х гг. история белой эмиграции стала предметом исследования Л. К. Шкаренкова, В. В. Комина, Ю. В. Мухачева, А. Л. Афанасьева, Г. В. Барихновского, Г. Е. Иоффе и др. Из трудов этого периода по информативности следует выделить работы Г. Е. Иоффе, Ю. В. Мухачева, Л. К. Шкаренкова, В. В. Комина. Эти исследования по содержанию можно разделить условно на два блока.

Первый – составляли труды, которые непосредственно не относились к судьбам граждан бывшей царской России и давали лишь отрывочные сведения о некоторых сторонах их жизнедеятельности. Сюда следует отнести монографию Г. Е. Иоффе «Крах российской монархической контрреволюции» (1977), а также совместную работу Ю. В. Мухачева и Л. К. Шкаренкова «Крах “новой тактики” контрреволюции после гражданской войны» (1980), отразившие борьбу беломонархических подпольных организаций СССР против коммунистической власти. Авторами была определена роль зару-

бежных центров в активизации сил внутренней контрреволюции, стремившейся сорвать социалистические преобразования.

Ко второму блоку публикаций можно отнести исторические труды, которые были посвящены судьбам зарубежной России. В этой связи интересны изданные в 1977 г. труды В. В. Комина «Крах российской контрреволюции за рубежом», «Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом». Лейтмотивом этих исследований была политическая борьба, остальные аспекты проблемы: культурные, экономические и другие оставались незатронутыми, как и сколько-нибудь существенно, дальневосточная ветвь эмиграции.

Несмотря на эти недостатки, вышеназванные работы давали немало ценного материала для изучения проблемы в целом. Они показывают места расселения эмигрантов, раскрывают антисоветские планы эмигрантских формирований, отношение Советского государства к вернувшимся эмигрантам. На наш взгляд, научные труды В. В. Комина стали рубежными в преодолении оторванности отечественной историографии от зарубежных исследований судеб русской эмиграции.

Заметным исследованием зарубежной России явилась монография Л. К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции» (1986), в которой автор очертил пути расселения русских беженцев за границей после окончания Гражданской войны в западной части страны. Большую ценность при изучении отдельных сюжетов темы представляют сведения о материальных условиях жизни эмигрантского населения. Но сравнительно немного материала по истории дальневосточной эмиграции не позволило автору развернуть полномасштабную картину российской эмиграции.

Характеризуя отечественную историческую литературу 1970–1980-х гг., следует отметить, что основное внимание в ней было сосредоточено на изучении краха реставраторских настроений наиболее правой части белой эмиграции, обреченности белоэмигрантского «активизма», двух тенденций в отношении к СССР среди российской эмиграции в 1920–1930 гг., раскола эмиграции на сторонников «пораженчества» и «оборончества» в конце 1930-х начале 1940-х гг. В связи с этим определенное место было отведено анализу деятельности лидеров эмиграции, в том числе казачьих (П. Н. Краснов и Г. М. Семенов). И все же, несмотря на несомненные достоинства этой научной литературы (использование эмигрантских фондов

ЦГАОР СССР, опора на широкий круг эмигрантских изданий), она не сумела преодолеть односторонность оценки белой эмиграции. За рамками изучения осталась деятельность российской эмиграции (в том числе и казачества), огромная подвижническая работа по сохранению культуры, обычаев и традиций своего народа, своегословия. Не появилось и специальных исследований по дальневосточному зарубежью.

В 1991 г. определился новый рубеж российской историографии, смена общественно-политического строя в нашей стране вызвала активизацию дальнейшего изучения истории русского зарубежья. Новые и старые исследователи эмиграции получили возможность развивать тему без оглядки на установки сверху.

Начало постсоветского периода в развитии историографии проблемы связано, с открывшимся доступом к эмигрантским источникам, и с политической актуализацией данной исторической проблематики. В результате начался бум исследовательского интереса к судьбам русской эмиграции. Появился целый ряд основательных исследований, посвящённых разным аспектам истории этого явления. Первыми шагами свободного от узкоклассового подхода исследования проблемы можно назвать книги В. В. Костикова «Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции)» (1990) и М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» (1994).

Так, исследователь В. В. Костиков в своей монографии предпринял, на наш взгляд, первую попытку широкого освещения истории русского зарубежья. В работе рассмотрены культурно-нравственные проблемы эмигрантов, автором определено место эмиграции в общероссийской культуре. Однако и это исследование почти не даёт сведений о жизни дальневосточной эмиграции.

Другой автор, М. В. Назаров даёт интересный фактический материал по истории эмигрантских учреждений и организаций. Вместе с тем М. В. Назаров преувеличивает, на наш взгляд, степень враждебности эмиграции к Советской России. К сожалению, он тоже, как и его предшественники, не рассматривает дальневосточную российскую эмиграцию.

В 1990-е гг. появились, наконец, исследования по истории дальневосточной ветви российской эмиграции. Собственно разработке различных аспектов истории дальневосточной ветви русской эмиграции посвящены труды исследователей: В. В. Сони́на, А. А. Худобородова, Г. В. Мелихова, Л. Ф. Говердовской,

В. Ф. Печерицы, Е. П. Таскиной, А. Водопьянова, Л. С. Малявиной, О. И. Сергеева, В. Н. Фомина, Е. Н. Чернолуцкой, Е. Е. Аурелине, Г. И. Малышенко, Я. Л. Писаревской, У Нань Миня и др.

Отметим книгу В. В. Сониной «Крах белоэмиграции в Китае» (1987), здесь выделены и изучены этапы формирования и развития русской дальневосточной диаспоры. Основное внимание при этом уделено исследованию связей белоэмигрантских организаций с японскими спецслужбами. В тоже время недостаточно уделено внимания другим аспектам истории диаспоры.

В 1994 г. Е. Н. Чернолуцкой опубликован сборник статей «Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность 1920–1945 гг.». Он написан на основе части рассекреченных фондов Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Авторы сборника приводят интересные и малоизвестные страницы постреволюционной эмиграции – тактику и программные установки организаций и объединений, деятельность их лидеров в Маньчжурии (исторически сложившееся и используемое большинством исследователей наименование Северо-Восточного Китая).

В этот же период историография темы приросла научными исследованиями Г. В. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая» (1991), и «Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг.» (1997). Автор дал краткую характеристику основных районов общеэмигрантского и казачьего расселения в Китае, рассмотрел сложные проблемы адаптации эмигрантов в новых для себя условиях, изучил основные тенденции политической жизни эмиграции в этом регионе. В то же время в этих и последующих работах «Белый Харбин. Середина 20-х.» (2003), «Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925–1932» (2007) казачество как объект исследования не выступает и ему уделяется достаточно скромное внимание.

Научную картину того, как на протяжении почти полувека сохраняли свои русские корни харбинцы, подкрепленную многими ранее неизвестными источниками и личными воспоминаниями дает Е. П. Таскина в работе «Русский Харбин» (1998).

Непосредственно проблеме истории казачьей эмиграции посвящены монография «Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции» и диссертация «Российское казачество в эмиграции, 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы» (1997) исследователя А. Л. Худобородова. В них автор

рассмотрел процесс формирования основных центров казачьего расселения за границей, проблемы адаптации на новых местах, вопросы экономического положения казаков и организации ими казачьих союзов. В трудах этого автора достаточно глубоко исследованы политические течения и организации казаков-эмигрантов, вопросы сохранения казачьей культуры и её влияние на культуру русского зарубежья, а также проблема участия казаков во Второй мировой войне. Однако широкий характер темы и привлечение материала в основном по истории западного крыла казачьей эмиграции, оставляют открытыми ряд вопросов истории казаков-эмигрантов на дальневосточной ветви и в частности в Северо-Восточном Китае. Тем не менее труды этого талантливого исследователя были первыми и до сих пор остаются главными для историков казачьей эмиграции.

Разноплановый и интересный материал содержит работа Л. Ф. Goverдовской «Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.» (2000). Работая с архивными документами, автор выявляет общественно-политическую и культурную жизнь дальневосточного зарубежья. К сожалению, казачество, как отдельная группа эмиграции, этим исследователем не выделяется и не изучается.

Научные труды проф. Е. И. Тимонина «Национальная культура русского зарубежья (1920–1930-е гг.)» (1997), «Исторические судьбы русской эмиграции. 1920–1945-е гг.» (2000), вышедшие в конце 1990-х, затрагивают ряд проблем, относящихся к русским беженцам, оказавшихся в разных странах расселения. Опора на разнообразные источники позволила автору охарактеризовать ряд проблем эмиграции, выявить его особенности. Вместе с тем в этих работах не получила широкого изучения проблема места и роли казачества в эмиграции.

Особенно плодотворным в изучении российской, в том числе казачьей эмиграции, стало последнее десятилетие. Конец 1990-х – начало 2000 гг., ознаменовались появлением научной литературы по самым различным аспектам русского зарубежья. Толчок появлению подобных работ дала открытая публикация в печати ранее не доступных документов и фотографий из Центральных архивов ФСБ и СВР России, издание иллюстрированных сборников и словарей по истории российской эмиграции. В этой связи необходимо отметить издание «Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы

и материалы» (1998), «Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.» (1999), «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Энциклопедический биографический словарь – Русское зарубежье» (1997).

В этот период в центральных, и особенно в сибирских и дальневосточных периодических изданиях, впервые получает широкое распространение тематика дальневосточной эмиграции, чему способствует открытие некоторых фондов сибирских и дальневосточных «спецхранов», передача ряда документов из них в свободный доступ. Защищается ряд кандидатских и докторских диссертаций по отдельным аспектам проблемы.

Работы современных исследователей Н. Абловой, Н. Г. Дубининой, Ю. Н. Ципкина, А. Кайгородова, В. А. Априлкова, Е. Таскиной, А. Хисамутдинова, Ю. Мельникова, М. В. Кротовой, В. Н. Фомина, В. В. Перминова, Ю. К. Кириенко и др., по различным аспектам жизнедеятельности дальневосточной ветви российской эмиграции и публикации дальневосточных авторов исследуемого периода нашли свое отражение на страницах альманахов и журналов «Рубеж», «Белая армия. Белое дело», «Отечественная история», «Вопросы истории», «Знамя», «Октябрь», «Родина», «Юность», «Литературная учеба», «Новый мир», «Дальний Восток», «Проблемы Дальнего Востока».

Так, исследователь Н. Аблова в своей работе «Российская эмиграция в Китае (1924–1931 гг.)» (2000), опираясь на рассекреченные документы Государственного архива Хабаровского края (ГАКХ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), изучила деятельность Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), деятельность белоэмигрантских объединений, в том числе Казачьего союза в Шанхае. Вместе с тем казачьей эмиграции в Маньчжурии (Северо-Восточном Китае) не уделено большого внимания.

Совместное исследование Н. Г. Дубининой и Ю. Н. Ципкина «Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции» (1996) также главным образом посвящено работе Харбинского беженского комитета. На основе статистических данных комитета исследователи рассмотрели удельный вес в русской диаспоре Харбина каждой социальной эмигрантской группы, в том числе казачества. Затронули деятельность Российской фашистской партии (РФП), которая образовалась в Харбине. К сожалению, казачество как отдельный объект исследования в работе не рассматривается.

Работа М. В. Кротовой «Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914» (1995) посвящена начальному периоду развития города, после революции отторгнутого от России и ставшего одним из крупных центров русского зарубежья. В исследовании анализируется социально-экономическое положение Харбина, характеризуются условия торгово-промышленной жизни города, воссоздается картина взаимоотношений русского и китайского населения накануне массовой эмиграции российских белых армий и гражданского населения.

Автор Ю. Мельников в публикации «Русские фашисты в Маньчжурии» (1991) осветил деятельность фашистов в Северо-Восточном Китае периода японской оккупации. Много внимания уделено фигуре лидера партии Константина Родзаевского. А. А. Хисамутдинов в работе «Русские в Дальнем – Дайрене» (1998) исследовал русскую диаспору российского (до русско-японской войны) города-порта Дальнего (Дайрена). Основное внимание автор уделил общественно-культурной жизни города 1922–1945 гг.

А. Кайгородов свой очерк «Он был забайкальский казак» (1994) посвятил атаману Семенову. Работа является одной из первых попыток создания биографического очерка о забайкальском атамане с момента его рождения и до казни в 1946 г. Основываясь на архивных документах, воспоминаниях современников атамана и личных впечатлениях (автор сам родился в Трехречье), он весьма интересно трактует многие поступки и действия Г. М. Семенова периода Гражданской войны и эмиграции.

В 2000-е гг. появились и защищены диссертационные исследования по данной теме. Дополняют и обогащают современную историографию диссертации У Нань Миня «Русская диаспора в Китае 20–30-х гг. XX в.» (2001), Е. Е. Аурелине «Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в.» (1994) и также ее труд «Российская диаспора в Китае» (2008). В них исследователи рассмотрели общие проблемы существования русской общины на территории Китая, вопросы её взаимодействия с местным населением и местными властями. Однако и здесь мало уделено внимания казачьему элементу в составе русской диаспоры.

В другом диссертационном исследовании – Я. Л. Писаревская «Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, сер. 1920-х – сер. 1930-х гг. (2001) – освещены проблемы социально-политического состава российской эмиграции Северо-Восточного Китая, а также

тема реэмиграции российских граждан в период 1920-х – сер. 1930-х гг. Казачья же эмиграция как объект исследования подробно не рассматривается.

Заметным явлением в историографии темы явились кандидатское и докторское диссертационные исследования Г. И. Малышенко «Идейно-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае (1920–1937)» (2001) и «Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции: 1920–1945 гг.» (2007). Автор на обширной источниковой базе рассмотрел проблемы идейно-политической борьбы в среде казачества Северо-Восточного Китая. В исследованиях затронуты практически все политические организации и союзы, созданные казаками в Маньчжурии и функционировавшие в 1920–1937 гг. Рассмотрены идейные течения и политические приоритеты казаков-эмигрантов, а также проблема их политического взаимодействия с Бюро по делам российских эмигрантов. Вместе с тем исследования практически не затрагивают некоторых вопросов истории казачьей эмиграции в Северо-Восточном Китае. Например, каким образом казачий элемент взаимодействовал со всей диаспорой не только на политическом, но и на хозяйственном, социальном и культурном уровнях.

Свой вклад в изучение темы дальневосточной казачьей эмиграции внесла диссертация И. В. Чапыгина «Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая» (1920–1945 гг.)» (2006). Исследование рассматривает формирование и положение русской диаспоры в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) накануне и в период массовой постреволюционной эмиграции. В работе анализируется место и роль казачества в русской диаспоре Маньчжурии, его социально-экономическая, политическая и культурная жизнь. Ряд положений исследования вошли в содержания учебных пособий «Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920–1945 гг.» (2013) и «Дальневосточная российская эмиграция в 1920–1930 гг.» (2013) и научных статей по теме.

Из недавно вышедших трудов по теме можно назвать работы О. К. Антропова «Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.)» (2008), «История отечественной эмиграции» (2011) и «Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930 гг.» (2011). В работах автор изучил и проанализировал разноплановые аспекты

истории отечественной эмиграции, главным образом ее центральной западной ветви, выделил проблему разработки пореволюционными мыслителями концепции «третьего пути» развития России, альтернативного либерализму и коммунизму. К сожалению, казачьи организации и объединения отдельно автором не рассмотрены.

Труд А. М. Буякова и О. В. Шинина «Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах» (2013) посвящен актуальным вопросам образования и деятельности органов ГПУ–НКГБ на Дальнем Востоке в изучаемый нами период. В работе отражена борьба советских спецслужб с иностранными военными спецслужбами и военизированными организациями дальневосточной российской эмиграции, большую часть которых составляли казаки Маньчжурии.

В монографии известного петербургского исследователя эмиграции П. Н. Базанова «Братство Русской правды» (2013) впервые в историографии предпринята попытка рассказать о наиболее активной военно-политической организации русской эмиграции. Автор затронул и Дальневосточный отдел Братства Русской правды, лидерами которого являлись известные казачьи офицеры и генералы Е. Г. Сычев, В. В. Сараев, И. Ф. Шильников, А. Г. Грызлов, Г. Почечукин и др.

Работа краснодарского ученого О. В. Ратушняка «Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.)» (2013 г.) отражает пребывание донского, кубанского и терского казачества за рубежом в указанный период. Автором главным образом рассматривается западная (европейская) ветвь казачьей эмиграции, но благодаря хорошей источниковой базе можно найти много интересного материала для сравнительных характеристик двух разных путей эмиграции, установить специфику каждого.

В 2014 г. отечественная историография российской эмиграции пополнилась значительным исследованием М. В. Кротовой «СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.)». В книге исследуется русское население Маньчжурии, политика СССР по отношению к эмигрантам, взаимоотношения советских граждан и эмигрантов в указанный период на основе источников личного происхождения.

Зарубежную историографию российской постреволюционной эмиграции, как уже отмечалось выше, составляют труды как самих российских эмигрантов, так и иностранных исследователей.

Эмигрантская историография темы берет свой отчет с 1920-х гг., когда за рубежом выходят книги П. Н. Краснова, П. А. Скачкова, С. Рытченкова, освещающие деятельность эмигрантских, в том числе казачьих организаций в ряде западных стран (Франция, Болгария, Чехословакия, Германия).

Работы И. Г. Акулинина, Г. В. Енборисова, Г. М. Семенова, И. И. Серебренникова, вышедшие в 1930-е гг. в Китае, также отражают некоторые стороны жизни оренбургских, забайкальских и сибирских казаков в этой стране, особенно начального периода эмиграции, деятельности Восточного казачьего союза в Харбине.

Необходимо отметить, что в середине 1920-х – сер. 1930-х гг. в Праге и Париже шло активное накопление и систематизация источниковой базы по эмиграции. Например, в правлении Казачьего союза в Париже была сконцентрирована значительная по объему переписка с десятками казачьих организаций, союзов и объединений многих стран мира, в том числе с казачьими союзами в Харбине и Шанхае. Эти источники явились прочной основой развития зарубежной историографии в 1950–1960-е гг., когда эмигрантская историография темы пополнилась новыми исследованиями. Это работы П. П. Балакшина, Л. Масянова, А. Н. Скрылова и Г. В. Губарева.

Так, автор П. П. Балакшин в труде «Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке» (1955–1957), опираясь на широкую источниковую базу, исследовал проблемы условий жизни эмигрантов в Китае, вопросы их адаптации и трудоустройства, взаимоотношения с местными властями. В его работе освещаются отдельные вопросы политической истории эмиграции в регионе. К сожалению, казачеству в русской диаспоре Китая отводится весьма скромное место.

В конце 1960-х гг. вышел подготовленный А. Н. Скрыловым и Г. В. Губаревым «Казачий словарь-справочник» (1968–1970). В нем представлена в основном информация о жизни кубанских и донских казаков в эмиграции, а также о вольно-казачьем движении. Крайне слабо представлены в словаре казаки азиатской России.

В 1980–1990-е гг. продолжается издание зарубежных эмигрантских трудов (главным образом в США и Австралии), посвященных российской эмиграции, в которых затрагиваются отдельные аспекты жизни казаков в Маньчжурии и Шанхае в 1920–1940-е гг. Это труды В. Санникова «Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии» (1990) и Е. М. Красноусова «Русский Шанхайский полк» (1984).

Данные исследования позволяют составить определенное представление о жизни российской эмиграции, об участии белоэмигрантов, в том числе сибирского и забайкальского казачества в деятельности Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса по охране международного сэттльмента в Шанхае, в общем, понять сложное положение российской эмиграции в Маньчжурии во время японской оккупации.

Одна из первых работ зарубежных авторов о русской эмиграции вышла в 1924 г. в Германии. Ее автор немецкий историк Ганс фон Римша положил в основу работы свою диссертацию «Русская гражданская война и русская эмиграция в 1917–1921 гг.». В 1927 г. вышла другая книга этого автора – «Зарубежная Россия в 1921–1926 гг.». В ней он дал отрицательную картину белой эмиграции, хотя в пристрастии к большевикам его было трудно заподозрить.

Почти через сорок лет еще один немецкий автор, западногерманский историк Ганс Эрик Фолькман издал в серии так называемых Марбургских исследований Востока монографию о русской эмиграции в Германии в 1919–1929 гг.

Еще одна крупная работа о русской эмиграции была опубликована в Лондоне в 1972 г. Ее автор профессор истории Вашингтонского университета Р. Вильямс.

К сожалению, эти авторы оставили за рамками своих исследований восточную ветвь российской эмиграции, архивами которой они не располагали или располагали в очень небольшом количестве.

Из зарубежной историографии российской эмиграции заслуживает особого внимания труд Дж. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945 гг.» (1992). Исследователь обращается к истории российской эмиграции Китая в контексте исследования процесса распространения в ее среде фашизма в 1920–1930-е гг. Подробно рассматривается сотрудничество Бюро российской эмиграции (БРЭМ) с японскими спецслужбами, руководством Квантунской армией. Казачья же эмиграция как отдельная тема остается в стороне и автором не исследуется.

Из научных изданий, выпущенных за рубежом, заслуживает внимание труд «Записки Русской академической группы в США» (1994) и «Россияне в Азии» (1994).

В «Записки...» входят 15 основных статей, пять из которых посвящены теме «Русского Харбина». В них рассматривается общественно-политическая, культурная, религиозная жизнь Харбина, сис-

тема образования, литературное творчество местных авторов, просветительская деятельность И. И. и А. П. Серебренниковых в Китае, дается описание их архива, находящегося в настоящее время в США. В сборнике также помещен некролог на смерть поэта В. Перелешина.

Сборник «Россияне в Азии» полностью посвящен дальневосточной эмиграции. Не считая редакционного предисловия, в нем четыре раздела: поэзия, воспоминания, история, коллекции и архивы. Сборник содержит и библиографический раздел – описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета, занимающейся собиранием литературы о жизни русской диаспоры на Дальнем Востоке, и, прежде всего, изданной в Китае. Эти материалы опубликованы впервые и, несомненно, внесут весомый вклад в изучение темы, развитие ее историографии.

Огромный интерес китайских исследователей к проблеме российской эмиграции в Китае проявился почти одновременно с разработкой этой темы в российской исторической науке в постсоветский период. Если в первые годы после образования КНР (1949 г.) тема русской белогвардейской эмиграции на территории Китая была практически запрещена, то в последние десятилетия всё больше китайских историков обращаются к ней.

На рубеже 1990–2000 гг. вышла коллективная работа «История русских эмигрантов в Харбине» (Харбин, 1998) и статья У Нань Линя «Проблема адаптации русской эмиграции в Китае (20–30-е гг. XX в.)» (М., 2001), в которых авторы рассматривают адаптационные процессы в основных центрах расселения российских эмигрантов в Китае. В сборнике статей «Русская литература в XX веке» опубликована работа Ли Иннань «Образ Китая в русской поэзии Харбина» (М., 2002).

И хотя пока никто из китайских исследователей не выбрал казачество в эмиграции отдельной темой работы, заслуживает внимание труд китайского исследователя А. Ван Чжи-Чена «История русской эмиграции в Шанхае» (переведен в 2008 г.). Исследование интересно комплексным изучением истории политической, общественной и культурной жизни русских в Шанхае, среди которых были и представители казачества, объединенные в «Союз казаков в Шанхае».

Таким образом, краткий источниковый и историографический анализ отечественной и зарубежной литературы по истории рос-

сийской эмиграции позволяет сделать предварительные выводы. С 1920 г. по настоящее время в отечественной и зарубежной историографии опубликовано несколько десятков научных работ по истории русского зарубежья, в которых нашла свое отражение тема казачьей эмиграции и ее дальневосточная ветвь. Тема казачьей эмиграции в Китае берет свое начало с 1920-х гг. В отечественной историографии она прошла ряд этапов, сопряженных со сменой общественно-политического устройства и методологических подходов. Только с конца 1980-х гг. она получает свое современное развитие. В последнее 10-летие дальневосточная ветвь эмиграции и казачий вопрос становится отдельной темой своего изучения. Зарубежная историография темы также берет свое начало с 1920-х гг. Она развивалась более динамично и в меньшей мере была подвержена идеологической и политической конъюнктуре, шире использовала источниковую базу и разнообразный методологический инструментарий. Достаточно неплохо изучены географические, социальные, экономические, политические аспекты темы. Слабо исследованы, на наш взгляд, социокультурные, психологические проблемы казачьей эмиграции, военно-политическая деятельность и повседневная история.

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРОВ КАЗАЧЬЕГО РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ (МАНЬЧЖУРИЯ И ШАНХАЙ) И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБУСТРОЙСТВА

2.1. ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КИТАЕ

Массовому появлению русского населения в Китае и особенно Маньчжурии (устоявшееся наименование Северо-Восточного Китая) предшествовал ряд исторических событий и процессов, происходивших задолго до революции 1917 г., приведшей к Гражданской войне и ставшей причиной массового исхода военного и гражданского населения проигравшей белой стороны из областей Сибири и Дальнего Востока на ее территорию.

В XVII в. освоение русскими землепроходцами Сибири и Дальнего Востока открыло новый этап эпохи Великих географических открытий и способствовало превращению России в крупную тихоокеанскую державу. Россия проявляла большой интерес к восточному соседу Китаю, связи с которым до 50-х гг. XVII в. осуществлялась преимущественно при посредничестве среднеазиатского купечества [126, с.123]. Нерчинский договор 1689 г. положил начало официальным отношениям между Россией и Китаем. Начиная с 1693 г. русские казенные караваны довольно регулярно направлялись из Забайкалья в Китай (в период 1693–1719 гг. было организовано десять караванов) [96, с. 261]. Нерчинск имел неоспоримые

географические преимущества для русско-китайской торговли по сравнению с Тобольском и Томском и после нормализации положения на забайкальском участке границы этот край становится главным направлением для поддержания связей России с Китаем. В тексте Нерчинского договора было четко сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать» [119, с. 28], т. е. любые конфликты должны были разрешаться путем переговоров. Надо добавить, что этот принцип стал фундаментом дальнейших отношений и договоренностей, а торговля сыграла весьма важную роль в экономическом сближении двух соседних государств, во взаимном ознакомлении с обычаями и нравами их народов.

К середине 20-х гг. XVIII в. стороны приступили к установлению государственных границ, складывающихся по мере освоения народами, вошедшими в состав России и Китая, приграничных территорий. Между двумя странами 20 августа 1727 г. был подписан Буринский трактат, а 21 октября 1727 г. был заключен Кяхтинский договор. С их подписанием, торговля между двумя странами была упорядочена, а ее объем значительно возрос по сравнению с предыдущим периодом.

Потребности обороны южных и восточных окраин, а также относительно небольшие расходы на содержание по сравнению с регулярными частями, побудили российское правительство сохранить подразделения служивых казаков в приграничных районах юга России, в Сибири и на Дальнем Востоке. В этот период делает, по сути, эволюционный шаг казачество Забайкалья. По переписи 1721 г. только в Нерчинском ведомстве на 476 служивых казака выявлено 1 410 родственников, которые имели формальное право на «первоочередное верстание на службу», за счет чего происходил рост казачьего населения. Таким образом, появился наследственный принцип казачьей службы, что послужило началом появления казачьего сословия в Забайкалье, как организованной, мобильной военной силы по охране границы и поддержанию внутреннего порядка. В 1727 г. на границе с Китаем было учреждено 18 караулов, 2 форпоста, к 1728 г. их количество возросло до 31, началось строительство крепостей.

В 1763–1764 гг. обострились отношения с Китаем. Причиной послужило неудачное обращение к богдыхану, взошедшей на русский престол Екатерины II и предложившей обменяться посольствами. Китайскую сторону задела фраза Екатерины: «...Если покоя,

верности, мира соблюдать вы не будете, то есть у нас и другие меры». Русскому правительству в ответ были посланы слова: «...Возможно ли, чтобы богдыхану равнялся кто-либо из самодержавных государей и меньше всего женщина, которая правит России» [75, с. 37]. В 1764 г. китайцы прекратили торговлю в Кяхте, изгнали русских купцов и прервали дипломатические отношения. Таким образом, замыслы присоединить к России Монголию и земли по Амуру не осуществились. К 1774 г. количество постов и караулов на границе с Китаем выросло до 74 единиц с охватом границы 2343,5 версты. Большинство из них постепенно превращались в приграничные поселки и станицы.

Интерес к «амурскому вопросу» становится актуальным в очередной раз в XIX в., после того, как Великобритания добилась открытия в Китае пяти портов для торговых отношений. Это грозило упадком кяхтинской торговли, которая приносила России и Китаю миллионные прибыли. Последовательная позиция русского правительства, осуждавшего ведение Великобританией «опиумных войн» (1840–1842 и 1856–1860) против Китая, строгое запрещение ввоза в Китай опиума вызвали признательность цинской стороны. Все это не могло не сказаться на характере российско-китайских отношений, и создало необходимые внешние предпосылки для дипломатического решения вопроса о размежевании Приамурья и Приморья с Китаем.

Важная роль в практическом решении этой проблемы принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Ему же принадлежит главная роль в создании Забайкальского казачьего войска в 1851 г., как щита от возможных посягательств Китая.

Поскольку в русских правительственных кругах сложилось мнение, что Амур в своих низовьях не судоходен и теряется в песках, а Сахалин полуостров, запирающий своим перешейком выход из современного Татарского пролива на юг, то ценность Амура и Сахалина для России ставилась под сомнение. Н. Н. Муравьев содействовал организации летом 1849 г. экспедиции капитан-лейтенанта (а впоследствии – адмирала) Г. И. Невельского, которая выяснила полную доступность Амура для морских судов и подтвердила островное положение Сахалина, отделенного от материка глубоководным проливом. Значение Амура для России, в связи с выходом реки к Тихому океану существенно возросло.

По российско-китайскому Айгунскому договору, подписанному 16 мая 1858 г. и ратифицированному правительствами обеих стран, левый берег Амура признавался принадлежавшим России, а правый, до р. Уссури, – китайским. Решение вопроса о принадлежности Приморья договор откладывал. Земли эти признавались временно находящимися в общем владении. По договору, по рекам Амуру, Сунгари и Уссури могли плавать только русские и китайские суда. В том же 1858 г. Усть-Зейский военный пост был преобразован в г. Благовещенск, ставший центром вновь созданной Амурской области, ниже по течению Амура возникли военный пост Хабаровка (будущий Хабаровск) и другие русские селения. Для охраны новой юго-восточной границы, учреждения и обеспечения почтового сообщения по Амуру и Уссури, в 1858 г. было создано Амурское казачье войско, ядро которого составили забайкальские казаки, переселенные правительством в Приамурье и Приморье. Амурское казачье войско охраняло и русскую границу по Амуру.

Основная цель Айгунского договора – разграничения по Амуру и признание за Россией его левой стороны, была достигнута. Европейские государства, прежде всего Англия и Франция, и Китай были вынуждены считаться с заселением Амура как с свершившимся фактом. Практически параллельно с заключением Айгунского договора состоялось подписание российско-китайского Тяньцзиньского договора, который не противоречил уже подписанному Айгунскому договору, намечая при этом широкую программу по уточнению линии границы между двумя странами, ее описание и составление карт смежных районов.

2 ноября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому граница устанавливалась на всем восточном участке по рекам Амуру, Уссури, Сунгача, оз. Ханка и далее по горам до р. Тумыньцзян (граница с Кореей). На западном участке было намечено общее направление прохождения границы по озерам Зайсан и Иссык-Куль (потом она была уточнена Чугучакским протоколом 1864 г.) [116, с. 47]. Присоединение к России Южно-Уссурийского края с его удобными гаванями и водными путями позволило русскому правительству во второй половине XIX в. возобновить заселение и хозяйственное освоение Дальнего Востока. Заселение Южно-Уссурийского края – самой южной части Приморской области началось с 1860 г. с создания здесь военных постов: Владивостокского, Новгородского, Новокиевского и др.

Айгунский и Пекинский договоры, заключенные в результате мирных переговоров, завершили длительный процесс размежевания владений России и Китая на Дальнем Востоке и таким образом подвели итог важному этапу в истории их взаимоотношений в XVII–XIX вв.

В середине XIX в. из Китая в Приамурье дошли сведения о богатых золотых россыпях, обнаруженных в соседней Маньчжурии. С этого момента в приагунских районах Китая стали возникать смешанные русско-китайские поселения старателей. Особого расцвета эта вольная золотодобыча достигла в 1880-е гг., чему способствовал весьма либеральный режим российско-китайской границы. В принципе, двусторонние соглашения не запрещали перехода российско-китайской границы Айгунского договора в любом месте. Русский исследователь, перешедший границу в Хулуньбуире в 1881 г. отмечал: «Пограничные жители пропускаются через границу вполне беспрепятственно, причем не соблюдается никаких формальностей» [86, с. 4].

Маньчжурия была огромным и богатейшим районом Китая. Ее площадь – 1 230 673 кв. км – в два раза превышала территорию соседнего Забайкалья, была равна Амурской и Приморским областям вместе взятым. Маньчжурия соответствовала по территории двум Франциям и была намного больше площади Франции, Великобритании и Италии вместе взятых, в три с половиной раза превышала размеры Японии.

Маньчжурия располагала богатейшими природными ресурсами. Значительная часть территории на севере и востоке была покрыта девственной тайгой, богатой пушным зверем; на западе лежали степи, где были исключительно благоприятные условия для животноводства: в них паслись десятки тысяч голов рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов; юг с плодородными почвами и теплым климатом был краем развитого земледелия. Маньчжурия славилась своим женьшенем, пантами и травой «ула», используемой для утепления обуви. Здесь успешно искали золото и речной жемчуг, а охотники добывали ежегодно до 10 млн фазанов и 1млн шкурок тарбагана [125, с. 5].

«Летом 1883 г. по Приамурью стали распространяться слухи о золоте, обнаруженном на территории Китая на речке с местным названием Желта. Эта речка, всего около 15 км длиной, была притоком Албазихи (правого притока Амура). Китайское название ее –

Мохэ. Сюда хлынул поток золотоискателей. Возникло приисковое поселение, в котором жили русские и, конечно, китайцы, корейцы и др. Это был разношерстный и пестрый люд: коренные сибиряки, ссыльные поселенцы, беглые преступники, охотники за легкой наживой. Число старателей быстро росло, через год их насчитывалось уже 10 тыс. Народ этот – новая амурская вольница – не признавал ни русских, ни китайских властей, да и вообще никакого начальства, никаких законов. К концу 1885 г. ее население составляло около 20 тыс., в том числе 500 китайцев более 100 корейцев. Здесь появились магазины, рестораны, гостиницы, игорные и публичные дома, в которых спускались целые состояния, больницы, даже банки и часовня. Желтугинцы успели добыть примерно 500 пудов золота, большая часть которого ушла в Китай» [90, с. 23]. Эти места получили название «Амурской Калифорнии», или «Желтугинской республики». Китай, встревоженный наплывом русских на свою территорию, направил в Мохэ войска. Российское правительство выпустило специальное воззвание, с тем чтобы прекратить переход своих подданных за китайскую границу для добычи золота, и послало людей вернуть старателей назад. Тем не менее больше тысячи человек остались глухи к голосу своего правительства и продолжали скрываться, что вызвало повторное применение военной силы со стороны китайцев. Поселение Желтуга было сметено с лица земли. В октябре 1892 г. около сотни русских старателей, перейдя границу, проникли в район между реками Морин-Гол и Дербул для добычи золота. Это вызвало новое вооруженное столкновение, русским пришлось оставить 23 строения, 8 домов, крытых берестой, 123 шурфа и 50 шахт [130, с. 194].

Существование нелегальных поселков русских золотодобытчиков в Барге (северо-западной Маньчжурии), составляет первый яркий этап в истории освоения территорий соседнего государства.

К началу 1890-х гг. XIX в. русское правительство приняло решение строить Великий Сибирский железнодорожный путь, который был призван связать далекую окраину Российской империи с центральными районами страны. Решение вопроса было ускорено развернувшимися военными событиями на Дальнем Востоке. В 1894–1895 гг. вспыхнула японо-китайская война, закончившаяся тяжелым поражением Китая и показавшая серьезность агрессивного курса Японии. Военное усиление Японии на Дальнем Востоке происходило в условиях, когда дальневосточные области России

оставались слабозаселенными, не была обеспечена их военная безопасность. События японо-китайской войны показали необходимость усиления России на востоке и оторванность Приморья и Приамурья от центральных районов страны. Стала ясна важность соединения Владивостока железнодорожным путем с европейской частью России в кратчайший срок.

В 1896 г. был подписан секретный русско-китайский договор о союзе против Японии и постройке КВЖД (Китайской восточной железной дороги), которая, пройдя через Северо-Восточный Китай, должна была напрямую соединить Сибирскую железную дорогу (от города Читы) с Владивостоком. Вслед за договором была заключена конвенция о предоставлении Цинской империей в аренду России портов Ляюшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний), расположенных на Ляодунском полуострове [112, л. 1–2]. В 1898 г. было принято решение о строительстве храмов в этих городах: в Порт-Артуре – во имя Святителя Николая, а в Дальнем – храма во имя мученицы Александры, «дни празднования которых совпадают с радостными для всей России днями тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы» [112, л. 1].

В задачи данной монографии не входит подробный анализ причин и обоснований строительства КВЖД, условий ее эксплуатации, но ясно одно, в пользу «маньчжурского варианта» находились вполне реальные экономические соображения, а также весомые политические и стратегические цели. Именно строительство и эксплуатация дороги дало толчок дальнейшему освоению и развитию этой территории Цинской империи и положило начало второму этапу в истории формирования русской диаспоры в Маньчжурии.

Предварительные работы по сооружению КВЖД начались в 1897 г. одновременно в нескольких направлениях, в том числе из Читы на восток, для встречи с идущими из Владивостока строителями. В 1900 г. для сооружения станции, вокруг которой впоследствии возник китайский город Маньчжурия, прибыло 130 русских рабочих и инженеров и более 4 тыс. китайских рабочих из провинции Шаньдунь и Хэбэй.

Продуманная политика администрации в отношении местного населения, полное признание и поддержка его прав и интересов привели к быстрому росту доверия китайского населения к строителям КВЖД. В отношениях создалась атмосфера дружбы и сотрудничества, которые характерны для всего последующего длительного

периода совместной эксплуатации дороги и жизни русской колонии в Маньчжурии в китайском окружении. Стоит вдуматься в следующий факт. Полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом в Китае, каких было много во всех его крупных городах, где иностранцы селились в изоляции от массы рядовых китайцев, жили только по собственным законам, имели свою полицию и консульский суд. Здесь по всей Северной Маньчжурии, русское и китайское население, являясь для большинства районов одинаково пришлым, селилось рядом, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при освоении новых мест. Располагая данными по истории Маньчжурии, можно утверждать, что жизнь русского и китайского населения в полосе отчуждения КВЖД в течение более чем 50-летнего «русского эпизода» в Маньчжурии (за исключением событий июля-августа 1900 г. – восстания ихэтуаней), проходила без эксцессов, без столкновений, тем более на расовой или религиозной почве. При этом, конечно, были мелкие споры и конфликты, которые разрешались с помощью учреждений – цзяошэцзюй (управлений по взаимным сношениям, или дипломатических бюро, созданных инженером А. И. Юговичем). Это были смешанные местные русско-китайские коллегии, в которых рассматривались все недоразумения и вопросы, прямо или косвенно касающиеся нужд дороги, а также русских и китайцев, живших в полосе отчуждения. В эти бюро входили представители местной китайской администрации, а с русской стороны – лица, назначаемые главным инженером. Бюро являлись и смешанными судами, которые разбирали взаимные иски русских и китайских подданных. Строгая законность выгодно отличала эти учреждения от китайских судебных органов – ямыней, где приговор можно было купить за деньги.

Известно, что КВЖД обязательно выкупала у частных владельцев отчуждаемые для нужд дороги земли. Ширина отчуждаемой земли на перегонах между станциями устанавливалась в 40 сажень (по 20 в каждую сторону), но фактически была меньше: по 15 сажень с одной стороны и 18 – с другой (соответственно около 32 м и немногим более 38 м). Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные и разъезды – до 30 десятин (32,7 га).

Отчуждением земель поначалу ведал в управлении дороги особый отдел отчуждения, просуществовавший до 1912 г., когда его функции были переданы земельному отделу. Смешанные бюро

(цзяошэцзюй) проверяли и утверждали все акты по отчуждению земельных участков, являясь, таким образом, представителями интересов китайской стороны. Эти организации были тем действующим связующим звеном, которое объединяло русских и китайцев в полосе отчуждения. Они просуществовали вплоть до 1920 г., пережив крушение Российской империи.

Русские строители дороги, как и все иностранцы в Китае, пользовались правом экстерриториальности. В соответствии со ст. 6 «Контракта на постройку КВЖД», в полосе отчуждения постепенно были созданы все обычные институты русской административной системы: полиция, в которой служили русские и китайцы, суд; предусматривалась и охрана дороги вольнонаемной стражей. В условиях развития в Маньчжурии хунхузнчества (бандитизма) проблема обеспечения личной безопасности изыскателей и строителей КВЖД была чрезвычайно актуальной. Общество КВЖД, согласно уставу, должно было само заботиться об охране дороги. Лучшим контингентом для такой охраны считались казаки, служившие на началах вольного найма. Они составили Охранную стражу КВЖД, первоначально это были пять конных сотен.

Восстание ихэтуаней (боксеров), перекинувшееся к лету 1900 г. на территорию Маньчжурии, нарушило дальнейшее планомерное строительство КВЖД и вынудило русских строителей выехать назад в Забайкалье. Для защиты дороги в Маньчжурию были введены регулярные русские войска. При проведении военных действий русская армия была вынуждена снести китайские пограничные заставы на Аргуни, и Китай потерял возможность охранять границу, что положило начало массовому переселению русских казаков на правый (китайский) берег пограничной реки вследствие нехватки своей земли под выпасы и сенокосы. Хотя в Восточном Забайкалье отсутствовали помещичьи хозяйства, но около 10 млн десятин земли принадлежало царскому дому Романовых – так называемые «кабинетские» земли, которые казаки были вынуждены арендовать. Район Барги, так называемое Трехречье (бассейн правых притоков Аргуни – Гана, Дербула и Хаула), был издавна знаком забайкальским казакам и привлекал своими естественными богатствами. Еще с конца XIX в. они перегоняли в Трехречье свои стада и табуны на пастьбу, заготавливали здесь сено и распахивали целинные земли. Находили подсобный заработок, охотясь за дичью и пушным зверем в таежных местах этого района, ставили здесь избы-землянки. Осе-

дать на жительство казаки начали с 1906–1907 гг., но особенно интенсивно – после начала гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Таким образом, в начале XX в. земельный вопрос составляет основу русской эмиграции на китайский, правый берег Аргуни.

Одним из последствий событий в Маньчжурии в период восстания ихэтуаней, явились реорганизация Охранной стражи и включение ее с 19 января 1901 г. в состав Особого Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи с доведением ее численности до 25 тыс. человек всех родов войск – конницы, пехоты и артиллерии. Корпус находился в непосредственном подчинении министра финансов. Начальником округа до 1902 г. состоял генерал М. К. Дитерихс (с его именем впоследствии был связан заключительный этап гражданской войны на советском Дальнем Востоке), также в Охранной страже дороги в свое время служили: А. И. Гучков, А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, ставшие известными политическими и военными деятелями России. В дальнейшем, проблему обеспечения безопасности КВЖД правительство России склонялось решать путем создания военных поселений в полосе отчуждения. Автором идеи выступил приамурский генерал-губернатор Гродеков. В докладной записке на имя императора он предлагал: «Заселить полосу отчуждения (КВЖД) русским элементом, способным найти силу хотя бы для первоначальной защиты линии от вооруженных нападений, так как охранная стража, разбросанная по всей обширной территории КВЖД, численно недостаточна в каждом ее пункте» [130, с. 198]. Николай II одобрил инициативу и поручил военному ведомству, министерствам финансов и земледелия разработать проект создания казачьих станиц и солдатских слободок вдоль всех веток КВЖД. Первоначально предполагалось привлечь сюда тех же забайкальских казаков и подлежащих увольнению в запас нижних чинов экспедиционного корпуса регулярной армии. Им должна была выделяться земля, которую в 1903–1905 гг. Россия получила в концессию на правах длительной аренды из расчета по 3 тыс. десятин при каждой станции, в том числе и на западной линии. Желающих нашлось не так уж много, хотя Общество КВЖД ежегодно выделяло на эти нужды 200 тыс. рублей подъемных, а государство освобождало их на десять лет от арендной платы за землю. К 1905 г. во всей Маньчжурской армии было зарегистрировано всего 2 518 таких поселенцев. В то же время пере-

селяющиеся на правобережье Аргуни русские занялись привычной добычей золота, а также стали поднимать целину и пасти скот. К 1907 г. только в Аргунском хошуне Барги (западная ветка КВЖД) уже насчитывалась тысяча дворов, в которых проживало пять с лишним тысяч русских.

К моменту ввода КВЖД в эксплуатацию, общее протяжение ее линий с ветками, станционными и карьерными путями составляло 3 189 км. Ее 107 станций очень скоро превратились в крупные развивающиеся поселки. Дорога выстроила в них к 1903 г. (год сдачи КВЖД в эксплуатацию) 294 061 кв. м жилых помещений, а к 1911 г. – 606 587 кв. м, т. е. 467, 9 кв. м на 1 км главного пути. Общее число служащих на дороге определялось в 1903 г. в 39 112 человек, из которых русских было 18 123, китайцев – 20 948, австрийцев, итальянцев, швейцарцев и турок – 17, японцев – 17 и корейцев – 9. Стоимость КВЖД, включая сооружение порта Дальнего и города Дальнего, составила к 1903 г. – 318 640 236 рублей. К 1906 г. возросла до 375 млн рублей. В последующие годы она выражалась суммой около 500 млн рублей [90, с. 55–56].

Благодаря КВЖД в Маньчжурии образовались новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Харбин стал сердцем Маньчжурии. Харбин с пригородами – современный десятиллионный центр провинции Хэйлуцзян, был спроектирован, заложен и превращен в город именно русскими инженерами, построен русскими и китайскими строителями, и появился на географической карте впервые в 1898 г. в связи со строительством КВЖД.

Существует традиционное представление, что первых русских и других представителей многонациональной Российской империи в Харбине в начальные годы его существования (1898–1903 гг.) было немного – «едва ли две-три тысячи». Это неверно. Огромный размах железнодорожного и городского строительства в начальный период требовал большого числа рабочих рук. Малонаселенная северная часть Маньчжурии не могла удовлетворить потребность в рабочей силе, и постройка дороги привлекла сюда десятки тысяч русских и китайских рабочих из России и Северного Китая. Они и заселили край. Известно, что уже в 1899 г. в одном только Харбине насчитывалось около 14 тыс. выходцев из Российской империи. Причем это были различные ее национальности – русские, поляки, евреи, армяне, грузины и др. Часть приехала еще в составе изыскательских партий, другая – с обозами строителей. Таким образом, Харбин сразу

стал складываться как город многонациональный. Надо отметить, что за всю его историю, здесь не было никаких публичных проявлений национального антагонизма, всегда сохранялась исключительная национальная и религиозная терпимость. Это происходило, видимо, потому, что все выходцы из России в равной степени чувствовали себя пионерами этого пустынного и сурового края, разделяли сообща все трудности его освоения, все называли себя «россиянами», а еще, может быть, и потому, что всем находилось дело, и никто никому не мешал. Несмотря на трудности, жизнь первых харбинцев-железнодорожников протекала в сравнительно хороших условиях. Труд квалифицированных специалистов хорошо оплачивался, они быстро обеспечивались благоустроенными казенными квартирами, пользовались привилегиями и льготами.

Харбин имел все условия, все необходимые предпосылки для быстрого и перспективного развития. Вскоре он стал важнейшим транспортным узлом мощной железной дороги, пересекавшей всю Маньчжурию и ставшей кратчайшим звеном Великого Сибирского пути. Город стоял на берегу важнейшей водной артерии северной части Маньчжурии – Сунгари. Окружавшие Харбин китайские населенные пункты – Ашихэ, Шуанчэнпу, Лалинь, Хулань (а позднее и другие созданные дорогой населенные пункты производства товарного зерна) были удачно сложившимися центрами сельскохозяйственного, главным образом зернового производства и давали дороге огромное количество главных для КВЖД зерновых грузов.

Задуманный как административный центр полосы отчуждения КВЖД, через пять лет со дня основания города он уже насчитывал около 45 тыс. человек. Здесь было построено более 300 больших каменных зданий (тогда как большинство сибирских и дальневосточных городов были деревянными), появились первые автомобили и телефоны, электрическое освещение [73, с. 126].

Русская колония города всеми силами старалась сохранить привычный уклад российской жизни. Активно возводились церкви и школы, открывались клубы и землячества, в 1903 г. стала регулярно выходить первая «большая» харбинская газета «Харбинский вестник».

К началу Русско-японской войны Барга или Хулуьбуир (западная часть Маньчжурии) и Харбин уже превратились в сравнительно крупные промышленные и торговые центры, выполнившие роль тыла русской армии в ходе маньчжурской кампании.

С началом войны в Маньчжурию хлынула масса торговцев и предпринимателей, а также различного рода дельцов и спекулянтов, стремившихся воспользоваться конъюнктурой, столь благоприятной для развития предприятий и личного обогащения. Начали открываться и работать десятки крупных по тому времени предприятий таких отраслей промышленности, которых прежде либо вовсе не было, либо насчитывались единицы: паровые вальцовые мельницы, самые разнообразные заводы (винокуренные, пивоваренные, кожевенные), различные фабрики, механические, слесарные кузнечные мастерские и др. В «Историческом обзоре КВЖД» приводятся данные о том, что в 1907 г. на западном участке этой дороги насчитывалось всего 15 970 русских, в том числе в Маньчжурии – 5 577, в Чжайлоноре – 1 428, в Хайларе – 4 375, Бокэту (Бухэду) – 2 767, Чжаланьтуне – 1 643. К 1910 г. эта цифра возрастает до 17 061 человек, что составляет более 30 % от общей численности населения Хулунбуирского аймака. По Восточной линии – 7 127 мужчин и женщин (из них на дороге служили 3 305) и 2 004 ребенка. На Южной линии 729 мужчин и женщин (в том числе служащих – 503) [100, с. 621]. К 1910 г. поселков, имевших более 2 тыс. жителей (русских, китайцев), было, кроме Харбина, семь: Маньчжурия, Хайлар, Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, станция Бухэду.

Таким образом, по подсчетам на основе имеющихся официальных статистических данных, к 1910 г. русское население Маньчжурии: линии и поселки КВЖД, казачье-крестьянское население Трехречья, Харбин (надо отметить, что после окончания русско-японской войны его население уменьшилось) составило порядка 70–75 тыс. человек. Маньчжурия даже стала неофициально именоваться Желтороссией. Не случайно, в 1909–1910 гг. на разных дипломатических уровнях рассматривались проекты ограничения свободного перехода границы [39]. Однако российско-китайская граница так и осталась открытой, что подтверждает «Инструкция для несения службы пограничного надзора сотням, командированным на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморских областях 30 апреля 1910 г.». В документе отмечалось: «Пограничные жители, переходящие и переезжавшие границу вне мест расположения таможенных учреждений не с торговыми целями... не должны подвергаться... ответственности за тайный переход границы и пропускаются беспрепятственно, при

условии соблюдения полицейских требований, установленных местными административными властями» [130, с. 200–201].

Постройка КВЖД не только оказала огромное позитивное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии, но и активно развивала самую широкую и разнообразную культурно-просветительскую деятельность в крае. Период 1906–1910 гг. был временем широкого развития в Харбине и на линии дороги сети русского начального и среднего образования. Открывавшиеся в массовом порядке школы, которыми заведовал, созданный учебный отдел КВЖД давали образование и русским, и китайским детям. Движение за создание школ (в том числе специальных: технических, торговых и др.) приобрело широкий размах и позволяет утверждать, что именно в этом направлении – организации системы образования – культурно-просветительская деятельность русских людей в Маньчжурии проявила себя особенно ярко. Исключительное значение имела созданная здесь школьная база. Она приобрела авторитет в последующий период – в годы эмиграции. Выстроенная система обучения позволила русским детям в Маньчжурии, находясь в китайском и японском окружении, получить русское образование и воспитание, сбегать свой язык, национальную самобытность.

Аграрный вопрос, составивший одну из причин самовольного переселения казачьей массы на китайское правобережье Аргуни с начала XX в., получил свое продолжение в целом по всей Маньчжурии. До появления русских большинство современных зерновых культур, овощей и бахчевых культур в крае было неизвестно. Центрами русского земледелия в Маньчжурии стали: город Дальний, станции Южной линии КВЖД, район Харбина, Хинганский, Хайларский и Трехреченский районы по Западной линии (где наряду с полеводством главной отраслью сельского хозяйства было животноводство). По станциям Восточной линии: Маоэршань, Эхо, Муданьцзян, Мулин, Пограничная развивалось садоводство и пчеловодство. Наряду с внедрением в сельское хозяйство края новой прогрессивной технологии, новых сортов и совершенно новых для Маньчжурии сельскохозяйственных культур КВЖД и созданное в 1912 г. Маньчжурское сельскохозяйственное общество уделяло самое пристальное внимание изучению ценного практического опыта китайского крестьянства. Плодотворное сотрудничество двух народов наиболее широко и раньше всего осуществлялось на почве

Маньчжурии в самом прямом смысле этого слова. Крупные русские животноводческие хозяйства находились на станциях: Аньда, Сарту, Ламадяньцзы и далее на запад – в Чжаромтэ, Хаке, Хайларе, Маньчжурии, Трехречье.

К началу Первой мировой войны (1914 г.) Маньчжурия и полоса отчуждения КВЖД активно развивались. Военный период также принес территории и КВЖД бурное экономическое оживление. В 1914 г., после начала военных действий, приграничные районы Китая превратились в центры закупок товаров для нужд армии. Русские практически монополизировали торговлю мясом, рыбой, фуражом, хлебом, кожей и шерстью, обеспечив быстрое развитие торговли и промышленности Маньчжурии.

Русское население Харбина, к началу Первой мировой войны составляло 43 500 человек (64,5 % общего числа жителей). Если в 1903 г. китайское население в городе преобладало, то к 1914 г. оно, не уменьшившись по абсолютным цифрам (примерно 28 тыс.), составляло 34,5 % общего числа жителей. Возросла доля промышленников и торговцев.

«Известия о начале войны было неожиданным и всколыхнуло глубокое патриотическое чувство русской колонии Маньчжурии. В крупных населенных пунктах прошли стихийные собрания и манифестации. Офицеры-замурцы забрасывали начальство рапортами с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Такие же прошения подавались и молодыми гражданскими лицами...» [90, с. 301–305]. Собственно мобилизации русского гражданского населения в Маньчжурии и полосе КВЖД в этот период не проводилось. Можно предположить, что это было обусловлено позицией Д. Л. Хорвата (начальника КВЖД с 1903 г.), который был их противником, исходящим из необходимости сохранять экономическое влияние России в Маньчжурии. Когда же летом 1915 г. мобилизация по Маньчжурии была объявлена, она не распространялась на русских подданных, постоянно проживающих в полосе отчуждения, и на служащих дороги.

Таким образом, подводя итог второму периоду существования русского населения в Китае и особенно Маньчжурии (Северо-Восточном Китае), оканчивающегося революционными событиями 1917 г. в России, приведшими к крушению Российской империи и Гражданской войне, можно утверждать, что территории восточного соседа России – Китая, к этому периоду активно осваивались ле-

гальными и нелегальными способами. Первые – были связаны с постройкой и вводом в эксплуатацию КВЖД, как русско-китайского предприятия, с русско-китайским персоналом и обслуживанием, что повлекло за собой основание множества городов и поселков линии КВЖД со смешанным русско-китайским населением. Вторые – с самовольными переходами русско-китайской границы забайкальских казаков и основанием ими хуторов и заимок, а потом и поселков в междуречье Аргуни и Амура – район Трехречья. И если на дипломатическом уровне, русско-китайские отношения всегда оставались достаточно напряженными, и официальное положение россиян в Маньчжурии рассматривалось как нарушение суверенных прав Китая, то в отличие от официального уровня, отношения между русским и китайским населением были более дружественными и основывались на прочных хозяйственных связях. Это подтверждается отсутствием серьезных конфликтов и столкновений и позволяет говорить о достаточно мирных отношениях в указанный период.

2.2. ИСХОД БЕЛЫХ АРМИЙ, КАЗАЧЕСТВА И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ КИТАЯ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Формирование восточной ветви российской эмиграции на территории Китая было тесно связано не только с самовольным заселением казачеством китайского правобережья Аргуни в конце – начале XX в., строительством и функционированием КВЖД (Китайской Восточной железной дороги), но и с более поздним окончанием гражданской войны на территории Сибири и Дальнего Востока.

Период самого массового существования русской колонии в Маньчжурии пришелся на пореволюционные события 1917 г., крушение Российской империи и значительное увеличение русского населения в Китае в период 1917–1922 гг. за счет отхода разбитых белых армий, казачества и гражданского населения с территории России.

В конце 1919 – начале 1920 г. одновременно с кризисом Омского правительства, его падением, и прибытием в Забайкалье каппе-

левцев, а также членов их семей в Маньчжурию, началась первая по-настоящему массовая волна исхода русских гражданских и военных беженцев на территорию соседнего Китая. Вторая волна в рамках этого периода последовала в октябре 1920 г. (с падением власти атамана Семенова в Забайкалье). Третья – в конце 1922 г. – с окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В марте 1920 г. Оренбургский отряд генерала Бакича, входивший в состав Семиреченской армии атамана Анненкова (свыше 10 тыс. бойцов, не считая беженцев), оказался прижат к китайской границе силами красных частей и после переговоров с китайскими властями, совершил переход китайской границы у г. Чугучаках [124, с. 125] (городской уезд Тачэн на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, административный центр округа Чугучак. – *Прим. автора*).

Назначенный А. Колчаком генерал-губернатором Семиречья А. И. Дутов с личным конвоем и оренбургскими казаками (порядка 1 600 человек) перешел русско-китайскую границу и был интернирован у г. Кульджа (городской уезд в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, административный центр Или-Казахского автономного округа. – *Прим. автора*)

Эти воинские соединения с примкнувшим к ним гражданским населением к 1922 г. рассеялись окончательно: часть офицеров, солдат и казаков ушла на Дальний Восток, часть вернулась в Советскую Россию, часть разъехалась по линии КВЖД и городам Китая: Харбин, Тяньзинь, Пекин и Шанхай.

Большинство же воинских частей и гражданских беженцев покидали Россию восточнее, через границу с Маньчжурией. Первый крупный исход пришелся на 1920 г., когда рухнул режим Колчака (январь–март), и остатки семеновской и каппелевской армии под ударами Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) и партизан были вынуждены оставить к концу октября Читу и отойти к станции Мациевской (ноябрь 1920 г.), близ границы с Китаем. После длительных переговоров, власти Маньчжурии дали разрешение на перевозку вышедшей из Забайкалья Дальневосточной белой армии по КВЖД в Приморье. В процессе переброски этой армии, проходившей с декабря 1920 г. по январь 1921 г. через Маньчжурию по КВЖД, из Забайкалья выехало свыше 25 тыс. человек как военных, так и гражданских лиц. Численность армии по прибытии в Приморье составляла менее 20 тыс. человек.

С 16 по 31 января 1921 г. во время эвакуации из Забайкалья через китайскую границу перешло 8 511 офицеров, 16 289 солдат, 7 731 лошадь и 855 повозок [141, с. 36]. Некоторому количеству бойцов удалось рассеяться по Маньчжурии при проезде через Харбин и другие крупные населенные пункты железной дороги. Это сделали те военнослужащие, кто не хотел воевать дальше, или те, у кого были по линии дороги родные, знакомые и друзья, у которых можно было найти кров и убежище на первое время.

Значительное число забайкальских казаков, перейдя границу с белыми воинскими частями, покинуло эшелоны на станции Хайлар и ушли в Баргу (Хулуьбуир), в район Трехречья. Там они присоединились к своим землякам, которые двумя-тремя годами ранее перешли китайскую границу, осели на освоенную здесь землю, покинув, таким образом, пределы родной страны, потрясаемой длительной гражданской войной.

Большинство перебрасываемых в Приморье бойцов Дальневосточной белой армии были родом из Приуралья, с берегов Волги и Камы. Это были знаменитые ижевцы и воткинцы – бывшие рабочие известных уральских заводов, – уфимцы, а также камцы, волжане, уральцы, не принявшие власти советов. Значительно меньше бойцов было из Западной Сибири, и совсем немного – уроженцев Средней Сибири. В свою очередь японское командование при содействии китайских властей, организовав переброску через Маньчжурию каппелевских и семеновских войск в Приморье, рассчитывало использовать их в борьбе против Дальневосточной республики (ДВР) и прежде всего для создания антисоветского прояпонского буфера на оккупированной территории Приморья.

В августе 1921 г. вооруженные силы белогвардейцев делились на две большие группы: белоказачьи части атамана Г. Семенова и каппелевские войска под общим командованием Г. Семенова. По решению Военного Совета вся белая армия была разделена на три корпуса: 1-й Забайкальский, 2-й и 3-й пехотные. Численность этих частей была следующей:

1-й Забайкальский корпус (6,5 тыс. человек, командир корпуса генерал В. А. Кислицын); Дикая дивизия (до 2 тыс. человек, командир дивизии барон Р. Ф. Унгерн); Отдельный Маньчжурский отряд (до 1,5 тыс. человек: в основном офицеры; командир генерал Шемелин); Монголо-Бурятская дивизия (до 1 тыс. человек; командир дивизии генерал А. И. Тирбах); Забайкальская казачья дивизия (до

1,5 тыс. человек; командир дивизии генерал Т. И. Артамонов), курсанты Читинского военного училища (до 640 человек всех родов оружия; начальник генерал Тирбах) [141, с. 38].

2-й корпус (3,5 тыс. человек: в основном остатки армии генерала К. В. Сахарова и часть армии генерала В. О. Каппеля; командир корпуса генерал Р. К. Бангерский) [141, с. 38–39].

3-й корпус (до 4 тыс. человек: в их числе армия генерала А. Н. Пепеляева и части армии В. О. Каппеля; командир корпуса генерал Г. А. Вержбицкий) [141, с. 39].

Кроме основных сил в Амурском, Троицкосавском-Ургинском, Акшинском и Маньчжурском районах находились отряды белоказачьих частей всех родов вооружения в примерном количестве 4 тыс. человек.

К декабрю 1921 г., т. е. к началу наступления белогвардейцев под командованием генерала Молчанова из Приморья против ДВР, белая армия в целом сохраняла свой трехкорпусной состав и численность порядка 16–17 тыс. человек. Изменения были незначительны.

Последовавшие в новом 1922 г. наступление НРА и одержанные ею победы под Волочаевкой, Спасском, Монастырищем и другими населенными пунктами вынудили эвакуироваться из Приморья японские войска и белые соединения. На территорию Китая из Приморья перешли Сибирский казачий корпус (в основном казаки Урала и Западной Сибири) под командованием оренбуржца генерала В. А. Бородина и Дальневосточная казачья группа (в подавляющем большинстве казаки Дальнего Востока и остатки Дальневосточной Забайкальской армии) под командованием сибирского генерала Ф. Л. Глебова. Основная часть Сибирского казачьего корпуса перешла границу у г. Хунчуна (городской уезд Яньбянь – Корейского автономного округа китайской провинции Гирич, расположенный у границы с Россией (Приморский край) и Северной Кореей (Хамгён-Пукто). – *Прим. автора*), была разоружена по требованию китайских властей и размещена около городов Гирина и Мукдена. Часть из них сразу вступила в находившиеся на территории Маньчжурии белогвардейские организации генералов Шильникова и Сычева, другая расселилась по линии КВЖД, Северной Маньчжурии и Трехречью, пополнив сформировавшуюся там ранее русскую диаспору [124, с. 204].

Беженцы из России селились вдоль всей линии КВЖД, но особенно много их было в Харбине, который стал центром северо-

восточной российской эмиграции. Численность выходцев из России, покинувших страну в годы революции и гражданской войны, трудно поддается определению. Архивные документы и литература содержат весьма противоречивые данные, что связано с активным перемещением эмигрантов и отсутствием тщательного учета.

По мнению большинства исследователей, количество российских беженцев в Китае в начале 1920-х гг. достигало 200 тыс. человек [113, с. 73]. В докладе представителя Лиги наций «О положении белой эмиграции», составленном в 1929 г., сказано, что в 1917 г. в Китае насчитывалось 53 310 русских, в 1918 – 59 719, в 1919 – 147 170 человек. В 1922 г. число эмигрантов из России увеличилось еще на 28 477 человек [32, л. 2]. По современным подсчетам исследователя О. И. Сергеева, в начале 1920-х гг. в Китае их было 500 тыс. человек [123, с. 202]. По данным исследователя В. Аварина, в начале 1930-х гг. в Маньчжурии проживало 36 млн человек, из них 150 тыс. граждан СССР, 100 тыс. эмигрантов и около 15 тыс. россиян, принявших китайское гражданство [1, с. 13]. Известный китаевед Г. Мелихов на этот счет пишет: «Численность российской колонии в Маньчжурии в ноябре 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, составляла приблизительно 100–110 тыс. человек трудоспособного мужского населения (в том числе 25 тыс. солдат и офицеров, занятых в охране дороги), а вместе с членами их семей не менее 200–220 тыс. человек» [92, с. 58].

В 1918–1922 гг. наряду с прибытием новых партий беженцев, скорее всего, имел место значительный отток русского населения из края вследствие колчаковских мобилизаций, формирования здесь белых отрядов Семенова, Орлова и др. Следует учитывать реэмиграцию русских в Сибирь и эмиграцию в другие страны. Динамика движения русского населения может быть представлена в следующем виде: число беженцев, как указывалось выше, значительно возросло в результате падения Омского правительства (1919 г.) общего поражения белого движения и победы Советской власти в Забайкалье (1920 г.) и на Дальнем Востоке в целом (1922 г.). Данные о русском населении г. Харбина и линий КВЖД (т. е. в ее полосе отчуждения) на 1 января 1921 г. приводит Земельный отдел КВЖД: в Харбине – 165 857 человек, на Западной линии – 69 780 человек, на Восточной – 42 614 человек, на Южной – 9 972 человека. Всего – 288 225 человек [32, л. 4–5]. По данным переписи, проведенной в Харбине в мае 1922 г., численность его русского населения превышала 200 тыс.

человек [32, л. 6–7]. В октябре-ноябре 1922 г. последовал новый большой приток беженцев в Маньчжурию из соседнего Приморья. После объявления 3 ноября 1921 г. ВЦИК Советской России амнистии рядовым участникам белогвардейских военных организаций около 100 тыс. человек вернулись из Маньчжурии в Россию. В начале 1920-х гг. имела место широкая реэмиграция русских из Китая в США (только в 1923 г., например, она составила около 10 тыс. человек.), в том числе студентов и абитуриентов харбинских средних школ – для продолжения образования: а также неучтенное число в Южную Америку, страны южных морей, Австралию и Европу. В течение всех 1930-х гг. имел место обратный процесс: в Маньчжурию и в Китай прибывали бегущие от коллективизации и раскулачивания тысячи беженцев из Забайкалья и Приморья.

Таким образом, численность русской диаспоры, на всем протяжении ее существования в Северо-Восточном Китае, не оставалась постоянной величиной. Наиболее близкой к истине, с учетом реэмиграции и репатриации 1920-х гг., по всей видимости, является цифра 250–300 тыс. человек. С данной цифрой соглашается большинство исследователей темы.

Поздний по сравнению с миграцией на Запад и «остаточный» характер восточной эмиграции отразился на ее социальном составе. Как отмечал известный тогда писатель и журналист В. Н. Иванов, поселившиеся в Харбине семьи известных аристократических родов России – князей Львовых, Ухтомских, Голицыных, Воейковых и др., вскоре в поисках более комфортных условий жизни в основном его покинули. Остались и пытались адаптироваться к местным условиям те, кому не на что и некуда было ехать.

В процентном соотношении наибольший приток эмигрантов наблюдался в 1920 г. (29,2 %), 1922 г. (29,4 %) и 1923 г. (11,2 %). Среди изучаемой совокупности диаспоры назвались русскими 86,5 %, татарами – 7,1 %, поляками чуть более 1 %, башкирами – около 0,5 %. Имелось также незначительное число украинцев, белорусов, евреев, китайцев, бурят, немцев, армян. Более 3 % эмигрантов не указали свою национальность.

В свою очередь, удельный вес крестьян (44,8 %) и казаков (17,5 %) в дальневосточной ветви эмиграции, был хоть и ниже (62,3 % от всей диаспоры), чем их доля по всей Русской эмиграции (77,5 %), но являлся весьма высоким, поскольку отражал в определенной мере политические настроения и поведение казаков и кре-

стьян указанных регионов в годы революции и Гражданской войны. Эта часть населения на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке состояла в основном из середняков и зажиточных. (На Дальнем Востоке, например, среднее и зажиточное крестьянство насчитывало 67 %, тогда как в центре страны – 35 %.) [32. Л. 12]. К мещанам себя отнесли – 9,5 % эмигрантов. Доля рабочих (главным образом из Перми, Ижевска и Воткинска) составила 6,4 %. Дворяне (беженцы из Петрограда, Москвы, Киева и др. городов) – 3,6 %. Высшее офицерство, крупные коммерсанты, высокопоставленные чиновники, члены их семей – 2,35 %. Не указали свое сословие – 10,9 % анкетированных (возможно чиновники и интеллигенция).

В целом приведенные данные о социально-сословном составе русской диаспоры Северо-Восточного Китая (основывающиеся на анализе анкетных карточек, хранящихся в фондах Государственного архива Хабаровского края) показывают наличие в ней всех социальных слоев дореволюционной России. Большой удельный вес крестьянства и казачества объясняется сложным комплексом социально-экономических, политических, военно-организационных, социально-психологических факторов. Вооруженные силы противостоящих режимов формировались главным образом за счет представителей низших социальных групп, которые и вынесли на себе основную тяжесть Гражданской войны. Поэтому поражение одной из сторон вызвало автоматическую эмиграцию не только представителей проигравшей сражение за власть и собственность элиты, но и сотен тысяч людей, втянутых в события вопреки их желанию.

Революция и Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке внесли серьезные изменения в жизнь русского населения соседней Маньчжурии. Политические изменения, ломка сложившихся экономических связей между регионами, волны беженцев, прибытие сюда большого числа солдат и офицеров белых армий, фактический паралич работы КВЖД, всегда ранее являвшейся экономическим нервом края, – все это значительно осложнило и ухудшило материальные условия жизни русских старожилов полосы отчуждения железной дороги. Это не могло не отразиться самым тягостным образом и на судьбе прибывших сюда многочисленных беженцев.

Перед подавляющей массой беженцев сразу же по прибытии в Китай встали проблемы быта, устройства своей, пусть временной, как они полагали, жизни в чужой стране с ее глубокими расовыми, религиозными, нравственными и бытовыми различиями в сравне-

нии с тем, что было на Родине, с чем приходилось сталкиваться когда-либо ранее. Большинство вынужденных переселенцев смотрело на свое пребывание в Китае как на временное – на полгода, на год, – надеясь вскоре, когда все «нормализуется», вернуться назад, в Россию, к своей прежней жизни. И пока только малая часть, наиболее политически дальновидных, отдавала себе отчет в том, что все произошедшее с ними – надолго. Однако даже «временное устройство» было серьезной проблемой.

Среди российских эмигрантов, проживающих в Маньчжурии, образовалось два пласта населения. Первый состоял из русских людей, которые прибыли в Маньчжурию еще до революции и Гражданской войны в России. Они относительно безболезненно адаптировались и перешли в эмигрантское состояние автоматически. Другой пласт образовали беженцы из России, прибывшие в Маньчжурию по мере крушения белых армий и фронтов. Вот этот-то пласт населения и принял всю тяжесть первоначальных проблем адаптации.

Незнание и трудности освоения восточных языков, незнакомая культура и среда обитания, невозможность конкурировать с местным населением на рынке труда по причине крайней дешевизны рабочей силы, политическое бесправие – вот далеко не все, что характеризовало положение вновь прибывших беженцев в Китай.

Бесспорно, наличие здесь в Маньчжурии русской диаспоры облегчало адаптацию вновь прибывших русских. В наиболее выгодном положении оказались разного рода предприниматели и коммерсанты, у которых в Маньчжурии были предприятия, фирмы, магазины и которые сумели перевести сюда часть своих капиталов из России. Часть же казачества и крестьян, прибыв в эмиграцию, дополнили уже сложившиеся центры казачьего расселения на территории Барги (Трехречье), начали основывать новые поселения и станицы, занявшись привычным сельскохозяйственным трудом.

Особую группу представляли, на наш взгляд, рядовой и низший командный состав российской армии и казачества, большинство из которого все последние годы не выпускало из рук оружия (многие с 1914 г.) и уже успело позабыть свои гражданские профессии и трудовые навыки. Этой группе приходилось в эмиграции особенно тяжело: они брались за любую работу, но без профессии и квалификации конкурировать с крайне дешевым местным китайским трудом им было чрезвычайно трудно. Эта невозможность конкурировать в неквалифицированном труде с китайскими черно-

рабочими (кули) являлась коренной особенностью, отличавшей положение российских эмигрантов в Китае от ситуации, складывающейся для эмиграции в других, особенно европейских странах, русского расселения. На получение работы им можно было рассчитывать только в своей, русской, или иностранной (не китайской) среде. В первое время своего эмигрантского существования эта часть русской диаспоры выжила во многом благодаря помощи благотворительных организаций.

Лучше начальная адаптация происходила у квалифицированной части рабочего класса (в частности, ижевских и воткинских рабочих), ремесленников и людей, обладающих определенными специальностями и трудовыми навыками. Положение квалифицированных специалистов, особенно технического профиля, тоже отличалось в Китае от европейских государств, но несколько в лучшую сторону. Страна остро нуждалась в них; европейские технические знания ценились в Китае очень высоко. Российские беженцы во многом удовлетворили в них потребности Китайской Республики, внося крупный вклад в ее систему образования, техническое развитие и модернизацию [91, с. 44–47].

Китайская Восточная железная дорога, будучи российским предприятием, естественно стремилась оказать всемерную помощь в трудоустройстве беженцев, но, разумеется, не могла предоставить работу всем. Основной массе приходилось искать заработок, соглашаясь на любой труд, чтобы прокормить себя и свои семьи. Остро стоял вопрос с легализацией, т. е. с получением от китайских властей временного вида на жительство, позволяющего вообще оставаться в Маньчжурии. Но подлинным бичом являлась на первых порах безработица массы средней и высшей интеллигенции, высококвалифицированных людей: врачей, учителей, инженеров и техников, офицеров и чиновников, не говоря уже о людях без профессий. Для всех даже упомянутое выше «временное устройство» являлось серьезной проблемой. И для той, и для другой группы беженцев прежде всего было необходимо бороться за выживание, за обеспечение существования в новых условиях – для себя и своих семей, что для многих отодвигало на задний план продолжение какой-либо политической, а тем более вооруженной борьбы против власти, побеждавшей и утверждающейся в России, делая эту борьбу достоянием и делом рук узкой группы «вождей» и их немногочисленных (по меркам всей русской диаспоры) сподвижников.

2.3. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАЗАКОВ В ЭМИГРАЦИИ

В составе эмиграции на территории Северо-Восточного Китая были представлены все слои общества дореволюционной России. Самую большую часть русской эмиграции составляли трудовые массы населения – 68,7 процентов, из них крестьяне – 44,8 процентов, рабочие – 6,4 процентов, казаки – 17,5 процентов. Доля других сословий была незначительной – дворян насчитывалось 3,6 процентов, на высшее духовенство, крупных коммерсантов, высокопоставленных чинов и их семей приходилось 2,35 процентов, мещан было 9,5 процентов [84, с. 41]. Казаки с семьями составляли 17,5 процентов русской эмиграции в Маньчжурии в 1922–1923 гг., это свыше 20 тыс. человек [142, с. 63]. Однако этот показатель не был стабильным. Если в течение 1920-х гг. количество казаков несколько сократилось, так как многие из них возвратились на Родину ввиду целого ряда амнистий, а часть приняла китайское подданство, то в 1930-е гг. вновь наметился приток казаков из-за разворачивавшейся на Родине в СССР сплошной коллективизации и репрессивной политики власти.

В свою очередь состав казачьей эмиграции был неоднородным – это рядовые станичники, офицеры (нередко с дворянским титулом), священнослужители, интеллигенция, разночинцы и т. д. Неоднородны были казаки и по национальному составу – русские, украинцы, калмыки, татары, буряты и др., соответственно различными были и религиозные конфессии – православие, старообрядчество, ислам, буддизм. Но подавляющее число казаков – русские, исповедовавшие православие. Неоднородным был и территориальный состав казачества, и хотя большинство казаков в Северо-Восточном Китае это выходцы из Забайкалья (в частности, в Трёхречье их было до 90 процентов), но также в этих пределах нашли своё пристанище выходцы практически из всех казачьих войск дореволюционной России: донского, кубанского, терского, уральского, амурского и др. Одних только оренбургских казаков в эмиграции в 1923 г. на Западном Дальнем Востоке насчитывалось более 5 тыс. человек. Из них 500 человек было в Харбине в полосе отчуждения КВЖД, 150 человек – в лагерях Гирина, 100 человек в лагере Чань-Чуня, 50 человек в лагере Южсина, 800 – в Маньчжурии, 700 – в ла-

гере в Сайдине, 500 – в лагере в Гучене, 1 200 в Западном Китае в Кульдже и т. д. [142, с. 11].

Заметно ухудшило правовое и политическое положение казаков-эмигрантов установление советско-китайских дипломатических отношений в 1924 г. и введение совместного управления КВЖД. В силу этих и других причин определённая часть россиян, в том числе и казаков, эмигрировали в Австралию, США, страны Латинской Америки. По данным переписи населения, проведённой Бюро по делам российских эмигрантов, на 1 апреля 1940 г. всего в Маньчжурии насчитывалось около 72 тыс. эмигрантов, причем учитывались лица мужского пола от 16 лет [32, л. 4]. В это же время средняя рождаемость в русских эмигрантских семьях составляла 30 человек на 1 тыс., а смертность – 31 человек на 1 тыс. человек [Там же].

Отличительной особенностью казачьей эмиграции (как уже говорилось выше) было то, что казачество не растворялось в основной массе русских эмигрантов, а проживало, как правило, обособленно в зарубежных казачьих станицах, объединялось вокруг своих станичных и войсковых атаманов. То есть и на чужбине казачья воинская организация и станичный уклад жизни продолжали играть свою консолидирующую роль. Как писал в те годы один из эмигрантских авторов: «В эмиграции известная спайка есть только у казаков, вся остальная эмиграция, почти вся без исключения, разрозненная, политиканствующая пыль» [144, с. 376]. И с этим утверждением соглашается большинство исследователей темы.

Начало 1920-х гг. было, пожалуй, самым тяжёлым периодом в организации быта и хозяйственной деятельности казаков на чужбине. Это усугублялось и тем, что местная власть часто препятствовала организованному расселению казаков, видя в них потенциальную военную угрозу. Не очень дружелюбно встретило такой поток эмиграции и местное население. Для оказания помощи российским эмигрантам, в том числе и казакам, в Маньчжурии создавались общественные и благотворительные организации. «Особенно важна их деятельность была в Китае, где со стороны центральных и местных органов власти эмигрантам ждать помощи не приходилось» [142, с. 25].

Характер казачьей общественной организации в значительной мере помог им консолидироваться и заняться активным обустройством жизни на новой территории. Опираясь на военную по сути организацию жизни, они смогли в достаточно короткие сроки обу-

строить своё хозяйство. При этом казаки стремились консолидироваться по войсковому принципу (дончаки с дончаками, забайкальцы с забайкальцами и т. д.) и воссоздавали системы войскового и станичного управления общественной жизнью и хозяйством как было на Родине. Примером удачного использования земляческого и войскового начал при адаптации в новых условиях может служить опыт Енисейской казачьей станицы в Харбине, созданной в 1923 г. Испытывая на первых порах серьёзную материальную нужду, казаки-енисейцы не растерялись, не пали духом и «держась дружно семьёй около старших руководителей» сразу же организовали трудовое объединение, что позволило им закупить лошадей, составить программу джигитовки и ездить с ней на гастроли, зарабатывая тем самым деньги для себя и станицы. Причём эти выступления проходили не только в Китае, но, например, в 1923 г. и на Филиппинах [76, с. 84]. Оставшаяся в Харбине часть казаков-енисейцев занялась извозом и работой на лесных концессиях, некоторые из них поступили на службу в частные фирмы и правительственные учреждения, «везде зарекомендовав себя с лучшей стороны» [Там же]. По прошествии некоторого времени эти казаки создали Енисейскую станицу в Харбине (просуществовала до 1945 г.), которая играла важную роль в вопросах духовной и материальной поддержки казаков.

На новом месте казаки-эмигранты занимались главным образом подённой работой, земледелием, скотоводством, охотой и рыбной ловлей, извозом, торговлей, лесозаготовками и строительством, службой в частных и государственных учреждениях, а также собственно военной казачьей службой. В частности, в г. Маньчжурия после первичного обустройства, большая часть эмигрантского населения была занята домашним хозяйством (свыше 150 хозяйств), торговлей (около 60 предприятий), имелось 50 домовладельцев, живших на доходы от недвижимости. Часть эмигрантов работала в правительственных, гражданских и военных учреждениях. Некоторые из них занимались охотой, ремеслами, сенокосением (в летнее время), контрабандой и даже конокрадством, как постоянным занятием. Позднее вылазки для переправки контрабанды и для кражи лошадей на территорию СССР и МНР будут совмещаться с выполнением разведывательных заданий Японской военной миссии. В городе Маньчжурия эмигранты в экономическом отношении находились в более благоприятных условиях, чем в других местах. Этому

способствовали занятия хозяйством, что обеспечивало семьи молочными продуктами, мясо было более дешёвым, чем, например, в Харбине, озеро Далайнор снабжало людей рыбой, сенокосы – кормом для скота, а близость Чжалайнорских и Болинских угольных копей давала возможность иметь топливо. Физический труд русских эмигрантов, особенно сенокосчиков в сезон косьбы, оплачивался в 150 гоби (официальная валюта Маньчжоу-Го 1932–1945 гг. – *Прим. авт.*) при готовом столе. Конторский труд эмигрантов оплачивался в 2–3 раза меньше [7, с. 5].

Естественно, что экономической основой казачьей инфраструктуры в Северо-Восточном Китае стало сельское хозяйство (земледелие, скотоводство, промыслы). Если на первых порах казакам приходилось перебиваться подённой работой и случайными заработками, то со временем, они стали переходить к привычным формам хозяйствования. Казаки-переселенцы оседали на землях, пригодных для сельскохозяйственной деятельности (или расчищали эту территорию, приспособливая её под посевы и покосы), обзаводились скотом (в том числе племенным), развивали своё частное хозяйство. Как и на Родине в России, в станицах со временем стали выделяться состоятельные люди, которые, кроме прочего, своей зажиточностью обеспечивали существование бедным казакам. Это могла быть безвозмездная или заёмная помощь деньгами, семенами, инвентарём или скотом, активное участие в общественных и благотворительных организациях, в учреждениях управления, предоставление рабочих мест (в виде найма батраков), организация торговли, учреждение промышленного производства (в случае удачного развития своего хозяйства).

О характере хозяйства зажиточных казаков-эмигрантов можно судить по архивным данным, приводимым подробно в диссертации автора монографии. Например, житель ст. Ключевая казак К. Л. Зверев (1886 г. р.) к 1940-м гг. имел 25 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота, трактор, засевал до 100 десятин земли. Другой казак М. С. Первухин (1895 г. р.) имел 16 лошадей, 50 голов крупного рогатого скота, трактор и засевал до 70 десятин земли. Житель п. Попирай забайкальский казак М. Пешков (переселенец из села Зоргол) имел 40 лошадей, 130 голов крупного рогатого скота, до 1000 овец, засевал до 20 десятин земли и нанимал 5 батраков. Житель того же посёлка казак П. К. Козулин имел 20 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и засевал 10 десятин земли. Житель села

Верх-Кули (Шанкули) казак А. В. Чегодаев имел два трактора и засеивал до 300 десятин. Казак И. Т. Аксёнов из того же села засеивал до 160 десятин земли. В посёлке Верхний Тулунтуй крупные хозяйства имели забайкальские казаки Д. Г. Каюков и П. В. Каюков, бывшие жители п. Булдуруй, а также И. П. Чупров, бывший житель с. Чупрово [146, с. 175]. Как видим, хозяйство некоторых казаков-эмигрантов можно назвать не только достаточно зажиточными, но и богатыми. Для таких хозяйств характерен не только наём батраков, но и использование тракторной техники, что говорит о достаточно высоком уровне механизации и эффективности товарного хозяйства.

Вместе с расширением у казачьего населения товарного сельскохозяйственного производства своё развитие получали торговля, сфера услуг и мелкая и средняя промышленность, ориентированная на переработку местного сырья и удовлетворение потребностей населения. Со временем во многих казачьих посёлках стали появляться лавки, магазины, чайные, рестораны, мельницы, фабрики и даже заводы. И если в густонаселённом Харбине казачья экономика как бы растворялась в общеэмигрантской (а также в китайской и японской), то в сельскохозяйственных регионах (особенно в Трёхречье) – она нередко доминировала по ряду показателей.

Так, в казачьем посёлке Верх-Кули было 270 дворов с населением до 2 тыс. человек. Здесь действовали водяная мельница, молочный и маслодельный заводы, аптека, магазин. В 1941 г. общая посевная площадь казачьего посёлка составляла 1 054 гектара пшеницы, 1 139 гектаров овса, 77 гектаров ячменя и 41 гектар гречихи. В другом посёлке Верх-Урга было около 100 дворов, функционировали кожевенный завод казака Шмелёва и три магазина. В станице Ключевая (140 дворов и около 730 человек населения) работало шесть мельниц, маслозавод и три лавки. В селе Покровка (165 дворов и до 900 жителей) было две мельницы, овчинный завод, телеграф, телефон. В посёлке Попирай (73 двора, 400 жителей) засеивалось до 200 десятин земли, у казаков имелось 350 лошадей, 550 голов крупного рогатого скота, 5 водяных мельниц, маслозавод и магазин. В посёлке Усть-Кули (70 дворов при 400 жителях) у казаков функционировали три мельницы и маслозавод. Лучшие казаки отмечались казачьим обществом. Поселковый атаман А. А. Парамонов в мае 1943 г. был награждён похвальным листом за увеличение производства сельскохозяйственной продукции в поселке. В посёлке

Щучье (62 двора при 300 жителях) имелись мельница и молочно-маслодельный завод.

В посёлке Хунхульди работало два магазина (винно-бакалейный и галантерейный). Один из них принадлежал И. Х. Ишлякову, другой – Т. М. Окладникову (брату атамана станицы). Вообще братья Окладниковы являлись также владельцами крупной сельскохозяйственной фирмы и занимались подрядами на концессиях Южно-Маньчжурской железной дороги. Следует отметить, что большинство жителей посёлка Хунхульди в зимнее время работали на лесных концессиях Сандор и Яндор, а также активно занимались извозом.

В посёлке Драгоценка (Найлумту) (251 двор, 1 500 жителей), который был средоточием жизни казачьей эмиграции в западной части Маньчжурии, имелись: маслодельный завод, паровая мукомольная мельница, кожевенный завод, кирпичный завод, электростанция, автотракторные мастерские, две столярные мастерские, две кузнечно-слесарные мастерские, прачечная, общественная баня, три парикмахерские, восемь столовых и ресторанов, гостиница. По внешнему виду посёлок напоминал большое сибирское село-станцию. Здесь возвышались и кирпичные здания, но большинство домов были деревянные, с большими приусадебными хозяйствами. Во многих домах было электрическое освещение, также в посёлке функционировал междугородний телефон. В большинстве приграничных сёл на советской стороне, в Забайкалье, электричество пришло гораздо позже, а в некоторые не пришло и поныне.

В городе Маньчжурия к 1945 г. имелось около 60 предприятий (магазинов, мастерских, подрядных контор, гостиниц, ресторанов, кафе, сыроварен, маслоделен и проч.) владельцев русских эмигрантов, в том числе казаков. В частности это: отель «Тамая» Ляпустинной Марии Алексеевны (Вторая улица № 34); маслодельный и сыроваренный завод Кондюрина Александра Ипполитовича (Третья улица № 75); контора транспортника и скотопромышленника Голкина Ивана Михайловича (Третья улица № 14); кожевенно-обувной магазин Третьякова Андрея Михайловича (Пушкинская улица № 89); мясная торговля Юшкова Григория Ивановича (Вторая улица № 153), «Русский бар Киселёва Фёдора Кузмича (Пушкинская улица № 14); мясная торговля С. Ф. Ганина. Последний названный нами коммерсант был самым крупным скотопромышленником среди эмигрантов, проживал в большом собственном доме на Третьей улице в городе Маньчжурия.

В городе Хайларе российским эмигрантам-казакам принадлежали: винокуренный и водочный заводы братьев Воронцовых (производительностью 100 тысяч ведер в год); мукомольня братьев Воронцовых; шубно-пимокатное производство Окулова; шубно-пимокатное производство Горбунова, кожевенный и пимокатный заводы И. П. Катаева; колбасная фабрика Г. И. Клавдиева; мануфактурный магазин А. И. Агеева; винно-гастрономический магазин М. А. Авентисова; производство и торговля обувью И. П. Катаева; мастерская и магазин обуви И. И. Потапова, шорно-сапожная торговля М. П. Мыльникова, автогараж П. П. Павлова; верблюжий обоз Х. Х. Сухова; ломовой обоз С. М. Маньшина; контора подрядчиков концессии «Мантэзу» (Южно-Маньчжурская железная дорога – ЮМЖД) по заготовке и вывозу лесных материалов братьев Окладниковых. Последнее предприятие считалось уже крупным производством даже по эмигрантским меркам [146, с. 176].

Таким образом, казачье население Северо-Восточного Китая, пройдя сложный период адаптации, постепенно, стало принимать активное участие не только в колонизации неосвоенных китайских земель и развитии сельского хозяйства (в том числе товарного), но и в развитии промышленности, прежде всего ориентированной на переработку местного сельскохозяйственного и природного сырья. Также получила своё развитие и сфера услуг.

Развитие казачьей (как и всей эмигрантской) экономической инфраструктуры сталкивалось с целым рядом проблем, обусловленных, прежде всего, местными условиями. Казакам, как и другим эмигрантам, было трудно конкурировать с местным населением на рынке физического труда, так как китайцы были готовы работать за гораздо меньшие деньги, чем те, которые требовались эмигранту для выживания. Также играли роль настроенное, а иногда и враждебное отношение местного населения, языковой барьер, отсутствие начального капитала у большинства эмигрантов, отличия хозяйственного уклада в принимающем обществе и др. Нередко большие проблемы эмигрантам доставляли местные власти, от которых приходилось откупаться взятками (на которые ещё надо было набрать денег или других ценностей). В этих условиях не все казаки смогли приспособиться к мирной хозяйственной жизни в эмиграции. «Часть из них пошла на службу в китайские вооружённые силы», а часть казаков участвовала «в качестве наёмников в гражданской войне и междоусобице в Китае в 1920-е гг. в рядах различ-

ных вооружённых группировок» [143, с. 140–141]. Кроме прочего, военному ремеслу казаков в эмиграции способствовал сам характер казачества как военного сословия, также еще свеж был бесценный опыт военных событий, в которых казакам не так давно пришлось участвовать (Первая мировая и Гражданская войны).

Наибольшие экономические (да и политические) проблемы казак-эмигрантам в Маньчжурии принесла японская оккупация и действия новой оккупационной администрации. Для реализации своей политики по отношению к русскоязычному населению Маньчжурии японцы создали Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Они передали БРЭМ средства ликвидированного ими Коммерческого банка. Используя эти средства, Бюро занималось ростовщическими операциями, предоставляя эмигрантам небольшие кредиты. Также японцы выделили в распоряжение Бюро большое количество сенокосных участков. БРЭМ их распределяло между эмигрантами, а за это брало с них 30 процентов сена в свою пользу. Кроме того Бюро занималось подрядами на перевозки.

Финансово-экономический отдел Захинганского бюро (с которым в силу своего географического расселения больше всего приходилось иметь дело казакам) ведал подрядами по поставке сена для военного ведомства, проводил разного рода коммерческие сделки, имел кооператив – распределитель нормированных товаров и продуктов, выплачивал жалование служащим Бюро. Также он проводил сбор однопроцентного налога с эмигрантов, оказывал материальную помощь нуждающимся эмигрантам путём выдачи временных или безвозвратных ссуд, взимал разные недоимки с эмигрантов, ведал устройством банкетов. Прочие отделы Бюро и его отделения на местах были подотчётны финансово-экономическому отделу во всех приходно-расходных суммах.

До 1943 г. этот отдел Бюро возглавлял Николай Анатольевич Юдин, сотрудниками были: бухгалтер – А. Г. Зимин, казначей – И. Н. Бакшеев, А. Д. Смирнов, А. М. Семёнов, М. Кудякова. В октябре – ноябре 1943 г. в отделе была проведена ревизия в присутствии начальника японской военной миссии полковника Кобори и нескольких бухгалтеров-японцев. Из служащих Бюро присутствовали генерал А. П. Бакшеев и все сотрудники финансово-экономического отдела. После окончания ревизии Н. А. Юдин от занимаемой должности был освобождён, часть сотрудников отдела, за исключением А. Д. Смирнова и М. Кудяковой, уволены. С этого

момента отдел был переименован в сельскохозяйственный. Начальником отдела стал генерал Г. Г. Эпов, он же стал выполнять функции главного бухгалтера. Его помощником был делопроизводитель М. М. Стуков, казначеем – А. В. Бочкарёв, сотрудниками отдела – А. Д. Смирнов и М. Кудякова [7, с. 70].

Японская военная миссия напрямую лоббировала интересы японских коммерсантов, которые стремились вытеснить русских эмигрантов и местное китайское население из некоторых экономических ниш. Поэтому нередко владельцам коммерческих предприятий приходилось дёшево продавать свои предприятия японцам. В противном случае их могли обвинить в антияпонской деятельности, арестовать, а предприятие – конфисковать.

В значительной мере усложнилось положение эмигрантов, в том числе казаков, с наступлением фактической войны США с Японией (с декабря 1941 г.). Оккупационными властями был установлен минимум продуктов, которые эмигранты могли оставлять для своих личных надобностей, а остальные должны были сдавать японцам по твёрдым ценам. Также японцами была монополизирована торговля мясом и рыбой (эти продукты почти полностью отправляли в Японию). Таким образом, экономическое положение эмигрантов в большинстве населённых пунктов Маньчжурии в 1942–1945 гг. значительно ухудшилось. В это время японские власти поощряли занятие сельским хозяйством (армии требовали продовольствия), к чему принуждали даже коммерсантов, которые были вынуждены ликвидировать свои предприятия и переводить капиталы в сельское хозяйство, уступая торговые и промышленные позиции японским предпринимателям. Например, около города Маньчжурия было организовано овцеводческое хозяйство братьев С. Ф. и Ф. Ф. Ганиных, которые начали проводить метисацию (скрещивание) монгольской овцы с мериносовыми баранами «рамбулье» и с баранами «ромвей-марш», а в 1943 г. их хозяйство перевели в район станции Ламадяньцзы, где условия для овцеводства оказались значительно хуже [7, с. 70–71].

В конце августа 1944 г. гостиница «Никитинское подворье», существовавшая в городе Маньчжурия свыше 30 лет, была продана прежней владелицей Марией Кельсевной Никитиной японской монополии «Хинганское общество водных продуктов» за 200 тыс. гоби. А винно-бакалейный магазин Тимофея Алексеевича Воробьёва (который находился в доме № 34 по Второй улице города Маньчжу-

рия) был конфискован японцами, а сам Воробьёв был отправлен в тюрьму «за симпатии к Советской России».

Город Хайлар вместе с посёлком Якэши являлись центрами лесной промышленности в западной части Маньчжурии, которая до японской оккупации фактически почти вся находилась в руках концессионеров братьев Воронцовых. После 1925 г. было учреждено «Хаминское лесопромышленное товарищество», в которое вошли КВЖД, братья Воронцовы и Цинцикарское провинциальное управление. Руководство делами концессий оставалось за братьями Воронцовыми. После 1932 г. хозяевами стали японцы в лице Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). В 1942 г. японцы забрали у Воронцовых на станции Якэши электростанцию, заводы, мельницы и магазин, оставив им только сельское хозяйство и гужевые перевозки.

Материальное положение населения Маньчжурии, в том числе казаков-эмигрантов, в годы войны (1941–1945) было очень тяжёлое. Продавать и вывозить продукты из своей провинции без разрешения властей запрещалось. На учёт была взята абсолютно вся продукция. Полицейские власти часто устраивали обходы жилых помещений и производили обыски вплоть до того, что заглядывали даже в кухонную посуду, в которой готовилась пища. Лица, замеченные в нарушении правил о вывозе продуктов, подвергались штрафу не менее 300 гоби или же тюремному заключению. Не менее строгий надзор был установлен за правилами получения продуктов по карточкам. В сентябре 1943 г. Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов опубликовало в газете сообщение о том, что некоторые эмигранты незаконно получали продукты из кооператива Бюро по продуктовым карточкам на членов своих семей, выбывших из Хайлара на продолжительный срок. Эмигранты предупреждались властями: «Лица, которые будут пытаться получить незаконным путём продукты, будут подвергаться штрафу от 3000 до 5000 гоби или же заключаться в тюрьму на срок до 3 лет. Не лишне будет для российских эмигрантов знать, что подобного рода поступки в Германии караются смертной казнью» [147, с. 109].

Распределение продуктов производилось по принципу национальной дифференциации. Японцы снабжались из закрытых распределителей продуктами первой категории и получали в месяц на одного человека: риса – 12 фунтов, муки белой – 2 фунта, бобов – 2 фунта, крупы разные – 2 фунта, спичек – 2 коробки, бобового масла – 1 фунт, сахара – 1 фунт, соли – 2 фунта, мяса – 5–7 фунтов. Для

китайского населения на одного человека полагалось в месяц: пшеница – 4 фунта, гаоляна – 6 фунтов, кукурузной муки – 4 фунта, гречневой крупы – 2 фунта, бобового масла – 0,5 фунта, сахара – 0,6 фунта, мяса – 5 фунтов. Норма для монголов была такой же, как и для китайцев, но в некоторых случаях вся месячная норма заменялась 30 фунтами пшеницы. Норма для российских эмигрантов была такой: муки белой – 10–12 фунтов, масла растительного – 1 фунт, сахара – 0,5 фунта, соли – 2 фунта, спичек – 2 коробки, мяса – 5 фунтов. При этом если норма мяса на одного человека составляла в месяц 5 фунтов, то на семью в 2 человека выдавали 7 фунтов, на семью из 3 человек – 10 фунтов, а на семью из 10 человек – 20 фунтов [147, с. 109]. На протяжении всего 1942 г. на 10 дворов, без учёта количества в них жителей, было выдано 30 метров мануфактуры.

Следует сказать, что если японцы в Маньчжурии получали свою продуктовую норму полностью, то местное и эмигрантское население часто недополучало свою норму или получало суррогатные и низкокачественные продукты. И если на бумаге некоторые нормы распределения продуктов были близки или примерно одинаковые, то в жизни они значительно различались по качеству. При норме мяса у японцев 5–7 фунтов и у русских 5 фунтов, японцы получали наиболее ценные и питательные виды мяса 1 категории, в то время как русским выдавали самые дешёвые виды мяса, нередко подпорченные или очень низкого качества. Вместе с тем лица, сотрудничавшие с японской администрацией, получали качественные продукты в полном объёме. Японцы ценили коллаборационистов из числа русских.

В целом можно сделать вывод, что казаки, в большинстве своём, опираясь на казачьи традиции станичного и войскового управления, с одной стороны, и на вековые казачьи сельскохозяйственные и коммерческие традиции – с другой, более или менее успешно адаптировались в суровых условиях китайской действительности и создали свою экономическую инфраструктуру. Специфика казачьей общественной жизни позволила им более тесно консолидироваться, что защищало их от ассимиляции и позволяло результивно своими семьями заниматься хозяйственно-экономической деятельностью. Обустроив своё сельское хозяйство, многие казаки со временем переходили к товарному производству сельскохозяйственной продукции. Это давало возможность широко заниматься торговлей и организовывать промышленное производство. Казаки-эмигранты

принимали активное участие в таких сферах эмигрантской (да и общекитайской) экономики, как производство зерновых, овощных и технических культур (русские земледельцы, в том числе казаки, ввели в сельское хозяйство Маньчжурии новые культуры: гречиху, овёс, ячмень, помидоры, хрен, репчатый лук, кочанную капусту, кормовую и сахарную свеклу, лён и др.). Они культивировали садоводство, виноделие, производство мяса, шкур и молока, разведение племенного скота (племенное овцеводство и, конечно же, племенное коневодство). Казаки оказывали транспортные услуги (извоз и гужевой транспорт), занимались промысловой охотой и рыболовством, маслоделием, мукомольным производством. В их ведении была переработка кожи и шерсти, лесозаготовительная и лесоперерабатывающая промышленность, пошив обуви и одежды, торговля продуктами и промышленными товарами, содержание чайных, ресторанов и гостиниц. При всем этом казаки исполняли гражданскую и военную службу. Они сохранили эти черты сословия здесь, как это было на родине. Таким образом, казачья экономическая инфраструктура, во-первых, была ориентирована на удовлетворение нужд эмигрантского населения (переработка местного сырья и обеспечение эмигрантского населения необходимой продукцией), а во-вторых, играла заметную роль в целом ряде отраслей эмигрантской (да и китайской) экономики.

ГЛАВА 3

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАЧЕСТВА В ЭМИГРАЦИИ

3.1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В ЭМИГРАЦИИ

Процессу экономической и социокультурной адаптации казаков-эмигрантов сопутствовала активизация их политической жизни. Благодаря вековым традициям войсковой и станичной организации общественной жизни, казаки достаточно быстро стали объединяться на новом месте в общественно-политические организации. Вслед за организацией быта, основанного на казачьем станичном укладе жизни, стали появляться различные казачьи союзы. Ещё в 1920 г. в Харбине из остатков Оренбургского казачьего войска была создана «Рабочая артель», которая в 1922 г. была переименована в «Оренбургскую казачью Дальневосточную станицу» (атаман есаул Арапов, помощник прапорщик Лапаев С. Ф.), а позднее составила основу «Оренбургской имени атамана Дутова станицу» (атаман генмайор Кручинин, помощник полковник Нестеренко). В 1923 г. была образована Сибирская, а в 1924 г. – Амурская казачьи станицы. В 1931 г. из казачьей молодёжи Харбина была организована «Молодая имени атамана Г. М. Семёнова казачья станица». На 1 декабря 1938 г. насчитывалось уже 27 станиц, 9 из которых располагались в Харбине: Амурская, Забайкальская, Енисейская, Иркутская, Кубано-Терская, Молодая имени атамана Г. М. Семёнова, Оренбургская, Сибирская, Уссурийская. По западной линии железной дороги располагались станицы: Маньчжурская, Цаганская, Хунхульдинская,

Хайларская, Чжаромская, Якэшинская, Найджин-Булакская, Цицикарская и Бухэдинская. Казаки несли службу по охране железнодорожной линии, а посёлки являлись цепью пограничных застав. На восточной линии КВЖД размещались станции: Вэйшахэйская, Яблонская, Ханьдоахэцзунская, Пограничная. Казаки этих станций помимо охранной службы работали на Мулинских каменноугольных копях и лесных концессиях. На восточной линии КВЖД велась наиболее интенсивная антисоветская деятельность.

Постепенно казаки стали объединяться под знамёнами своих войск. Организационным центром всей казачьей эмиграции стало правление Забайкальского войска, которое располагалось в Харбине в двухэтажном здании из красного кирпича возле Бинцзянского вокзала. Г. М. Семёнов, вернувшись из поездок в Японию, Америку и Шанхай, на совещании войскового правления признал, что бывшие союзники отвернулись от казаков и на их поддержку рассчитывать нельзя. Только барон Танака, тогда ещё лидер военной партии в Японии, в случае прихода к власти обещал помощь в сохранении войсковой организации с перспективой войны с Советской Россией и создания буферного казачьего государства под протекторатом Японии.

Монархическая эмиграция создала «Российский общевоинский союз» (РОВС) под главенством великого князя Николая Николаевича, но у неё постоянно были натянутые отношения с казачеством и, особенно, с сибирскими и дальневосточными атаманами. Кроме того, РОВС по-прежнему сохранял тесные связи с бывшими странами Антанты, руководство которых относилось к казачеству с недоверием. Поэтому, по предложению генерал-лейтенанта А. П. Бакшеева, был создан оргкомитет казачьего союза под его председательством и начата работа по сбору сведений и регистрации офицерского состава и казачьего актива. Был проведён учёт казаков в Китае, Корею и Японии, и образованы станицы и воинские подразделения. Всей организационной работой руководили генералы Бакшеев, Власьевский, Зубковский. Сам Г. М. Семёнов в основном жил в Дайрене и занимался военно-политической деятельностью, появляясь в Харбине с инспекционными целями.

В итоге этой деятельности осенью 1922 г. был образован «Союз казаков на Дальнем Востоке». Начальником Союза являлся сам атаман Семёнов, его заместителем генерал Бакшеев, начальником штаба генерал Власьевский. Для оперативного руководства станицами западной линии КВЖД были созданы Хайларский отдел, и на севере

Китая – Северо-Китайский отдел, которые подчинялись непосредственно Семёнову. Казачьи станицы, расположенные в Харбине и на восточной линии КВЖД, подчинялись штабу Союза. «Союз казаков» своими основными задачами считал: 1) свержение коммунистической власти в России путём вооружённой борьбы с ней; 2) установление в России законности и порядка после свержения коммунистов; 3) защиту интересов казачества и закрепление его прав в будущей «национальной России». «Союз казаков» до 1929 г. самостоятельно вёл работу по закордонной разведке, формировал отряды для действий в приграничье, боевые группы для заброски на бывшие территории казачьих войск. При этом комплектованием групп непосредственно руководил сам генерал А. П. Бакшеев.

В январе 1923 г. в Харбине был создан «Восточный казачий союз» (ВКС), в который вошли казачьи станицы Северо-Восточного Китая. Председателем правления и совета ВКС единогласно был избран полковник Оренбургского казачьего войска Г. В. Енборисов, заместителями – полковник Е. П. Березовский (Сибирское казачье войско) и доктор Коренев (Амурское казачье войско). В состав руководящих органов вошли: оренбуржцы – надворный советник Архипов и генерал Косьмин; сибиряки – генерал Белов и есаул Грибановский; амурцы – генерал Вертопрахов и Нижегородцев; енисейский казак старший советник Кузнецов. За годы своего существования ВКС менял состав правления. Этому, кроме прочего, способствовала внутривосточная борьба среди атаманов, а также претензии генерал-лейтенанта Г. М. Семёнова на лидерство в дальневосточной эмиграции. После полковника Г. В. Енборисова союз возглавил сибирский казак, полковник Е. П. Березовский, а после него генерал Е. Г. Сычёв. Программа этой организации призывала объединиться всем русским зарубежного Дальнего Востока «во имя спасения Родины от большевизма». Помимо лозунгов эта организация имела и свою программу политического обустройства. По сути, Восточный казачий союз выступал в качестве представительства «Казачьего союза» в Париже. При этом ВКС создавался прежде всего для защиты экономических интересов казачества, но со временем занял место в ряду других политических эмигрантских организаций.

Тогда же, в начале 20-х годов, в Шанхае и его окрестностях возникли казачьи станицы: Амурская, имени графа Муравьева-Амурского, Сибирская Корниловская, Забайкальская, Семиреченская, Иркутская, Енисейская, Уссурийская, Донская (смешанная из

казаков казачьих войск европейской части России – Донского, Кубанского, Терского). Казаки сплотились в одну семью, вырвались из нищеты, образовав 10 станиц.

В 30-е годы в Шанхае также существовала Оренбургская имени атамана Дутова станица (станичный атаман – полковник В. Д. Кочнев). Казаки именно этой станицы собрали необходимые средства для издания в Шанхайском издательстве «Слово» в 1937 г. книги И. Г. Акулинина «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками, 1917–1920».

У истоков объединения казаков востока России в Шанхае стоял казак Семиреченского войска, присяжный поверенный И. Н. Шендриков и полковник Сибирского войска А. Г. Грызов. К делу были подключены: генерал-лейтенант М. И. Афанасьев (донец), генерал-майор Иркутского казачьего войска П. П. Оглоблин, генерал-майор Оренбургского казачьего войска В. А. Бородин, статский советник Забайкальского казачьего войска Г. Я. Селиванов, полковник Сибирского казачьего войска А. В. Катанаев и есаул Амурского казачьего войска В. В. Сараев.

Документ

...Протокол № 1. Организационного собрания по объединению казаков всех войск, находящихся в Шанхае. 18 марта 1925 г., г. Шанхай.

Присутствуют: Полк. А. Г. Грызов – сиб. казак, ген.-майор Оглоблин П. П. – ирк. казак, ст. советник Г. Я. Селиванов – заб. казак, ген.-лейт. Афанасьев – донск. казак, есаул В. В. Сараев – амурс. казак, присяжн. поверен. И. Н. Шендриков – семир. казак, ген.-майор Бородин – оренб. казак.

И. Н. Шендриков докладывает о настоятельной необходимости объединения всех казаков, находящихся в Шанхае, в шанхайское казачье объединение по примеру казаков-эмигрантов Западной Европы в целях сохранения казачьего единства для отстаивания своего экономического и политического влияния в борьбе с большевиками и за свою жизнь как в эмиграции, так и на Родине. Идея объединения всех войск казаков не только в Шанхае, но и на всем Востоке, в один казачий союз была поддержана единодушно всеми присутствующими, и было предложено И. Н. Шендрикову выработать проект устава объединения. По вопросу о программе казачьего объединения было решено посвятить особое заседание. Было выражено пожелание произвести в дальнейшем регистрацию казаков, желающих вступить в это объединение. Следующее собрание назначено на 26 марта сего года с приглашением казаков других войск на это заседание.... [33, с. 1].

После еще ряда организационных собраний казаков в апреле 1925 г. был создан Казачий союз в Шанхае, его основу составили ка-

зачьи станицы в этом городе и его окрестностях, а также отдельная группа оренбургских казаков. Председателем правления был избран бывший присяжный поверенный омской судебной палаты И. Н. Шендриков (Семиреченское войско), секретарем – полковник Сибирского казачьего войска А. Г. Грызов, членами правления – войсковой атаман Иркутского казачьего войска генерал-майор П. П. Оглоблин, генерал-лейтенант М. И. Афанасьев (Донское войско), генерал-майор В. А. Бородин (Оренбургское войско), есаул В. В. Сараев (Амурское войско). Всего в Союз вошло около 700 человек. К 1930 г. Их уже было около тысячи из 9-тысячной колонии русских.

Документ

Устав Казачьего союза в Шанхае

I. Цель Союза.

1. КСШ ставит себе целью объединение находящихся в Шанхае казаков всех казачьих войск для взаимной духовной и материальной поддержки, для сохранения казачьего единства и исторически сложившихся быта и традиций казачьих, для установления прав и обязанностей казачества в закреплении их при будущем строительстве России, а также для разработки и подготовки к разрешению предстоящих коренных вопросов жизни своих казаков.

2. В порядке осуществления этих целей КСШ может вступать в сношения с официальными русскими (не советскими), китайскими и иностранными правительственными, административными, судебными и общественными учреждениями и лицами, организует, по мере возможности, кассу взаимопомощи, открывает убежище для своих членов, торговые предприятия, бюро труда, учреждает школы, клубы, устраивает чтения, лекции, доклады и пр.

3. КСШ может входить в объединения и вступать в соглашения со всеми казачьими организациями, преследующими аналогичные цели, а также и с другими русскими национальными организациями и союзами Шанхая и прочих пунктов расселения русской эмиграции.

II. Состав Союза.

4. Членами Союза состоят казачьи станицы, хутора и группы, отдельные казаки и казачки всех войск, не входящие ни в одну казачью организацию или состоящую в организациях, не вступивших в Казачий союз, имеют право вступать в него при условии объединения их для этой цели в особую группу. Примечание 1-е: Прием членов производится учредителями Союза, а после выборов Правления, Правлением КС. Примечание 2-е: Членами КСШ не могут быть казачьи организации, признающие советскую власть.

5. Почетными членами Союза могут быть лица и неказачьего сословия, как русские граждане, так и иностранцы, оказавшие особые услуги Союзу, избираемые общим собранием.

III. Средства Союза.

6. Средства Союза составляются из добровольных взносов, пожертвований и ссуд от правительственных, общественных и частных учреждений и лиц, от поступлений из торговых и коммерческих предприятий Союза, сборов от лекций, концертов и пр. поступлений.

IV. Органы управления.

Общее собрание.

7. Делами Союза ведает общее собрание его членов и правление Союза, как исполнительный орган.

8. Общее Собрание Союза образуется из представителей станиц, хуторов и групп, посылающих на собрание с правом решающего голоса: организации, имеющие не более 10 членов – одного представителя, от 10 до 50 на каждые десять по одному и свыше 50 на каждые следующие 25 по одному представителю. Примечание 1-е: Войсковые атаманы, Члены правления Союза и учредители КСШ на общих собраниях пользуются правом решающего голоса. Примечание 2-е: С правом совещательного голоса на общих собраниях допускаются все казаки и казачки, входящие в состав организации – членов Союза, а также почетные члены.

9. Первое общее собрание созывается учредителями Союза, а последующие, правлением Союза по его инициативе или по инициативе не менее 1/3 организаций, входящих в Союз. Обыкновенно общие собрания Союза созываются не менее одного раза в полугодие.

10. Ведению общего собрания подлежат:

А) Выборы правления Союза и ревизионной комиссии.

Б) Исключение из состава Союза.

В) Утверждение отчетов правления.

Г) Рассмотрение и утверждение выработанного правлением плана деятельности.

Д) Разрешение вопросов по покупке, закладу и отчуждению недвижимого имущества, а также других вопросов, вносимых Правлением.

Е) Решение вопросов об изменении и дополнении устава и ликвидации Союза.

Ж) Выборы почетных членов Союза.

11. Общее собрание считается состоявшимся при наличии представителей не менее, как от половины числа всех членов Союза, находящихся в Шанхае. Вторичное общее собрание считается законным при наличии всякого числа представителей организаций Союза.

12. Председатель общего собрания и секретарь выбираются членами собрания.

13. Решения общего собрания принимаются простым большинством присутствующих на собрании членов последнего.

14. Вопросы об изменении и дополнении устава, об исключении членов и ликвидации Союза разрешаются при наличии не менее как 2/3 всех членов Союза, находящихся в Шанхае.

Правление Союза

15. Правление Союза состоит из восьми членов (председателя, зампреда, секретаря, казначея, и четырех членов) и двух кандидатов, избираемых общим собранием сроком на один год. Примечание 1-е: Первое временное правление избирается учредителями Союза сроком на шесть месяцев. Примечание 2-е: С правом совещательного голоса в правлении могут участвовать станичные и хуторские атаманы и представители групп.

16. Все вопросы в Правлении решаются простым большинством; при равенстве голосов голос председателя дает перевес. Для действительного заседания Правления требуется присутствие не менее пяти его членов, в том числе председатель или его заместитель.

17. Правление Союза является исполнительным органом общего собрания и действует в пределах полномочий, даваемых ему уставом и общим собранием, и имеет право, без особой на то доверенности общего собрания, выступать от имени Союза как перед русскими (не советскими) китайскими и иностранными судебными и административными учреждениями, так и перед общественными организациями и частными предприятиями и лицами, а также и заключать все договоры, необходимые для осуществления задач, указанных в общем плане деятельности, утвержденном общим собранием; открывает текущие счета в банках, арендует помещения для нужд Союза и вообще является полномочным органом Союза непосредственно или через доверенных лиц.

18. Договоры, доверенности и другие документы, а равно чеки на получение денежных сумм Союза из банков, подписываются председателем правления или его заместителем и скрепляются секретарем или казначеем по принадлежности.

19. Местопребыванием правления Союза является город Шанхай.

20. Союз имеет свою печать: «Казачий союз в Шанхае».

Суд

21. Вопросы чести и всякого рода недоразумений и споры между членами Союза, разрешаются третейским судом или судом чести, избираемыми общим собранием в составе председателя и двух судей.

22. Решения суда чести является обязательным для членов Союза и отдельных казаков, входящих в Союз и могут быть обжалованы общему собранию Союза.

23. Подробные инструкции о суде Союза вырабатываются общим собранием.

Ревизионная комиссия

24. Ревизионная комиссия состоит из 3-х членов и 2-х кандидатов к ним, избираемых общим собранием сроком на один год.

25. Ревизионная комиссия производит проверку отчетности Правления Союза, наличных денежных сумм и имущества Союза и о результатах проверки докладывает общему собранию, сообщая предварительно свои заключения Правлению Союза.

V. Ликвидация Союза.

27. В случае решения закрыть Союз. Ликвидация дел и имущества поручается особой ликвидационной комиссии, избираемой общим собранием членов Союза, причем общее собрание определяет срок ликвидации и назначение сумм, вырученных от ликвидации имущества... [33, с. 5–7].

Таким образом, о цели создания Казачьего союза в Шанхае говорилось в его Уставе, что он ставит себе целью объединение находящихся в Шанхае казаков всех казачьих войск для взаимной духовной и материальной поддержки, для сохранения казачьего единства и исторически сложившегося быта и традиций казачьих, для установления прав и обязанностей казачества и закрепления их при будущем строительстве России, а также для разработки и подготовки к разрешению предстоящих коренных вопросов жизни своих краев.

Объясняя особую необходимость объединения казаков в Шанхае в единый союз, И. Н. Шендриков и А. Г. Грызов в письме в Казачий союз в Париже писали 30 апреля 1925 г.: «Шанхайские казаки, то есть рассыпанные в Шанхае, – частью устроившиеся на различного рода местах и службах, частью добывающие случайный поденный заработок и часто не имеющие даже такого заработка, – все они, не признающие совласти и не переходящие в совподданство, с водворением здесь совконсульства, оказались совершенно бесправными. Вот эти-то казаки, через свои объединения по войскам и их представителей и составили Казачий союз в Шанхае» [142, с. 23].

В этом же письме руководство Шанхайского казачьего союза разъясняло и такой сложный вопрос, как свои взаимоотношения с войсковыми атаманами за границей: «По отношению войсковых атаманов имелось ввиду, что Казачий союз в Шанхае носит местный характер, а потому не может возлагать на войсковых атаманов обязательства быть ответственными за деятельность Союза или его правления, так как предоставление им председателя правления Союза, как это установлено на Западе, налагало бы на них и обязанности по Союзу. К тому же в организации Союза принимал участие

только один войсковой атаман, другие же наличные на Дальнем Востоке атаманы, в местных условиях жизни казачества на чужбине, не проявляют своей работы в отношении казаков, оказавшихся в рассеянии, или проявляют ее в очень малой степени. В некоторых же войсках совсем нет атаманов или претендующие на это звание являются спорными, как основывающие свои права на полномочиях, данных им не от войсковых кругов, а по выходе с войсковых территорий, или скомпрометированные (разительный пример, бывший зам. Войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал Анисимов), а потому организаторы Казачьего союза в Шанхае ограничились предоставлением войсковым атаманам, буде они пожелают присутствовать на общих собраниях Союза, правом решающего голоса. Казачий союз в Шанхае и его члены – станицы и хутора отдельных войск, — только местные войсковые организации, притом общественного характера, войсковые же атаманы – ответственные представители войсковой власти. Будущая работа Союза определит взаимоотношения его со своими войсковыми атаманами в зависимости от их работы, как в местном, так и в общеказачьем и государственном масштабах» [142, с. 24].

В 1926 г. в Шанхае параллельно с Казачьим союзом создается особое Казачье объединение, или Объединение казаков Восточной Сибири и Дальнего Востока во главе с генералом Ловцовым. В июне 1929 г. обе эти казачьи организации слились в единый Казачий союз. Председателем правления его стал полковник Енисейского казачьего войска Г. К. Бологов. К концу 20-х гг. в состав Казачьего союза в Шанхае входило около 500 человек.

В 1927 г. многие казаки попали в сформированный для целей самообороны Шанхайский волонтерский полк, а организационный период становления союза продлился до 1929 г. Численность части на 5 февраля составляла 150 человек, офицеры, вплоть до полковников, служили рядовыми. Но это был твердый и постоянный заработок.

В Шанхае действовали другие русские эмигрантские организации. К 1932 г. их насчитывалось до 36 и они объединились в Совет объединенных русских организаций (СОРО). Глебов был выбран председателем, а Шендрикков – вице-председателем. Параллельно действовал созданный в городе в 1924 г. Русский эмигрантский комитет (Белое консульство). Возглавил его бывший консул В. Ф. Гроссе.

Документ

Из доклада Председателя правления Шанхайского казачьего союза Шендрикова:

«...борьба с большевиками не может иметь прежних форм белого движения, так как на стороне эмиграции нет тех верных и постоянных союзников, какими располагают большевики в лице Германии, которая фактически в течение уже 10 лет руками большевиков душит Россию, желая с помощью русских людей, русского оружия и русских средств свалить Версальский договор. Бывшие союзники в отношении России ведут весьма двусмысленную политику и своими действиями в особенности признанием Соввласти льют воду на Германскую мельницу. Революционная работа против большевиков возможна только внутри России и русская эмиграция может и должна оказать поддержку в этой борьбе, организованной широко пропагандой и установлением постоянной связи с внутренней Россией. Весьма возможно, что в борьбе против большевиков может сыграть крупную роль образование Сибирского государства от Тихого океана до Урала включительно. Это движение под лозунгом «Через свободную Сибирь в свободную Россию» может вызвать сочувствие и активную поддержку среди иностранцев, заинтересованных в приложении капиталов в Сибири, являющейся огромным резервуаром всякого рода природных богатств. Нельзя угашать духа и думать, что если невозможна интервенция и открытое выступление иностранных штыков, то возможна и вообще борьба с большевиками. Большевики хотят убедить эмиграцию, чтобы она устраивала свое благополучие за границей и не интересовалась политикой. Эту идею проводят на Востоке такие газеты, как «Шанхайская заря», не говоря уж о «России», «Эхо» этих продажных листках с пропагандой советизма, прикрытого разного рода выпадами против общественных деятелей русской эмиграции. Сроки падения советской власти никому не дано знать, но ясно, что большевизм, как система власти, построенной на отрицании основ нормального государства, существовать в такой отсталой стране, как Россия, не может, и весь вопрос в том, как подойти к русскому народу и как понять его истинное желание. Ясно, что возврата к прошлому дворянско-крепостническому строю быть не может. Большевизм это один из зигзагов истории, своеобразно расчищающих пути к капиталистическому развитию России. Большевизм умрет, а Россия, освобожденная от феодальных пережитков старого строя, перейдет в новую фазу своего бытия, без дворян и без большевиков, но с мощной буржуазией и крестьянством. Отсюда вывод: нельзя отрываться от родной земли, нечего надеяться на иностранного дядю, а необходимо пересмотреть свой, так сказать, умственный багаж, свое политическое мирозерцание и найти силы, прежде всего в себе самих для революционной борьбы с большевиками...» [33, с. 6].

В 1929 г. правление Казачьего союза было переизбрано. И. Н. Шендриков ушел не только из правления, но и из Союза. Председателем стал войсковой старшина Г. К. Бологов (енисеец), который занимал этот пост до 1934 г. Секретарем был избран забайкалец полковник Г. Д. Почекунин.

Следует сказать, что антисоветская деятельность, будучи приоритетным направлением казачьих политических организаций (по определению своему бывших военно-политическими), не ограничивалась лозунгами и агитацией. В рамках деятельности этих союзов предусматривались и практические действия. В частности, по инициативе забайкальца – генерала И. Ф. Шильникова, в приграничной зоне Забайкалья по реке Аргунь были созданы казачьи посты, в которых базировались партизанские отряды, действующие против Советской власти на территории СССР.

Документ

Шифрограмма. Из Читы. Вх. №7 486, 7 487 /с.

Москва, Карахану. Копию передайте Иоффе.

Нападение на Чжайлонор (небольшой город на северо-востоке Китая. – Прим. автора) ночью 3 декабря совершено вооруженной белобандой. Главкомгенбачжу передал командарму 5 Уборевичу несомненность в принадлежности бандитов белым. Нами указано Управлению Спецкит-делегации в Чите о наличии в самом Чжайлоноре неликвидированных остатков белотрядов Иванова численностью 150 человек, также возможность провокации со стороны белых. Дипкомиссар Хулундуйского округа 18 ноября №861 сообщил нашему представителю в Маньчжурии Похвалинскому о вооруженном столкновении в районе ст. Цогон и китвоенполиции с отрядом Шильникова, в результате которого Шильников арестован. Начштаба Трухмен двумя чинами убит. Ликвидация же белоотрядов, обещанная комиссаром, не удалась после ареста Шильникова в районе столкновения осталась банда 635 человек. По агентурным данным 17 декабря подтверждается нападение на Чжайланор белого отряда, взорвавшего шахту № 9, ограбившего русское население на 80 лошадей, несколько голов скота для продовольствия.

События в Чжайланоре муссируются зарубежной прессой с провокационной целью создать осложнение наших отношений с Китаем.

24 декабря 1922 г. Кобозев [145, с. 223].

Известными руководителями этих отрядов были казаки Почекунин, Мильников, Гордеев, Ширяев и др. Чаще всего местами действий партизанских отрядов были угольные районы Сучана, Иман,

среднее течение Уссури, левый берег Амура от Хабаровска до Благовещенска, Хинганские горы, левый берег Аргуни, где партизаны распространяли свою деятельность вплоть до Нерчинска. В Приморье в середине 20-х годов активно действовал партизанский отряд И. Г. Ширяева, помощника атамана Уссурийского казачьего войска Калмыкова. С 1923 г. активно действовал казачий отряд в районе станции Пограничная. Со временем здесь было создано три отряда – отдельно из уссурийских, амурских и забайкальских казаков [83, с. 67]. Подобная деятельность пошла на убыль только с 1929 г. в связи с укреплением советской пограничной системы.

Надо сказать, что советские спецслужбы противодействовали активной подрывной деятельности казачьих эмигрантских организаций не только усилением пограничной фортификации. Они проводили значительную разведывательную и контрразведывательную деятельность. В архивах российских спецслужб имеются документы, раскрывающую переписку представителей атамана Семенова в Париже и Берлине с великим князем Дмитрием Павловичем и другими лицами, характеризующая обстановку на ДВ, деятельность военных агентов Семенова в Сербии и других странах, взаимоотношений семеновцев с областным правительством Меркулова (письмо Его Императорского Высочества Великого князя Дмитрия Павловича вручено гвардии капитану Павлу Петровичу Булыгину. Письмо «Полковника» из Берлина Дмитрию Павловичу от 7 апреля 1921 г. с просьбой встать во главе борьбы с большевиками. Письмо Дмитрию Павловичу от 26 апреля 1921 г. от генерал-майора кн. Павла Тумбаир-Малиновского, представителя атамана Семенова в Прибалтийских республиках. Письмо генерал-майору А. Бенуа от адъютанта «Полковника» капитана Апаровича о том, что в Сербии идет свободная запись в Армию атамана Семенова (группа достигает 1000 чел.). В письме «Полковника» поручику А. К. Гильдебранту (представителю в Афинах) упоминается генерал-лейтенант Романовский (представитель атамана Семенова в Болгарии), полковник Кельчевский в Париже, В. Л. Покровский в Вене, полковник Котомкин-Савинский в Праге, полковник Магомаев в Токио, полковник Семчевский в Берлине, генерал-майор Дашкевич-Горбатский, капитан Кюнс, капитан Сотников, поручик Юркевич [145].

В частности, в штабе Г. М. Семёнова ещё с 1919 г. служил переводчиком казак из бурят знаток восточной культуры Е. Д. Таров, который был агентом ВЧК. Ушедший вместе с семёновскими частя-

ми осенью 1920 г. на территорию Маньчжурии, он непосредственно участвовал в организации «Союза казаков на Дальнем Востоке» и работал в его правлении вплоть до 1932 г. В правлении союза Е. Д. Таров осуществлял учёт личного состава и передавал сведения через харбинскую резидентуру в читинскую резидентуру ВЧК–ОГПУ. Поэтому до 1932 г. чекисты имели детальную картину оперативно-подрывных действий казачьей эмиграции [142, с. 46]. И не только в Маньчжурии, но и в целом по Китаю.

Документ

Из Читы. Получ. 10.03, расшифрована 11.03-22 г. Сов. секр. Вх. № 2091/с.

Москва, Чичерину

Передаю телеграмму Пайкиса: «Чичерину. Проверка данных разведкой в Шанхае сведений о готовящемся новом наступлении на СовРоссию обнаружила попытку со стороны этой осведомительницы шантажировать с целью получения от нас денег, никаких документов у нее нет. По имеющимся данным всякие разговоры и идущие отсюда сообщения об организации белыми сил.../пропуск/...тельств не соответствуют действительности. Разведывательные организации плохо ориентируются и сильно раздувают мелкие ничего не стоящие факты, принимая часто совместное участие белых и обычную в обстановке их жизни... клевету и болтовню за серьезное совещание по организации общих белых правительств. Могу определенно сказать, что среди белых сейчас происходит... Такое разложение и очень многие из видных, охваченных острой тоской по родине, мечтают о возвращении в СовРоссию. В наших интересах усилить этот процесс разложения среди них для чего необходимо создать условия возможности такого их возвращения, гарантируя им безопасность. Ко мне довольно часто обращаются с переговорами по этому вопросу, но я бессилён, что-либо предпринять; прошу инструкций на этот счет. Сговоритесь по этому вопросу с кем следует, выработайте инструкции и сообщите мне возможно скорее, чтобы мог осуществить всякому /.../ мероприятия с наступлением весны. Пайкис. №281.

7 марта 1922 г. Янсон [145, С. 78].

Вот еще одна шифрограмма из Китая, характеризующая ситуацию в кругах белой эмиграции, в частности по организации фашистского движения в Маньчжурии.

Документ

Шифрограмма. Из Читы. Получ. 10.12, расшифрована 11.12-22 г. Вх. №7 233, 7 234 7 235 /с.

Москва, Карахану

Через Озорнина получено донесение: «...4. В Шанхай приехал с крупными средствами ген-ад. Скалон делегат монархистов из Германии. В его задачу входит организация фашистского движения в России с Востока. В Иркутском университете будто бы уже имеется ячейка. В Харбине организовалась она (?) под названием тайное общество для борьбы с большевиками, у организации имеются печатные бланки с этим заголовком. Действия фашистов начались в Харбине с Руделака (?) японского института Ида, дирекция которого по требованию фашистов уволила преподавателя Ошанина за его родство с Озорниным. Во главе тайного общества стоят: ген. Мыльников, Клерже, полк. Ефимов, Лялин, Шейко, Колесников, архиерей Нестор, белогвардейцы Клок, Римский-Корсаков, Сиварс, Сатовский, Ржевский и др.

9 декабря 22 г. Кобозев [145, с. 78].

В архивах спецслужб удалось разыскать справку о группировке ген. Глебова и меморандум о закордонной работе, связанный с переселенцами казаков-глебовцев из Шанхая в район Хайлара в 1924 г.

Документ

«25.08.24 г. По данным Харбинской резидентуры разгрузка Шанхая от безработных белогвардейцев началась еще в июле месяце. Так, сообщалось, что 8.07.24 г. войсковым старшиной Казаковым была отправлена в Хайлар в распоряжение ген. Сычева партия белых в 40 человек. И что через несколько дней была отправлена еще партия в 60 человек в распоряжение ген. Мельникова. Далее сообщалось, что отправленные должны были формироваться в будущем в партизанские отряды для набегов на прииски и близлежащие к китайским границам деревни; что с ними выехал в качестве проводника и указателя местонахождения приисков некто Бородин, бывший владелец золотых приисков по Амуру и в Забайкалье, и что расходы по отправке взяли на себя монархические организации, бывший русский консул Гроссе и частично – французская и английская полиция.

08.09.24 г. Эти сведения подтвердились лишь частично. По данным Маньчжурской резидентуры обстановка разгрузки Шанхая такова: передвижение совершалось при посредстве шанхайского отдела монархического общества «Вера, Царь и Народ, официально же отправку производит особый образовавшийся в Шанхае «Международный комитет по разгрузке Шанхая», под главенством англичанина ПИК. Каждому из отправляющихся на дорогу выдавались деньги, проездной билет и паспорт с визой. Деятельное участие в отправке в полосу отчуждения белых принимал состоявшим членом монархического общества «Вера, Царь и Народ» войсковой старшина Казаков, хлопоча исключительно о своих станични-

ках, коих насчитывалось, якобы 60 человек. Белогвардейцы прибывали в Хайлар небольшими группами в 10–15 человек, в большинстве своем, оседая на постоянных дворах. Среди прибывших есть и офицеры. Некоторые из них говорили, что предполагена была переброска в Хайлар до 1000 человек. И что, якобы, об этом велись переговоры с Чжан-Цзо-Лином.

К этим сведениям был приложен список прибывших 04.09.24 г. Хайларглебовцев в кол-ве 29 человек, с указанием, что днем раньше, то есть 03.09.24 г. прибыла группа в 14 человек. Несколько ранее нами были получены списки на приехавших в Хайлар 07.08.24 г. – 11 чел и 09.08.24 г. – 7 чел. Следовательно, общее кол-во прибывших по 04.09 включительно исчисляется в 61 чел.

30.10.24 г. Дальнейшим ведением разработки устанавливается, что прибывающие в Хайлар беженцы устраиваются на местных сенокосах. Средства на отправку беженцев, Казаков получал от Шанхайского Общества помощи репатриации русских беженцев. «Шанхайский скаковый клуб» также пожертвовал до 3 000 кит. долларов. Первая партия получила на руки по 3 доллара на человека, а последующие по 10 долларов. Также русским благотворительным обществом выдавалась обувь для не имеющих таковой.

Ноябрь 24 г. По данным маньчжурского резидента, прибывшие в Хайларглебовцы рассказали по работам, уехав большей частью на концессии Воронцова по р. Яомынь. Прибывшим глебовцам ни одной из белых группировок матпомощи не оказывается. Прибыли глебовцы в Хайлар без оружия. Цель их прибытия объясняется самими глебовцами, разгрузкой Шанхая, так как там никакой работы нет.

16.11.24 г. По сообщению маньчжурской резидентуры 2 ноября прибыла 5-я партия (и последняя) глебовцев в кол-ве 11 человек, которые по прибытии поместились на постоялом дворе. Список на этих 11 человек получен. Всего со всеми ранее прибывшими, в Хайлар прибыло 72 человека. И более партий не прибывало. (Даны задания резиденту: установить непрерывное наблюдение за всеми прибывшими, следить за передвижением, выявить их связи с белодеятелями, материальное положение, настроения в отношении нас и белодеятелей, определить ближайшие цели и задачи, завербовать из их числа двух секретных сотрудников или же внедрить своего человека. По приезду вахмистра Кобылкина принять меры к его вербовке, как ценного по освещению группы Глебова.)

По одновременному сообщению Харбинской резидентуры 19.11 из Шанхая через Харбин в сторону Хайлар-Маньчжурия проследовало 10 человек глебовцев, среди которых находился некий вахмистр Кобылкин (с парохода Монгутай). По словам Кобылкина, 12.11 из Шанхая в сторону Харбина выехало 50 человек. Глебовцев, которым, якобы, из средств Английского комитета, содержащего всю группу Глебова, выдано по 9 долла-

ров и бесплатные билеты до ст. Хайлар и Маньчжурия. О прибытии этих последних групп в Хайлар сведений пока не получено (список глебовцев, прибывших в Хайлар 7 авг. – 11 человек, 9–7, 4 сентября – 29, 2 ноября – 11). Список же 14 человек, прибывших в Хайлар 3 сентября, нами пока не получен. По получении будет выслан дополнительно. Установлено, что прибывшие глебовцы до сих пор активности не проявляют, какой-либо работы среди них со стороны монархических организаций или отдельных ее деятелей не ведется, намерений к формированию бандотрядов, а также к переходу их в сторону Забайкалья пока тенденций не имеют, хотя надо заметить, что большинство жителей Забайкалья, принимавших активное участие в борьбе с Соввластью, в рядах Семенова или Капеля, представляет еще до сих пор довольно реакционную часть белобезенцев. Все прибывшие в Хайлар и его район глебовцы, взяты нами на учет и каждое их передвижение, в особенности в сторону нашей границы, фиксируется. Дальнейшая разработка продолжается. Нач. СОЧ ПП ОГПУ ДВО Перцов, зам. Нач. КРО ПП ОГПУ ДВО Шмидт» [145, с. 214].

По сведениям маньчжурского резидента видно, что прибывшие из Шанхая глебовцы, за последнее время начали постепенно разъезжаться по концессиям, якобы с целью заработка. Большая часть направилась на концессии, принадлежащие японцам, по р. Иректе (100 верст восточнее ст. Хайлар КВЖД), а также несколько человек ушло на концессию Воронцова по р. Умынь (90 верст юго-восточнее ст. Хайлар) и Якешинские концессии.

Действительно советская разведка предполагала, что большинство белобезенцев, большинство из которых было казаками, идут не ради заработка, а по известному откуда-то распоряжению. Кроме того, в тот период среди беженцев Маньчжуро-Хайларского района муссировались упорные слухи, что на японских концессиях Иректе и Хингане создавались специальные банды и направлялись в район рек Гана, Хаул и Дербула, а оттуда уже на территорию Советской России, точнее в ее район восточнее Забайкалья. По сведениям, требующих проверки, на Иректинских концессиях имелось якобы обмундирование и оружие, привезенное японцами.

Документ

...Непосредственное участие по формированию отрядов поручено одному из видных Забайкальских генералов, фамилия не указана, который должен в скором времени прибыть на концессии.

В первых числах февраля месяца для участия в деле формирования выезжает из Хайлара ген. Мациевский Георгий Евгеньевич, ярый семено-

вещ. Командовал 1-м Монголо-Бурятским полком, затем 1-й казачьей дивизией, 1-м корпусом и Нер-Заводским фронтом. В период авантюры Шильникова командовал 2-й бригадой и производил скупку оружия для отряда. Имеет связь с видными монархическими деятелями, в том числе и с епископом Нестором.

Из видных глебовцев, кроме солдат, на концессии выехал подхорунжий Торохов Павел, подпоручик Ягодный и поручик Некрасов, надо полагать не иначе, как с целью участия по формированию отрядов.

По дополнительным сообщениям от 31.01 большинство глебовцев прибыли из Шанхая в Хайлар, набитые мыслью со стороны Василия Казакова, ген. Исакова и Домрачева, «что-де мол поезжайте туда и ждите общего сигнала Николая Николаевича к общему выступлению против Советской власти. При отъезде из Шанхая всех отъезжающих подбадривал Казаков Василий, обещая в скором времени приехать в Хайлар и составить из них отряд для похода на нашу территорию. Установлено, по словам самих же прибывших, что все приехали в Хайлар без каких-либо определенных заданий, все без исключения настроены против Советской власти, с мыслью, что скоро будут свергнуты большевиками.

Заключение: В связи с переездом большинства белобезенцев, в том числе и глебовцев из Хайлара в р-он Иректе, Якеши и Умын на лесные концессии, якобы на лесные работы, необходимо рассматривать как проведение в жизнь какого-то намеченного определенного плана (по всей вероятности японский) с целью создания на вышеназванных пунктах опорных баз по формированию бандотрядов, направленных в будущем, вероятно, с наступлением военного периода, для действий на нашей территории, отчасти в районе Восточной части Забайкалья, принимая во внимание, как указывают сведения, что японцы на лесной концессии Хингана предусматривают создание даже укрепленного опорного пункта, для какой именно цели, пока говорить трудно, поскольку сведения эти еще не проверены. Но, во всяком случае здесь имеются какие-то определенные планы со стороны Японского правительства, назначение коих покажет будущее и не иначе, как иметь на всякий удобный случай, как бы укрепленный пункт близко расположенный от нашей территории с достаточным кол-вом оружия, обмундирования и людской базы в лице белобезенцев, коих постараются использовать при первой возможности. Дальнейшая разработка продолжается.

ПП ОГПУ на ДВО Альпов. Нач. КРО ПП ОГПУ Берзин [145, с. 425].

Негативное отношение к большевизму объединяло разные слои и группы зарубежного казачества. Но в то же время говорить о политическом единстве в рядах казаков, в том числе в Северо-Восточном Китае, не приходится.

Основные споры в среде казаков-эмигрантов возникали по вопросам «самостийности» казачества и формы будущего государственного устройства в России. Казаки-монархисты выступали за восстановление монархической власти в границах Российской империи. Они считали своё сословие неотъемлемой частью российского народа и его защитником.

Последователи умеренно-демократического направления выступали за сохранение неделимой России, но с учреждением определённой автономии и самостоятельности для земель казачьих войск, закреплённой демократической конституции.

Монархистам и умеренно-демократическому крылу противостояло радикально-демократическое антимонархическое течение. Программа этих казаков предполагала создание в России федеративной республики, в состав которой казачьи территории должны были входить на правах отдельных штатов. Позднее в этом движении стали преобладать так называемые «самостийники», выступавшие за отделение казачьих территорий от России и создание независимого государства «Казакии».

Казачьи союзы Северо-Восточного Китая по многим вопросам примыкали к умеренно-демократическому течению, но в то же время по ряду вопросов (в частности о необходимости вооружённой борьбы с советской властью под предводительством великого князя Николая Николаевича) они тяготели к монархистам [83, с. 67–68]. Движение же «самостийников» в рядах казаков Маньчжурии широкой поддержки не получило. И у этого явления были исторические причины. Движение «самостийников» находило поддержку прежде всего в среде казаков – выходцев с Дона, Кубани, Терека, а также других земель, где казачество в своё время во многом складывалось как «вольное», и только позднее было подчинено централизирующемуся государством. Этот факт истории запечатлелся в культуре и мировоззрении казачества европейской России и проявился в тяжёлые годы социальных и политических брожений. По-другому дело обстояло с казачьими войсками, находящимися в азиатской части России. Они возникали как служилое сословие колонизируемых территорий, и исторически воспринимали себя как часть российского общества и государства. Поэтому движение за независимую «Казакию», получившее определённое распространение в западной ветви казачьей эмиграции (где большинство казаков были выходцами с Дона), не получило поддержки и широкого распространения

у казаков в Маньчжурии (большая часть из которых была выходцами из Забайкальского казачьего войска).

В целом, говоря о казачьей политической деятельности в Северо-Восточном Китае в 1920-е гг., можно сделать вывод, что большую роль в этой деятельности сыграли казачьи традиции войскового и станичного управления. Складывающиеся по земляческому принципу станицы и посёлки организовывали союзы, которые, опять же по «казачьей линии» связывались с эмиграцией в Европе и других частях света и занимались достаточно активной политической деятельностью. Будучи более организованным, чем другие группы эмиграции, казачество более активно занималось политической (прежде всего военно-политической) деятельностью, чем активизировало политическую жизнь всей русской эмиграции в Северо-Восточном Китае.

В значительной мере изменилась жизнь русской диаспоры после оккупации Маньчжурии японскими войсками. Маньчжурия, после её захвата японцами в конце 1931 г., получила с 1 марта 1932 г. название Маньчжоу-Го – Маньчжурского государства, а с 1 марта 1934 г. была переименована в Маньчжоу Ди-го – Маньчжурская империя. Главой Маньчжоу-Го, а затем императором Маньчжоу Ди-го был поставлен последний потомок династии Цин в Китае Пу И. Но фактически, вся полнота власти в Маньчжоу Ди-го находилась в руках командующего Квантунской армией, который одновременно был полномочным и чрезвычайным послом Японии в Маньчжоу Ди-го. С этого времени практически все официальные общеэмигрантские и казачьи организации действовали под контролем со стороны разведывательного аппарата Японской военной миссии. Период относительно самостоятельной организационной и антисоветской деятельности казачьих объединений ушел в прошлое. Теперь вольно или невольно им приходилось действовать в рамках планов японских политиков и военачальников. Известно, что часть казачьей эмиграции встретила японцев восторженно, с действиями японской стороны она связывала надежды на свержение власти советов в СССР и своего скорейшего возвращения на родину. На японцев рассчитывали и опирались разные заметные фигуры казачьей эмиграции, в частности – Г. М. Семёнов. Японцы же, в свою очередь, стремились использовать российскую эмиграцию в реализации своих военно-политических планов относительно восточных территорий СССР. Прежде всего, это касалось предста-

вителей военной эмиграции – офицеров русской дореволюционной армии и казаков. Именно на них японское командование делало ставку в вопросах военно-политической консолидации российской эмиграции в Маньчжурии и организации активной диверсионно-разведывательной деятельности на территории СССР. В то же время японцы рассматривали русскую военную эмиграцию как резерв Квантунской армии. Но с другой стороны, японское командование прекрасно понимало, что в полной мере на эмигрантов оно рассчитывать не может, так как в её рядах русский патриотизм был на достаточно высоком уровне, а это могло навредить их планируемой войне с Россией. Отсюда складывались два основных логических посыла японской политики по отношению к российским эмигрантам – тотальный контроль и жёсткая консолидация сверху.

Стремление к тотальному контролю всех сторон жизни русских эмигрантов выразилось в образовании указом правителя Маньчжоу-Го Пу И 28 декабря 1934 г. «Бюро по делам российских эмигрантов» (БРЭМ), которое с 1940 г. было переименовано в «Главное бюро по делам российских эмигрантов» (ГБРЭМ). Основными задачами этой организации было: «Обеспечивать единство белоэмигрантов, готовить их к борьбе с Коминтерном за освобождение России, что возможно лишь при условии нового порядка в Азии под эгидой Японии» [143, с. 381–383]. Политическая деятельность БРЭМ осуществлялась по указанию Японской военной миссии и шла в пяти направлениях: обработка общественного мнения эмигрантов, воспитательная работа среди молодёжи, деятельность по линии «Киевакай», религиозно-воспитательная работа и военная подготовка эмигрантов.

БРЭМ (как уже говорилось в гл. 1 данной монографии) возглавляли белые генералы из близкого окружения Г. М. Семёнова – В. В. Рычков (1934–1935), А. П. Бакшеев (1935–1938), В. А. Кислицын (1938–1943), Л. Ф. Власьевский (1943–1945), руководившие одновременно и «Союзом казаков». Подобный выбор был неслучаен. Казачьи руководители ещё до японской оккупации руководили казачьими союзами, которые достаточно активно работали (в том числе против СССР), поэтому неудивительно, что японцы, консолидируя русскую эмиграцию Маньчжурии и организовывая антисоветскую военно-политическую деятельность, сделали ставку на казачество, как наиболее организованную, военно-подготовленную и политически активную часть эмиграции.

При БРЭМ был открыт и переселенческий отдел, которым руководил хорунжий М. Н. Гордеев. Задачей этого подразделения являлось устройство эмигрантских посёлков в глухих местах, где переселенцы должны были заниматься сельским хозяйством под надзором японцев. Целью этого переселения (чаще всего насильственного) было, во-первых – увеличение производства сельскохозяйственной продукции для обеспечения Квантунской армии, а во-вторых – территориальное распыление эмиграции, как опасного элемента в тылу японских войск.

Как уже отмечалось, БРЭМ было создано Японской военной миссией для контроля над представителями всех групп российской эмиграции (в том числе военной) в Маньчжурии. Характер расселения казачьей эмиграции привёл к тому, что казаки в основном взаимодействовали с «Захинганским районным бюро по делам российских эмигрантов», которое дислоцировалось в г. Хайларе (контора располагалась по адресу: 1-я Западная улица, д. № 33, в кирпичном одноэтажном доме с железной крышей) [7, с. 14].

«Захинганское бюро» было ведущим органом эмиграции в западной части Маньчжурии (Западно-Хинганская провинция). Здесь проживали главным образом забайкальские казаки, эмигрировавшие в 1920 г. или бежавшие в 1931–1933 гг. во время сплошной коллективизации. Бюро возглавлял генерал-лейтенант Алексей Проклович Бакшеев, который был и начальником «Союза казаков в Восточной Азии». «Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов» осуществляло контроль и руководство над всеми местными Бюро и Представительствами от города Маньчжурия до Чжаланьтуня включительно и от Хунхульди до Трёхречья. «Захинганскому бюро» подчинялись: 1) Бюро по делам эмигрантов в г. Маньчжурия, которое имело своё отделение в г. Чжалайноре и представительства в посёлке Далайнор, на станциях Цаган и Хорхонтэ; 2) Бюро по делам эмигрантов в г. Хайларе, которое имело свои представительства на станциях Ваньгун, Угунор и Хакэ; 3) Бюро по делам эмигрантов в г. Якэши, которое имело представительства на станциях Чжаламутэ, Маньдхэ, Унур и в посёлке 16-го разъезда. «Захинганское бюро» было подчинено ГБРЭМ в г. Харбине, а советником в нём был японец Сугиока Михаил Павлович, фактически он же был его техническим руководителем.

«Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов» имело следующие отделы.

1. Секретариат или общий отдел: начальник Николай Васильевич Котленец, его помощник Всеволод Владимирович Кузнецов.

2. Финансово-экономический отдел: начальник Николай Анатольевич Юдин, бухгалтер Александр Григорьевич Зимин, казначей Ипполит Павлович Бакшеев (с августа 1943 г. начальник – генерал Григорий Григорьевич Эпов, помощник – Михаил Михайлович Стуков, казначей – Алексей Викторович Бочкарёв).

3. Регистрационный отдел считался самым важным и подчинялся непосредственно 3-му (контрразведывательному) отделу Японской военной миссии в г. Хайларе: начальником отдела был Сергей Григорьевич Синапов, его помощником Борис Николаевич Генерозов-Мацевский.

4. Военный отдел был непосредственно подчинён военному отделу Японской военной миссии в г. Хайларе. В ведении военного отдела «Захинганского бюро» находились «Захинганский отдельный корпус», в состав которого входили «Сводно-Хайларский полк», «Отдельная Северо-Хинганская бригада», «Якэшинский сводно-казачий полк», «Сводно-волонтёрский отряд г. Маньчжурия», «Сводно-волонтёрский отряд в Бухэду» и «Сводно-волонтёрский отряд в Чжаланьтуне». Военный отдел проводил периодические военные сборы эмигрантов, производил наборы молодёжи в «Русские военные отряды» на станции Сунгари-2 и в г. Хайларе («Конно-казачий полицейский отряд»). В отделе велись списки резервистов и служащих военных отрядов, с указанием семейно-имущественного положения, списки командного и личного состава частей и т. п. Начальником военного отдела был подполковник Павел Матвеевич Портнягин, начальником штаба – Алексей Григорьевич Зимин, адъютантом начальника отдела – хорунжий Валентин Олимпьевич Кобяков, делопроизводителем – рядовой казак Толпыгин.

5. Благотворительный отдел ведал приютами для сирот и богадельнями для престарелых, его начальником был Павел Леонтьевич Топорков.

6. Культурно-просветительный отдел занимался в основном агитационной работой и возглавлялся генералом Григорием Григорьевичем Эповым. Последние два отдела были расформированы в 1944 г.

В городе Маньчжурия «Бюро по делам российских эмигрантов» размещалось на Первой улице в доме № 13. Более пяти лет его начальником был полковник Александр Михайлович Заалов. Он активно воевал против Красной армии в составе армии Колчака.

После ареста Заалова был уволен его заместитель и секретарь БРЭМ С. В. Цивинский, а место начальника занял С. А. Брызгалов. По данным на март 1944 г. в штате БРЭМ города Маньчжурия числились: секретарь и заместитель начальника Михаил Дмитриевич Аникеев, советник БРЭМ японец Оохаси (сотрудник Японской военной миссии), советник по казачьим делам станичный атаман «Сводно-казачьей станицы в г. Маньчжурия» А. Ф. Попов (в декабре 1943 г. его на этом посту сменил М. Д. Аникеев), казначей-делопроизводитель Анатолий Васильевич Макаров, заведующий хозяйственной частью Фёдор Андреевич Хомяков, старший квартальный Бюро А. С. Шарков.

БРЭМ в городе Маньчжурия имело отделение в Чжалайноре, начальником которого был Г. И. Войлошников. А также представительства: на станции Цаган (начальник представительства Семён Прокопьевич Горячкин), на станции Хорхонтэ (начальник представительства Леонтий Яковлевич Леонтьев), в посёлке Далайнор (начальник представительства Филипп Фролович Храпунов). При этом в посёлке Чжалайнор-копи в конце 1941 г. проживало 317 эмигрантов, на станции Чжалайнор – 377, на станции Цаган – 200 человек, на станции Хорхонтэ – 95 и в посёлке Далайнор – 45 человек [7, с. 14–16].

На примере работы БРЭМ г. Маньчжурия можно представить, чем занимались эти органы управления эмигрантами. Административная работа БРЭМ заключалась в учёте российских эмигрантов, регистрации подрастающего поколения, вновь прибывающих в район БРЭМ эмигрантов. БРЭМ производило разбор спорных дел между эмигрантами, свидетельствовала договоры, соглашения и сделки, выдавала удостоверения на право получения и замену видов на жительство. Без удостоверения БРЭМ Департамент полиции не выдавал эмигрантам виз на право выезда из г. Маньчжурия. Бюро вело учёт эмигрантского населения для набора рабочей силы среди эмигрантов, составляло списки эмигрантов для работы в японских разведывательных службах (проводников на территорию СССР, разведчиков и агентов), проводило подготовительную работу для мобилизационных целей, вело учёт эмигрантов по возрасту и по уровню военной подготовки. Отдельно велся учёт казачьего населения, а также их военной экипировки вплоть до учёта лошадей и казачьих сёдел.

Кроме уже упоминавшихся казачьих союзов и эмигрантских объединений в оккупационный период достаточно активно стали действовать такие организации, как «Российский фашистский союз». Центром русского фашистского движения в Северо-Восточном Китае стал Харбинский юридический факультет. Организационное оформление партии русских фашистов произошло в 1931 г. Главной задачей своей деятельности её представители считали свержение коммунизма и возрождение России. Политическая программа этой партии предусматривала: примирение труда и капитала; частную собственность; благосостояние общества; добровольное объединение соседних стран; высший государственный орган – Всероссийский земский собор. Руководил «Русской фашистской партией» К. В. Родзаевский. Фашистская идеология привлекала к себе и некоторое число убеждённых антикоммунистов из казачьей среды. Вербовка в члены РФП велась и в «Союзе казаков». В мае 1936 г. в Харбине был проведён парад всех фашистов. В колонну, наряду с другими, входили казаки-фашисты, каждый в форме своего войска и со свастикой. По сути, РФП была филиалом японской разведки, что, в частности, проявилось в том, что из членов этой партии велась вербовка в разведывательно-диверсионные отряды. Более того, представителям именно этой партии отдавался приоритет при наборе в другие военные и гражданские структуры. В частности, так называемый 1-й отряд спасения Родины, заброшенный на территорию СССР в 1936 г. состоял практически полностью из казаков-фашистов.

Организации РФС существовали в г. Маньчжурия («Маньчжурский отдел РФС»), г. Чжалайноре, г. Хайларе, на станции Цаган. Самая активная организация была в г. Маньчжурия, её Отделу подчинялись Чжалайнорская и Цаганская организации. После 1938 г., когда РФП начала терять своё влияние, К. В. Родзаевский и его «сподвижник» Майковский (как выяснилось позже – сотрудник НКВД) получили вБРЭМ должности начальников отделов. В 1943 г. по решению Японской военной миссии члены РФС в этих населённых пунктах были включены в Отделы молодёжи при Бюро по делам российских эмигрантов в г. Маньчжурия. Председателем Отдела молодёжи был М. Д. Анিকেев, он же временно исполнял обязанности начальника БРЭМ.

Достаточно активно в среде казаков работала прояпонская организация «Киовакай». Её центральный штаб находился в г. Хайларе и объединял штабы этой организации на линии железной дороги

(станция Маньчжурия – станция Чгунон), а также в западной части Новой Барги. Больше всего казаков было в организации «Киовакай» в г. Маньчжурия. Начальником районного штаба в г. Маньчжурия долгое время был японец Озаки. В состав правления штаба от эмиграции входил и начальник БРЭМ. В числе сотрудников штаба, помимо японцев, находился активный фашист М. А. Тертумасов. На районном съезде «Киовакай» 15–18 апреля 1942 г. от русской эмиграции г. Маньчжурия присутствовал начальник БРЭМ А. М. Заалов, С. А. Безобразов и коммерсант Н. К. Усатый. На этом съезде обсуждались вопросы: о необходимости открытия в г. Маньчжурия «Дома российских эмигрантов», организация докладов для населения, организация военно-инструкторских курсов для молодёжи, осуществление военно-воспитательной подготовки молодёжи, организация летнего лагеря и выпуск эмигрантского журнала. Съезд обсуждал вопросы распределения продуктов для мелких торговцев-эмигрантов, а также вопрос организации лиц, занимавшихся земледелием и скотоводством. «Киовакай» вместе с Японской военной миссией содействовали открытию в г. Маньчжурия «Дома российской эмиграции», который стал местом сосредоточения деятельности всех эмигрантских организаций. На съездах «Киовакай» постоянными делегатами были: начальник «Захинганского районного бюро по делам эмигрантов» А. П. Бакшеев, от г. Маньчжурия А. М. Заалов (до своего ареста в 1943 г.), после него – С. А. Безобразов, от Трёхречья – станичный атаман В. Л. Сергеев или его помощник Н. К. Зверев.

В городах и посёлках, где жили казаки под контролем БРЭМ и ЯМВ, действовали такие организации, как: «Антикоммунистический комитет г. Хайлара», «Дамские кружки», «Русские клубы», «Русские дома», «Российские сектора женской организации государственной обороны Маньчжоу-Го», «Русский отдел Союза сенокосчиков», «Охотничье общество», «Общество русского транспорта при БРЭМ», «Русский отдел союза автовладельцев», кружки изучения японского языка, кооперативы.

В городе Хайлара два раза в неделю издавалась газета «Захинганский Голос» – печатный орган «Захинганского районного бюро по делам российских эмигрантов». Газета распространялась практически во всех населённых пунктах. Один раз в месяц выходил журнал того же названия на русском языке. Также в г. Хайларе работала радиостанция, транслировавшая передачи на русском языке.

Очень важное место как в деятельности ЯМВ и БРЭМ, так и других подчинённых им организаций играла молодёжная политика. Все эти организации стремились втянуть эмигрантскую молодёжь и в том числе молодых казаков в политическую жизнь. Конечной целью этого привлечения молодёжи, как правило, было использование её в разведывательно-диверсионной и боевой деятельности против СССР. Ещё летом 1924 г. молодые казаки г. Харбина создали «Союз мушкетёров», который находился под покровительством князя Никиты Александровича (племянника Николая II). Во главе союза стоял В. С. Барышников. Основным направлением деятельности союза стало привлечение молодых казаков к службе в отрядах генералов Нечаева и Мыльникова, полковника Емлина и есаула Овечкина. В этих отрядах они приобретали навыки верховой езды, владения оружием, изучали методы ведения диверсионно-разведывательной работы на территории СССР. Многие из «мушкетёров» вступили в прояпонскую организацию «Сахэхуэй», которую возглавлял командующий Квантунской армией.

В 1934 г. на территории Северо-Восточного Китая возник Восточный отдел «Национальной организации русских разведчиков» (НОРР). Основная база и штаб «русских разведчиков» находились на станции Пограничная, где осуществлялась подготовка кадров для японских спецслужб из рядов эмигрантской, в том числе казачьей, молодёжи. НОРР сотрудничала с «Союзом казаков» во главе с генералом А. П. Бакшеевым и РФП во главе с К. В. Родзаевским. В целом руководство «Национальной организации русских разведчиков» придерживалось взглядов монархических кругов, выступавших за вооружённую интервенцию японских войск на территорию СССР. Кроме НОРРа в местах расселения казаков действовали Дальневосточный отдел «Национально-трудового Союза нового поколения» (НТСНП) и «Антикоммунистический союз российской дальневосточной молодёжи» (АСРДМ) [83, с. 77–78]. Также при «Союзе казаков» была создана молодёжная организация «Казачья смена», в которую входили казачата от 8 до 14 лет. При «Союзе» также были организованы двухгодичные военно-училищные курсы для подготовки комсостава из молодёжи.

Предметом особого внимания японцев, которые проводили свою политику через БРЭМ, было создание вооружённых охранных, полицейских, диверсионно-разведывательных и армейских формирований из эмигрантов, и прежде всего – казаков.

Заместитель начальника Японской военной миссии в г. Хайларе на собрании членов самоохраны отмечал: «Эта организация не должна являться только передаточным органом распоряжений государства, а должна стать активным органом, каждый районный и десятский которого обязан быть ответственным за протекающую жизнь своего района. Обязанность каждого районного, сотского и десятского заключается не только как передатчика распоряжений государства населению, но также и в наблюдении за жизнью населения, его настроения и состояния духа» [143, с. 329]. Из этих слов понятно, какую роль отводила Японская военная миссия отрядам самоохраны. Порядок работы этих отрядов, в частности в Хайларе, был таким. Город делился на четыре района, которые обслуживались 92 чинами руководства самоохраны (в 1942 г. их численность была сокращена до 49 человек). Должностные лица делились на три категории: начальники районов, сотские и десятские. Эти должности считались «почётными». Срок службы в самоохране устанавливался в один год. Начальники самоохраны находились в непосредственном ведении «Захинганского бюро» по делам эмигрантов и получали распоряжения только через его представителей. Все персональные назначения и замены начальников самоохраны проводило Бюро своим приказом. При этом каждый эмигрант был обязан безоговорочно давать необходимые сведения десятскому, тот – сотскому, сотский – районному начальнику, а тот в свою очередь – в Бюро. Службу в самоохране обязаны были нести все эмигранты без исключения и в определённые сроки.

Помимо органов самоохраны казаки принимали активное участие в деятельности местных полицейских органов. Например, в Департаменте полиции г. Маньчжурия работали: Виктор Большаков (полицейский), Григорий Степанович Крючковский (надзиратель), Алексей Некипелов (надзиратель), Николай Попов (помощник надзирателя), Григорий Прокопьевич Савин (помощник надзирателя), Виктор Черепанов (полицейский), Ирина Попова (служащая паспортного стола), Пётр Ермолин (шофёр), Анастасия Дроздова и Ирина Зверева (уборщицы). В железнодорожной полиции на станции Маньчжурия служили казаки Николай Роголёв (полицейский), Никита Ставицкий (старший полицейский), Серёдкин и др. Более того, в г. Хайларе имела специальная полицейская школа для русских эмигрантов. Этой школе были подведомственны две полицейские школы для китайцев и монголов в г. Маньчжурия. Школа в г.

Хайларе была в конце 1941 г. преобразована в «Конно-полицейский отряд», а в конце 1943 г. в «Конно-казачий полицейский отряд». «Конно-полицейским отрядом» командовал есаул Иван Александрович Пешков. В офицерском составе отряда числились: хорунжий Владимир Николаевич Потапов, хорунжий Константин Александрович Вологдин, прапорщик Гавриил Николаевич Чипизубов, прапорщик Николай Николаевич Бородин. Отряд был кавалерийским, личный состав был одет в полицейскую форму, на лошадях были казачьи сёдла, численный состав служащих не превышал 30 человек.

«Конно-казачий полицейский отряд» начал своё существование с октября 1943 г. после реорганизации «Конно-полицейского отряда». Командный состав отряда на тот момент был таким: есаул Иван Александрович Пешков – командир отряда, есаул Иван Игнатьевич Зыков – заместитель командира, хорунжий Владимир Николаевич Потапов – командир первого взвода, хорунжий Константин Александрович Вологдин – командир второго взвода, прапорщик Гурий Михайлович Черепанов – командир третьего взвода. Младший командный состав отряда: вахмистр Эдуард Петрович Брезин, вахмистр Юрий Поручиков, вахмистр Павел Иванович Переводчиков, урядник Александр Пешков, урядник Игнатий Иванович Овчинников. «Конно-казачий полицейский отряд» насчитывал около 150 человек. Рядовые были обмундированы в форму японской армии, но погоны и кокарды казачьи, офицеры носили казачью форму. Оружие – винтовки чехословацкого образца (без штыков), остальное оружие – японское. Отряд непосредственно подчинялся военному отделу Японской военной миссии в Хайларе (начальником этого отдела в 1943–1944 гг. был поручик Кобо). При этом в отряде ежедневно находились один или два японских офицера, которые часто менялись.

В конце октября 1943 г. при отряде были сформированы офицерские курсы, которые существовали до апреля 1944 г. На них обучалось 12 человек, которые в итоге были выпущены с производством в офицеры. Среди них были: Иван Андреев, Василий Воросов, Илья Лесков, Пётр Морозов, Кирилл Парыгин, Александр Успенский, Николай Чегодаев, Гурий Черепанов.

Первого января 1944 г. «Конно-казачий полицейский отряд» был переименован в «Русский воинский отряд в г. Хайларе», который имел назначение на случай войны с СССР действовать в советском тылу и проводить диверсионную работу. Однако стремитель-

ность разворачивающихся событий августа 1945 г. не дала использовать японцам это формирование в борьбе с советскими войсками.

В 1938 г. под руководством японского полковника Макомото Асано был создан ряд учебно-тренировочных центров для подготовки разведчиков и диверсантов (в районе посёлка Суну). В них проходили двухлетний курс подготовки молодые русские эмигранты, причём изначально туда отбирались преимущественно добровольцы из казаков и члены РФП. Но с 1942 г. молодёжь направлялась в эти отряды принудительно, общий контингент служащих в этих отрядах увеличился, а срок подготовки был сокращён до одного года. «Отряды Асано» стали основной базой разведывательно-диверсионной работы против Советского Союза, проводившейся Японской военной миссией. При этом если сначала использовалась тактика массовой заброски небольших диверсионно-разведывательных групп на советскую территорию, то с началом войны, практиковалась заброска хорошо подготовленных кадров для глубокого внедрения.

Из армейских образований казаки служили в «Захинганском отдельном корпусе», в задачи которого, помимо прочего, входило «дать строевую подготовку молодым, а старших побудить повторять пройденное в дни их прошлой службы» [147, с. 120]. Командовал «Захинганским отдельным корпусом» генерал-лейтенант А. П. Бакшеев, а начальником штаба был генерал-майор П. И. Блохин. В состав корпуса входили:

1) «Сводно-Хайларский полк» – командир полковник П. М. Портнягин, начальник штаба войсковой старшина А. В. Зимин, адъютант командира полка хорунжий В. С. Кобяков;

2) «Сводно-волонгёрский отряд в г. Манчжурия» – начальник военно-учебного отряда полковник А. М. Заалов (до ареста в конце 1943 г.), затем полковник С. А. Безобразов. В составе младших командиров были – фельдфебель Шарков, старший унтер-офицер Александр Калмыков, младший унтер-офицер Г. Х. Енгоев, младший унтер-офицер А. А. Деревцов, младший унтер-офицер М. Тертумасов, младший унтер-офицер Андрей Власов;

3) «Якэшинский сводно-казачий полк» – начальник Якэшинского Военного отдела полковник Пётр Леонтьевич Подгорбунский (он же командир полка), помощник по строевой части есаул Старицын, начальник штаба подполковник Пьянышев, адъютант командира прапорщик Кирпач. Командный состав полка – подъесаул С. И. Попов, есаул Аникьев, поручик Е. А. Тараторин, хорунжий Новиков;

4) «Сводно-волонтёрский отряд в Бухэду» – командир отряда есаул Козулин;

5) «Сводно-волонтёрский отряд в Чжаланьтуне» – заведующий военной подготовкой в посёлке Чжаланьтуне (Ялу) сотник Л. Властопуло, начальник района по военной подготовке есаул М. Новиков;

6) «Трёхреченский полк», который 23 октября 1942 г. был преобразован в «Отдельную Северо-Хинганскую бригаду» в составе одного конного и одного пехотного полков. Оба полка были пятисотенного состава. На укомплектование этих полков были призваны проживающие в посёлках Трёхречья казаки, годные к несению службы, а также казаки, состоящие в рядах Особого казачьего отряда в г. Хайларе и в отрядах Асано. Командиром бригады был полковник В. Л. Сергеев, начальником штаба войсковой старшина Семён Петрович Фирсов, командиром конно-казачьего полка войсковой старшина Иван Кузьмич Пинигин, командиром пехотного полка подполковник Стерехов [174, с. 121–122].

С одной стороны, можно сделать вывод, что представители казачьей эмиграции в массовом порядке принимали участие в создании эмигрантских антисоветских организаций и вооружённых формирований под эгидой Японской военной миссии. Многие казаки служили в охранных, полицейских, разведывательно-диверсионных и армейских частях, которые, по сути, подчинялись командованию Квантунской армии. Значительно было количество казаков и в командном составе эмигрантских формирований. Однако нельзя сказать, что все казаки-эмигранты смешивали свою антисоветскую настроенность с необходимостью действовать в рядах Японских вооружённых сил хоть против советской, но все-таки России. Также недовольство казаков вызывал тотальный контроль их жизни и притеснения (репрессии, допросы, принудительные переселения целыми посёлками) со стороны японских властей. Это недовольство выражалось как в саботаже разных мероприятий ЯМВ и БРЭМ, так и в открытой вооружённой борьбе с японцами. В частности, в 1935 г. поднялось антияпонское восстание в Трёхречье, которое было жестоко подавлено. Набирала силу и дальнейшая миграция россиян, в том числе казаков, из Китая в другие страны (Австралию, США, Канаду, Боливию и др.). Это говорит о том, что достаточно большая часть казаков (особенно рядовой состав), вынужденно проявляла лояльность, как к представителям Японской военной миссии, так и её ставленникам на местах, и вынужденно шла на

службу в японские и про японские военные структуры. Подобное положение вещей достаточно ярко проявится уже в ходе боевых действий между армиями СССР и Японии, когда за отказ поднять оружие против советских войск японцами был расстрелян из пулемётов Хайларский отряд казаков, а два других отряда были разоружены и расформированы.

Середина и конец 1941 г. прошли под знаком решительных мероприятий Главной японской военной миссии в г. Харбине. Эти мероприятия предусматривали объединение эмиграции в интересах японской разведки в период подготовки нападения Японии на СССР. Именно в это время Главная ЯВМ в г. Харбине категорически потребовала от российских эмигрантов прекратить партийные и групповые распри и объединиться вокруг «Главного бюро по делам российских эмигрантов» (ГБРЭМ) в г. Харбине, как единого эмигрантского центра, состоящего под контролем и руководством японской разведки. С середины 1941 г. стали прекращать свою независимую от БРЭМ деятельность такие организации, как «Монархическое объединение» и «Дальневосточный союз военных», а перед «Русским фашистским союзом» была поставлена дилемма либо полностью подчиниться распоряжениям ЯВМ, либо перестать существовать как эмигрантское политическое объединение. В 1942 г. РФС официально был распущен, но фактически его кадры были влиты в структуру БРЭМ.

В годы войны японцы ужесточили контроль над российской эмиграцией. Малейшее неповиновение, колебание в исполнении приказа, неосторожно вырвавшееся критическое замечание или просто подозрение в наличии сомнений в победе так называемого «нового порядка» влекло за собой немедленное отстранение от порученных обязанностей и арест. Например, в декабре 1943 г. был арестован бывший начальник «Бюро по делам российских эмигрантов» в г. Маньчжурия А. М. Заалов, который был ранее на отличном счету в Японской военной миссии. Ещё в апреле 1942 г. эмиграция города Маньчжурия в торжественной обстановке отметила юбилей пребывания А. М. Заалова на посту начальника местного БРЭМ. На торжество приехал заместитель начальника Хайларской ЯВМ полковник Таки, который на юбилейном собрании сказал: «Если я не ошибаюсь, на территории Манчжоу-Го таких опытных начальников Бюро, каким является А. М. Заалов, может найтись ещё один или два человека» [7, с. 102]. После ареста Заалова начальником БРЭМ

в г. Маньчжурия был назначен Сергей Анатольевич Безобразов, который до этого назначения занимал должность начальника культурно-просветительного отдела БРЭМ и директора русской школы, был активным членом «Российского фашистского союза».

В конце 1943 г. японское командование через «Главное бюро по делам российских эмигрантов» (в г. Харбине) ввело обязательную воинскую повинность для всех эмигрантов в «Русских воинских отрядах» (бывшие подразделения эмигрантов под командованием японского полковника Асано). Первого декабря 1943 г. начальник ГБРЭМ в г. Харбине Л. Ф. Власьевский публично заявил: «Государственные власти проявили акт наивысшего доверия к российским эмигрантам, предоставив возможность получать эмигрантской молодёжи военную подготовку, участвуя в обороне Маньчжоу-Го и получать эту подготовку в полном соответствии с идеалами российской эмиграции. На основании этого Главное бюро приступило к развитию деятельности Сунгарийского, Ханьдаохэцзунского и Хайларского русских воинских отрядов» [7, с. 102–103]. Эти формирования действовали на следующих принципах: 1) отряды являлись базой воинской подготовки российской эмигрантской молодёжи; 2) командный и рядовой состав полностью формировался из российских эмигрантов; 3) срок подготовки был определён в полтора года; 4) отличительным знаком отрядов являлся значок установленной формы.

Первого января 1944 г. «Конно-казачий полицейский отряд» был переименован в «Русский воинский отряд в г. Хайларе». Отряд имел назначение на случай войны с СССР действовать в советском тылу и проводить диверсионно-подрывную работу. Однако это формирование не участвовало в боях против Красной армии ни на фронте, ни против Советской власти в тылу, поскольку в августе 1945 г. японцы расстреляли многих рядовых и офицеров отряда. Более того, японцы, опасаясь, что «русские отряды» могут повернуть оружие против них при наступлении Красной армии, ещё до начала военных действий (в июле 1945 г.) преобразовали достаточно большую часть из них в трудовые дружины и разоружили. Поводом к этому мог послужить бунт в одной из школ ЯВМ в пограничье, когда курсанты с боем прорвались на советскую сторону. Вообще же, реальная численность воинских казачьих подразделений не превышала 1 500 человек, причём, как уже отмечалось, они, как правило, не принимали участия в боевых столкновениях с РККА, а

часть их была расстреляна самими японцами. И это было не случайным. В начале 1945 г. Управление НКВД по Читинской области сделало вывод на основе разведывательных сведений, что «до 90 процентов эмигрантов не поддерживают немцев». В другом разведывательном материале говорилось: «Эмигрантская молодёжь, в связи с насильственным призывом её в белоэмигрантские формирования, выражает большое недовольство японцами. Молодые белоэмигранты говорят, что пусть японцы не думают, что если молодёжь принуждается сейчас служить для японцев, то это совпадает с её желаниями» и далее «Наоборот, молодёжь обозлена этим насильственным призывом и в случае войны не станет класть свои головы в угоду японцам. Большинство эмигрантов слушают советское радио и, слыша о победах Красной армии, радуются, что русские бьют немцев» [7, с. 104]. Подобный естественный патриотизм российской эмиграции подогревался и деятельностью советских спецслужб. Для читинских и хабаровских органов разведки и контрразведки задача по разложению эмигрантских воинских подразделений (особенно «отрядов Асано») была одной из приоритетных.

Можно сделать вывод, что политическая (в том числе – военно-политическая) деятельность казачьей эмиграции в Китае и особенно Маньчжурии протекала в рамках двух периодов: 1920–1931 гг. – до японской оккупации, и 1932–1945 гг. – в условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая. В ходе первого периода были созданы «Казачьи союзы» и другие политические организации, в которых активно действовали представители зарубежного казачества. Эта деятельность была относительно свободной, распространялась на разные стороны жизни и выражалась в создании и участии в деятельности разных эмигрантских идейных движений и политических организаций. Благодаря своей войсковой сплочённости и военно-станичному укладу жизни, казаки играли существенную роль в организации политической жизни русской эмиграции. Поэтому они во многом были консолидирующей военно-политической силой всей российской эмиграции в Китае.

Характер политической деятельности казаков, с некоторыми оговорками, можно назвать антисоветским. Это естественно, если учесть характер предшествующих событий и их положение на чужой территории. При этом эта деятельность нередко носила военный характер, чему способствовало то, что ещё до прихода японцев под рукой эмигрантских атаманов уже были боеспособные казачьи подразделения.

С приходом японцев начался новый период в политической и военно-политической жизни российской эмиграции в Маньчжурии. Японская военная миссия рассматривала эмигрантов, с одной стороны, как угрозу своему тылу, а с другой – как активный резерв своей военной политики по отношению к СССР. Поэтому, с одной стороны, японцами были установлены условия тотального контроля над жизнью русской эмиграции, а с другой – развёрнута активная работа по её политической консолидации (на базе антибольшевизма) и использованию в разведывательно-диверсионных и военных целях. При этом особую роль японцы отводили прежде всего казачеству (наряду с белым офицерством), так как оно оказалось самой консолидированной, политически-организованной и боеспособной силой в российской эмиграции Китая. Поэтому можно сказать, что казаки выступили консолидирующей политической силой российской эмиграции в Китае и особенно в Маньчжурии как в дояпонский период, так и, особенно, в период японской оккупации.

3.2. КАЗАЧЕСТВО И КУЛЬТУРА РУССКОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Представителями казачьей эмиграции в Китае велась достаточно активная культурная жизнь, которая, с одной стороны, была частью культуры всей русской диаспоры, а с другой – выделялась на фоне культурной жизни других групп анклава большей активностью. Последнему, кроме прочего, способствовали: наличие вековой традиционной казачьей культуры, традиционная сплочённость казачества как специфической группы населения, а также наличие мощной войсковой централизации, регулирующей не только военно-политические, но и культурные вопросы жизни казаков (особенно в 1930-х – первой половине 1940-х гг.).

Перемещённые в достаточно небольшой период времени в иную географическую, государственную, национальную, конфессиональную, языковую и культурную среду, казаки, как и другие российские эмигранты, оказались перед необходимостью социокультурной адаптации. Вписывая себя в исторически сложившиеся новые системные отношения, русские эмигранты в Китае, с одной стороны, могли опереться на давно проживающих здесь соотечест-

венников (коммерсантов, служащих, крестьян и др.), хорошо знающих местный язык, нравы и обычаи, а также хорошо знакомых с системой работы местной администрации. Но, с другой стороны, русские в Китае не могли рассчитывать на помощь местной администрации и местного коренного населения (как-то было в некоторых странах Европы) в силу их недоверчивого и часто агрессивного отношения. Поэтому переселенцам приходилось рассчитывать только на себя и на своих собратьев, т. е. на внутренний ресурс эмигрантской общины. А это, в свою очередь, в значительной мере повышало роль таких объединяющих факторов, как язык и культура. Если на родине язык воспринимался как средство общения, то в новых исторических условиях – как неотъемлемая часть самоидентификации и сплочения группы как стратегии выживания. Любое проявление национальной культуры оценивалось уже не как обыденное явление быта, а как ценность, определяющая твою принадлежность к нации и находящаяся под угрозой исчезновения. Поэтому наряду с «разбазариванием» и забыванием культурных ценностей в сложный период одними представителями эмиграции, другими же параллельно велась активная работа по собиранию, изучению, публикации и развитию явлений культуры принесённых с Родины.

Вторым по важности вопросом (после решения задач социально-экономического плана: пропитание, жильё, работа), который стремились решить казаки в эмиграции, было обустройство духовной жизни. А так как основу духовной жизни казаков составляло Русское православие, то необходимой задачей была организация отправления православного культа. С одной стороны, возведение культовых сооружений в столь сложное время можно смело назвать духовным подвигом народа, а с другой, и это факт, организация православных приходов была настоятельной потребностью для русского эмигрантского населения. Храм играл объединяющую, консолидирующую роль, что сказывалось во всех сферах жизни, а кроме того, не секрет, что потребность в религии значительно возрастает в критические моменты истории обществ и их групп. Храм выполнял умиротворяющую функцию в жизни сообщества людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Поэтому русские поселенцы стремились побыстрее обзавестись молельным домом, часовней или церковью.

Надо сказать, что при всех тяготах существования, казаки были в более выгодном положении при организации приходов. Благодаря консолидации и целенаправленному использованию войсковой

казны, они могли аккумулировать достаточно большие (для тех условий) суммы денег на общественно-полезные нужды (какими были постройка храмов и содержание священства). Поэтому большая часть православных храмов, построенных на территории проживания эмигрантского населения, была создана и содержалась казаками. Общее количество «казачьих» церквей доходило до нескольких десятков. При этом их прихожанами часто были не только казаки, но и представители других групп эмиграции, особенно в крупных населённых пунктах со «смешанным» населением. Например, в административном центре Трёхречья – Драгоценке (Найлумту) казаками был построен Кафедральный собор (настоятелем и благочинным церковью был о. П. Маковеев); в посёлке Караганы – Молитвенный дом пророка Божия Или; в посёлке Попирай – церковь Покрова Пресвятой Богородицы; в ст. Ключевой – церковь Казанской Божией Матери (настоятель о. С. Сушко); в ст. Дубовой – церковь святителя и Чудотворца Николая; в пос. Верх-Урга – церковь Михаила Архангела (настоятель иеромонах о. Г. Шатилов); в Усть-Урге – церковь Рождества Пресвятой Богородицы; в Верх-Кули – церковь Покрова Пресвятой Богородицы (настоятель о. М. Поникаровский) и старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы (настоятель протоирей о. И. Шадрин); в Покровке – церковь Казанской Божией Матери и старообрядческая – Покрова Пресвятой Богородицы; в Челотуе – церковь Успения Пресвятой Богородицы (настоятель о. Г. Ланской); в пос. Солонечном – мужской монастырь Владимирской Божией Матери (на реке Ган) [151, с. 193–194].

В г. Маньчжурия имелось три православных церкви: Иннокентьевская (до марта 1944 г. настоятелем был о. Ф. Боголюбов, потом о. Н. Киклович, председателем приходского совета – А. М. Третьяков); Казанско-Богородская (настоятель о. Ф. Рафалович, церковный староста Ф. Н. Исаков); Серафимовская (настоятель о. Ф. Рафалович, церковный староста А. Ф. Белокрылова). На станции Чжалайнор была Михайло-Архангельская церковь в посёлке Чжалайнор-копи – Пророко-Ильинская с настоятелем в обеих церквях иеромонахом Павлом (Афанасьевым). В его же ведении находились на станции Цаган – Казанско-Богородская церковь и часовня на станции Хорхонта. Целый ряд «казачьих» церквей был в Хайларе и Харбине. И как писал один казачий автор в начале 40-х годов: «В посёлках и выселках, в которых в настоящее время хотя ещё и не имеется храмов, тем не менее справляются престольные праздники; церков-

ные службы исполняются в честь святых, почитаемых небесными покровителями этих посёлков» [151, с. 194].

Источников священства для построенных храмов было два. Их могла поставить Пекинская духовная миссия Русской православной церкви (как это было в Иннокентьевской церкви г. Маньчжурия), либо это были священники, эмигрировавшие вместе с другими слоями российского общества. Ввиду исторических условий вторых было гораздо больше, но распределялись они неравномерно. Если в относительно состоятельном Трёхречье священниками было обеспечено большинство церквей, то в г. Маньчжурия и прилегающих станциях один священник окормлял до 4 приходов.

Председателями приходских советов чаще всего были состоятельные и уважаемые люди (как А. М. Третьяков в Иннокентьевской церкви г. Маньчжурия), что могло служить не только духовной, но и хозяйственной консолидации прихода.

Показательно, что в казачьих поселениях строились и старообрядческие храмы (как церковь Успения Пресвятой Богородицы в пос. Верх-Кули и церковь покровы Пресвятой Богородицы в пос. Покровка). Более того, второй пример показателен ещё и тем, что именно старообрядческая церковь, а не имеющаяся рядом православная – Казанская, дала название всему населённому пункту. Это говорит о вовлечённости части казачества в старообрядчество (как до эмиграции, так и после) и лишний раз проявляет неоднородность такого явления истории, как казачество.

Насущными для казаков-эмигрантов были и вопросы призрения нуждающихся. И это понятно, если учесть условия, в которых оказались люди на чужбине. Благотворительные учреждения функционировали, как правило, в крупных населённых пунктах. Например, в г. Маньчжурия существовали «Приют им. Епископа Ионы», в котором помещалось 11 детей и Богадельня для престарелых, где жило 11 человек (данные начала 1930-х гг.). В то же время «существенную поддержку зарубежному казачеству оказывало Харбинское Особое совещание Российского общества Красного Креста» [83, с. 48]. А наиболее крупной общественной организацией в Маньчжурии, «координировавшей деятельность многих благотворительных учреждений был Харбинский комитет помощи русским беженцам».

Одной из важнейших проблем культурного строительства казаков в Маньчжурии стала организация образования подрастающего поколения. В решении этой проблемы большую роль играла ка-

зачь администрация. В станицах, посёлках, городах открывались школы, училища, курсы. Самым массовым образовательным учреждением была начальная школа для детей. Несмотря на все трудности, уже в 1930-е гг. практически каждый крупный казачий населённый пункт имел свою школу. В частности, в русской школе г. Маньчжурия обучалось до ста учеников, многие из которых были из казачьих семей. В этой школе работало 8 преподавателей (А. Н. Кузнецов, А. А. Деревцов, В. В. Вдовкин и др.) В посёлке Хунхульди имелась эмигрантская школа, в которой, наряду с другими, обучались дети казаков. Школой заведывала М. В. Плясунова. Характерно, что при этом учебном заведении функционировал родительский комитет, председателем которого был Н. Ф. Шеломенцев, а его заместителем – Г. С. Подойницын. Последнее говорит о включённости родителей в образовательный процесс, что, кроме прочего, было продиктовано сложностями в организации учебных заведений. Например, в школе казачьего посёлка Павловское, состоявшего из 20 дворов, в 1944 г. обучалось 20 детей. Заведовал этой школой П. С. Шестаков. И это достаточно показательно. Как описывал образовательную ситуацию в казачьих посёлках Трёхречья, один современник: «В каждом посёлке имеются народные училища, в некоторых – повышенные» [151, с. 194]. И действительно, отношение казаков к образованию подрастающего поколения было серьёзным. В той же Драгоценке (административном центре Трёхречья) в 1942 г. было построено большое здание Повышенного народного училища, существующего до этого.

Ещё 28 февраля 1920 г. в Харбине были открыты Высшие экономико-юридические курсы, также в Харбине действовал Русско-китайский техникум и ряд других учебных заведений русской эмиграции, в которых вместе с другими учились и казаки.

И хотя казачьи учебные заведения и, прежде всего, военные училища «действовали в основном в славянских странах» [143, с. 272], тем не менее, и в Китае эта сфера образования успешно развивалась. Эмигрантские военные училища в Китае возникли уже в 1920-е гг. и имели своеобразный вектор развития». Кроме обучения российских эмигрантов, в том числе казаков, они также осуществляли воинскую подготовку китайских военных и нередко принимали участие во внутри китайских вооружённых конфликтах.

Российское казачество в эмиграции стремилось сохранить такие казачьи традиции, как военно-техническое обучение, физическая подготовка молодежи, чествование заслуженных казаков – георгиевских кавалеров и т. п., т. е. все то, что называется военно-патриотическим воспитанием. Характерно в этом отношении постановление правления Казачьего союза в Шанхае от 9 июня 1929 г.: «Обратить серьезное внимание на подрастающих казачат и принял все возможные меры к воспитанию их в духе славных прошлых традиций; с этой целью организовать специальный спортивный отдел:

- а) обучение верховой езде и элементарному правилу вольтижировки;
- б) обучение стрельбе, хотя бы из духовых ружей, если не удастся получить разрешение на покупку малокалиберных огнестрельных;
- в) обучение владению пикой и шашкой;
- г) гимнастические упражнения и военные игры;
- д) по мере подготовки организовать состязания с выдачей призов победителям и их родителям» [143, с. 277–278].

Одной из важнейших сторон культурной жизни казачьей эмиграции и средством её влияния на культуру всей русской диаспоры была периодическая печать. Сам факт появления эмигрантских журналистских коллективов, издательских центров и типографий говорит, во-первых, о достижении определённых положительных результатов в экономическом и культурном развитии переселенческого сообщества, а во-вторых, об осознанной необходимости в собственной периодике. И не случайно, ведь именно пресса во многом создаёт и поддерживает единое информационное и интеллектуальное поле, особенно в суровых условиях эмиграции, когда каждое печатное слово на родном языке воспринималось по-особому.

Надо сказать, что организация казачьих изданий сталкивалась с целым рядом как экономических, так и политических трудностей. Поэтому многие издания, которые планировались как периодические, выходили в свет всего один или несколько раз.

В пределах Северо-Восточного Китая регулярно выходила одна казачья еженедельная газета. Это «Казачья жизнь», появившаяся в 1936 г., вдали от крупных населённых пунктов Маньчжурии – в Трёхречье, в селении Драгоценка, в центре целой группы казачьих посёлков. В этой газете размещались статьи, как о событиях местной жизни, так и сведения о мировых событиях и даже статьи беллетристического характера. Также освещались экономические, по-

лемические, хозяйственные, культурные проблемы казачьей эмиграции. Эта газета выходила в 1936, 1940 и 1942 гг. Иногда «казачья периодика» реализовывалась в форме вкладных страниц в «неказачьих» газетах. Так, в газете «Наш путь», издававшейся в Харбине в 1937 г., имелись страницы с заголовком «Казачьи думы» и содержащие статьи по казачьей тематике.

Большое распространение в казачьей среде получили «однодневные» газеты, которые выпускались в тех случаях, когда надо было отметить печатным словом или праздник казачьей организации, или юбилей войска. Первой однодневной казачьей газетой, появившейся в Маньчжурии, был «Сибирский казак», вышедший в день войскового праздника Сибирского казачьего войска – в Николин день, 19 декабря 1929 г. Следующий выход этой газеты был через год, в Николин день 1930 г. В этот же день, 19 декабря 1930 г., появился вкладной лист под заголовком «День сибирского казака» в харбинской газете «Русское слово» за № 1441. В 1931–1933 гг. «Сибирский казак» выходил в свет в день войска. Но с 1934 г. он выходит перестал и в этот день стали выходить только вкладные листки в газетах общего характера (в частности «Русское слово», «Заря», «Голос эмигрантов», «Харбинское время») [134, с. 172].

Среди однодневных казачьих газет, выходивших к какому-либо знаменательному дню, были также: «Амурский казак», «Забайкальский казак», «Оренбургский казак», «Казачий клич», «Дальневосточный казак», «Голос крестьянина и казака». Центральной темой однодневных газет было празднование дня войска, при этом особое внимание в статьях уделялось его истории и былым заслугам перед отечеством. Нередко именно на страницах этих изданий наряду с объединительными, звучали реваншистские ноты, что, впрочем, было естественно.

К периодическим казачьим журнальным изданиям может быть отнесено издание «Россия и казачество», первый номер которого вышел в сентябре 1933 г. Оно планировалось как ежемесячное, но фактически, за три года существования вышло только 10 номеров. Другие журнальные издания редко выдерживали более одного издания. К таковым относятся: «Казачество в Азии», «Дальневосточный казак», «Казачий клич», «Атаманский клич», «Казачий набат», «Казачий путь», «Зарубежное казачество», «Зарубежный казак». Все вышеперечисленные журналы освещали общеказачью проблематику. Они издавались либо в Харбине, либо в Хайларе и, как правило,

имели тираж в пределах 1000–1500 экземпляров. Журналами, посвящёнными одному или нескольким казачьим войскам, были: «Иркутский казак», «Сибирский казак», «Оренбургский казак», «Дальневосточное казачество», «Енисейские казаки», «Жёлтый лампас». Если первая группа журналов была издана общеказачьей организацией («Союзом казаков») и обслуживала интересы и нужды всех имеющихся в Маньчжурии казаков, то журналы второй группы выходили по инициативе или представительству отдельных казачьих войск. По числу выпусков на первом месте стоит «Союз Казаков на Дальнем Востоке», позднее переименованный в «Союз Казаков в Восточной Азии». По-видимому, тут сыграло роль и влияние Японской военной миссии, которая стремилась через этот союз не только контролировать прессу, но и посредством прессы контролировать общественное мнение в эмигрантской среде.

В целом количество и содержание казачьей периодики и единовременных изданий говорит о достаточно активной политической и культурной жизни казаков на территории Северо-Восточного Китая. Наряду со статьями по хозяйственно-экономическим проблемам и коммерческой рекламой, в определённой мере характеризующих экономическую жизнь эмиграции, в газетах и журналах размещались статьи по истории казачества, предпринимался анализ недавних событий Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, исхода и расселения на новых территориях, а позднее и проблемы Второй мировой войны. Достаточно активно обсуждались вопросы политического бытия и будущего как казачества, так и эмиграции в целом. Краеугольным камнем статей нередко был вопрос о месте казачества в бывшей и будущей России и то, как следует относиться к Советской России. Нередко поднимались вопросы о возможностях возвращения в Россию. Кроме того, определённое место в казачьих изданиях занимали вопросы культуры и образования. То есть казачьи издания, с одной стороны, отражая характер развития жизни казачьей эмиграции (и выражая характер саморефлексии казачества на чужбине), с другой стороны, направляли и усиливали это развитие, во многом помогая консолидации и развитию всей русской диаспоры Северо-Восточного Китая. Этим же целям служила и радиостанция в г. Хайларе, которая вела передачи на русском языке.

Очень важной стороной культурной жизни казачьей (как и всей русской) эмиграции была литературная и издательская дея-

тельность. Несмотря на сложности «беженского» положения, бывшие подданные Российской империи, в том числе и казаки, создавали литературные произведения и, более того, умудрялись их публиковать и распространять. Скажем больше, анализ эмигрантской литературы говорит о достаточно активной творческой жизни на чужбине. Эмигранты не только активно писали, но и обсуждали, рецензировали, спорили на страницах своих изданий. Подобную активность во многом можно объяснить яркостью впечатлений от пережитого. Являясь современниками великих перемен, пострадав от них и продолжая быть их заложниками, российские эмигранты часто были не в силах сдерживать подобную психоэмоциональную нагрузку и выплёскивали пережитое на бумагу. А так как читающая масса пережила то же самое, что и авторы, эта литература принималась и понималась.

В Северо-Восточном Китае центром литературной жизни был Харбин. Именно здесь издавалась основная масса литературных произведений и в том числе авторов-казаков. Наиболее активно творили и издавали в Маньчжурии такие писатели и поэты, как: Н. А. Байков, Б. Березовский, В. С. Логинов, П. Волгин, М. И. Борисов, И. Н. Волков, М. В. Волкова, С. И. Гусев-Оренбургский, Г. В. Енборисов, М. И. Колосова, А. Ачаир. Последний автор был своеобразной «литературной звездой» эмигрантской Маньчжурии. Алексей Ачаир (А. А. Грызов, 1896–1960) родился в станице Ачаир Сибирского казачьего войска, окончил кадетский корпус и Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, был казачьим офицером. В 1922 г. поселился в Харбине, где занимался педагогической и литературной деятельностью, был секретарём Христианского союза молодёжных лиг. Взяв себе литературный псевдоним по названию родной станицы, А. Ачаир публиковал свои стихи во многих харбинских журналах и газетах. По его инициативе было создано литературное объединение «Молодая Чураевка», которое сотрудничало с созданным в Париже Н. Н. Туровёровым «Кружком казаков-литераторов». В тридцатые годы объединение издавало свою ежемесячную газету «Чураевка», которую редактировал В. Перелешин. В ней публиковались стихи и рассказы молодых литераторов. Педагог и поэт старшего поколения Алексей Ачаир был основателем и вдохновителем этого объединения (см. прил. 2).

Впечатляет жанровое многообразие произведений казачьих авторов: повести, рассказы, мемуары, романы, новеллы, пьесы, стихи,

поэмы и др. Прежде всего казаков-эмигрантов занимали сюжеты пережитых событий, современного состояния вещей, перспектив развития и, что особенно важно для нас – своего места во всех этих процессах. По большому счёту большую часть эмигрантской (в том числе казачьей) литературы можно назвать проявлением саморефлексии людей, волею судьбы и истории оторванных от Родины и заброшенных в инокультурную среду. Здесь и воспоминания повседневной (бытовой) истории дореволюционной России и Сибири, как у М. И. Борисова, и яркие описания смутных дней революции и Гражданской войны как в книгах Г. В. Енборисова. Здесь же переживания о судьбах оставленной Родины, как в стихах М. В. Волковой и М. И. Колосовой, пьесах С. И. Гусева-Оренбургского, и отражение жизни российских людей на новом месте как в творчестве Н. А. Байкова, В. С. Логинова, Б. Березовского и др. Особый интерес представляют произведения последней группы авторов, ибо именно в них нашло своё яркое отражение самовосприятие эмигранта на чужбине, восприятие принимающего общества, русской диаспоры и места казачества в ней. В целом эти авторы достаточно высоко оценивали роль казаков, казачьего духа, казачьего уклада и казачьих организаций в жизни русской общины Маньчжурии.

Неотъемлемым элементом культурной жизни казачества в Китае была организация и проведение казачьих выставок. Подобные выставки проводившиеся, в частности, в Харбине презентовали разные стороны хозяйственной, военно-политической и культурной жизни казачества на новой территории. При этом подобные мероприятия можно скорее расценить как явление внутренней жизни русской диаспоры, играющее роль экономического, политического и культурного сплочения эмигрантов, и в частности казаков. Выставка, как явление культурной жизни играла важную идентификационную и самоидентификационную роль в инонациональной, иноконфессиональной и инокультурной среде. В ходе этого мероприятия издавался «Вестник казачьей выставки», в котором находили отражение современное состояние дел в эмиграции, проблемы перспектив развития и другие не менее важные вопросы. Как правило, подобный «вестник» выпускался в издании одного из крупных военно-политических объединений казачьей эмиграции (например – «Представительством союза казаков в Восточной Азии»). В последнем моменте, наряду с прочим, проявлялся контроль япон-

цев над культурной жизнью казаков через подчинённые им казачьи организации.

Одной из форм культурной жизни казачьего населения Маньчжурии были разнообразные «кружки» и «эмигрантские дома». Подобные общественно-культурные объединения складывались либо стихийно, при участии культурно-активных представителей эмигрантского населения, либо под прямым влиянием администрации (как это часто было в 1932–1945 гг. – во время японской оккупации Маньчжурии). Количество и разнообразие «кружков», как правило, зависели от плотности и характера эмигрантского населения. Чаще всего они были литературными, музыкальными, военными, детскими, молодёжными. Наибольшее их количество было в Харбине, хотя и в других населённых пунктах подобные кружки активно работали. В частности, в г. Хайларе был «Дамский кружок», который вёл работу по хозяйственной части при устройстве собраний, вечеров и т. п., а также принимал участие в благотворительной деятельности. Председательницей кружка была М. И. Блохина, вице-председательницей – А. В. Пляскина, секретарём – Л. А. Кашинцева, казначеем – А. С. Садлуцкая, членами ревизионной комиссии – Н. М. Михайлова, У. И. Мациевская, А. П. Чижова. Также в Хайларе был «Кружок русской молодёжи», председателем которого был И. Н. Клепачёв, вице-председателем – Г. В. Садиков, секретарём – В. Л. Яковлев. В этом кружке было два отдела: спортивный, которым заведовал Н. И. Крамник, и культурно-просветительный, руководитель – Л. Сафронова [32. Л. 1]. Имелся «Кружок молодёжи» и в посёлке Хунхульди. Его председательницей была С. Н. Васильева, её замом – Е. Н. Егоров. Там же был и «Дамский кружок», который возглавляла Н. Г. Окладникова [32. Л. 1]. Достаточно активный «Дамский кружок» был в г. Маньчжурия. Надо сказать, что «дамские» и «молодёжные» кружки были самыми распространёнными в среде казачества, ибо взрослое мужское население, как правило, принимало участие в военно-политических казачьих объединениях, а не в кружках. И, тем не менее, кружки играли достаточно большую роль, особенно в вопросе привлечения казачьей молодёжи в активную политическую жизнь.

Примером вмешательства японской оккупационной администрации в культурную жизнь русской (в том числе казачьей) эмиграции, может служить открытие 15 июля 1942 г. «Дома российской эмиграции» на Второй улице г. Маньчжурия. Сначала под контро-

лем японской администрации и при активном участии казаков было отремонтировано здание (на ремонт было потрачено более 5 тыс. гоби). Потом туда «под одну крышу» были сведены: правление казачьей станицы, отдел молодёжи, кружок по изучению японского языка, женский кружок. Председателем правления «Дома» был С. А. Безобразов [32. Л. 2]. С одной стороны, подобная централизация помогала развивать культурную жизнь казаков. Но с другой – она служила упрощению контроля и направления культурной (да и политической) жизни российской эмиграции. Держа руку на пульсе общеэмигрантской и казачьей культурной и политической жизни, японцы стремились направлять её в нужное им русло. Стремясь использовать эмиграцию против СССР, они уделяли серьёзное внимание казачеству и, особенно, казачьей молодёжи. Из подрастающих казаков японская администрация стремилась воспитать надёжных диверсантов и разведчиков, способных успешно работать на территории СССР. Таким образом, стремясь тотально контролировать культурно-политическую жизнь казачества, японцы, одновременно делали всё, чтобы привлечь казачью молодёжь в свои разведшколы. Именно поэтому, собирая разные культурные кружки «под одной крышей» с казачьим правлением, они создают здесь и школу японского языка, ставшую, по сути, вербовочным пунктом и филиалом разведшколы.

Мировую известность казакам-эмигрантам принесла деятельность, созданных в эмиграции музыкальных хоров. Это помогло сохранить и развить традиции музыкального и хорового искусства казачества, а также неплохо зарабатывать, что было весьма насущным в эмигрантских условиях. Конечно, до всемирной славы «Донского имени ат. М. Платова казачьего хора» или «Донского казачьего хора» С. А. Жарова, созданных в западной части эмиграции, шанхайским и харбинским казакам было трудно дотянуться, но, тем не менее, свои казачьи музыкальные коллективы были и в восточной ветви эмиграции.

Огромное впечатление на всю русскую эмиграцию и на иностранцев в Шанхае произвел, например, казачий бал 31 мая 1929 г., устроенный Казачьим союзом в отеле «Мажестик». Местная русская пресса об этом бале и выступлении казачьего хора писала: «Казачьи песни в третьем отделении, исполненные хором в 70 человек под управлением Ф. Я. Астраханского и Агафонова, вызвали шумные аплодисменты. Из всех песен самое большое впечатление произведе-

ли: “Ермак”, “За Уралом за рекой”, и плясовая песня “В огороде”. Весь хор в форме производил внушительное впечатление. Чувствовалась в песнях безудержная мощь и сила. Такого казачьего хора Шанхай еще не слышал. В финальных казачьих песнях и танцах выступали г-жа Г. Занд, Шура Степанова, В. Воробьева и г. Карганов» [143, с. 286–287].

Немного позже, в 1935 г., свой хор появился у харбинских казаков. Его созданию предшествовал рапорт есаула Эпова начальнику Союза казаков на Дальнем Востоке Бакшееву от 22 октября 1935 г. Помимо всего прочего, начальник штаба Союза писал: «...Подготовка, быть может, в недалеком будущем к свойственной более всего казачеству походной и боевой жизни, настоятельно диктуют штабу Союза организовать при нем свой собственный казачий хор. Прошу разрешения» [32, с. 8]. На создание хора было получено одобрение, и первый концерт коллектив дал уже 30 октября 1935 г., исполнив русские казачьи и военные песни. Небывалый успех и солидная денежная выручка ободрили казаков, и коллектив просуществовал достаточно продолжительное время, выступая с концертами не только в Харбине, но и в других районах Китая.

Можно сделать вывод, что культура играла объединяющую роль и помогала выжить представителям эмиграции. Однако нельзя забывать и того, что состав эмиграции был неоднороден, неоднородна была и культура (в основе своей русская), разным было и отношение к ней. С большой долей условности культуру русской эмиграции можно разделить на общественную и бытовую. В сохранении и развитии первой большую роль играла интеллигенция (в том числе казачья), в сохранении второй – казачество и крестьянство. Наиболее устойчивыми в плане сохранения народной культуры оказались такие группы, как крестьяне и казаки. Как писал один современник об одном из основных мест расселения казаков: «Трёхречье – это Россия за рубежом. Русский быт. Патриархальный русский уклад» [151, с. 192–195]. Прежде всего, это объясняется традиционностью мировоззрения, связанного с хозяйством и укладом жизни. В то же время казаки были традиционно более организованы, чем крестьяне, и в силу своего уклада жизни больше, нежели крестьяне, ориентированы на культуру общественную. То есть казаки в эмиграции продолжали сохранять свою традиционную бытовую культуру и развивали культуру общественную. (В отличие от крестьянства, ориентированного на сохранение и развитие прежде

всего традиционной бытовой культуры, и в отличие от интеллигенции, ориентированной прежде всего на развитие культуры общественной.) Кроме того, благодаря казачьей войсковой и общественной организации им было проще строить церкви, организовывать школы, издавать периодику и т. д. Таким образом, казачество, благодаря своей консолидированности и культурным традициям во многом было мобилизующим фактором в культурном строительстве русской эмиграции и выступало силой, сохраняющей и развивающей как народно-бытовую, так и общественную культуру русского зарубежья.

Поэтому заметное место в культурной жизни русской диаспоры Китая казаки заняли не случайно. Во многом этому способствовали: наличие сильной традиционной народной культуры, заинтересованность в светской общественной культуре образованных представителей казачества, а также традиции войскового и станичного регулирования культурной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская эмиграция в Китай явила исторический пример массового переселения достаточно большой группы людей на территорию другого государства и их адаптации в иных географических, политических, экономических, культурных, национальных условиях. Исторически сложившаяся, в силу ряда причин задолго до революционных событий в России (нелегальная золотодобыча русских старателей в Барге, самовольные переходы забайкальскими казаками русско-китайской границы и основание ими поселений в междуречье Аргуни и Амура, наконец, постройка и эксплуатация КВЖД как совместного российско-китайского предприятия), русская диаспора Китая резко увеличилась во много раз за счёт массовой эмиграции, связанной с разгромом белых армий в гражданской войне. Российская казачья эмиграция в основном была представлена в Маньчжурии (большой частью), Северном Китае (Гяньцзинь и Синьцзян) и Шанхае.

Казачество, будучи неотъемлемой частью русской эмиграции, было неоднородным и по социальному составу, и по этноконфессиональной принадлежности, и по принадлежности к казачьим войскам. Но при всём многообразии зарубежного казачества, оно имело черты, определившие специфику этой группы эмигрантов и позволившие ей не только сохраниться, но и оказать определённое влияние на жизнь всей русской диаспоры Китая в 1920–1945 гг.

Основу специфики казачьей эмиграции в Китае составили станичные и войсковые традиции управления общественной жизнью и традиционная казачья культура. Эти традиции помогли казакам консолидироваться на разных уровнях и с минимальными потерями пройти адаптационный период в эмиграции. И действительно, казакам, большинство из которых были сибиряками, и ушло в эмиграцию с семьями, было гораздо проще обустроить своё хозяйство, чем, например, белому офицерству, солдатам или интеллигенции. Более того, объединяясь по земляческо-войсковому принципу, казаки сообща могли успешнее решать проблемы хозяйственно-экономического, политического или культурного плана.

Казаки, в большинстве своём, опираясь на казачьи традиции станичного и войскового управления, с одной стороны, и на веко-

вые казачьи сельскохозяйственные и коммерческие традиции – с другой, успешно адаптировались в суровых условиях китайской действительности и создали свою экономическую инфраструктуру. Специфика казачьей общественной жизни позволила им теснее консолидироваться, что защищало их от ассимиляции и позволяло результативнее заниматься хозяйственно-экономической деятельностью. Обустроив своё сельское хозяйство, многие казаки со временем переходили к товарному производству сельскохозяйственной продукции (особенно в Трехречье и других районах Маньчжурии). Это давало возможность шире заниматься торговлей и организовывать промышленное производство. Таким образом, казачья экономическая инфраструктура, во-первых, была ориентирована на удовлетворение нужд эмигрантского населения (переработка местного сырья и обеспечение эмигрантского населения необходимой продукцией), а во-вторых, играла заметную роль в целом ряде отраслей эмигрантской (да и китайской) экономики.

Со временем это дало свои результаты – казаки, практически параллельно с упрочнением своей хозяйственной инфраструктуры, стали создавать свои общественно-политические союзы. Характерным для дальневосточного казачества было то, что оно, в отличие от казачества западной ветви эмиграции, выступило объединяющей силой всей русской диаспоры в Китае. Большинство его представителей были выходцами из «восточных» казачьих войск России, которые возникли как «служилые» с помощью и под контролем российской государственности. Этим, в частности, объясняется достаточно слабое распространение среди казаков этой группы идеи о «самостийности» казачества и о необходимости создания независимого казачьего государства. Распространение подобной идеи было более характерно для казачества западной ветви эмиграции, большинство представителей которого были выходцами из казачьих войск, которые возникли как «вольные» (Войско донское и др.).

В Китае, во многом, процесс эмигрантско-казачьей консолидации шёл под влиянием и контролем японских оккупационных властей, которые выбрали казаков, как одну из серьёзных сил в предстоящей борьбе с СССР. Однако и этот процесс был неоднозначным. Казаки ещё до периода японской оккупации Маньчжурии во многом смогли консолидироваться. Казачьи союзы возникли задолго до японской оккупации и уже тогда играли важную роль в политической жизни всей русской эмиграции региона. Действия япон-

цев административно усилили централизацию как казачества, так и всей русской диаспоры. Можно отметить, что политическая (в том числе – военно-политическая) деятельность казачьей эмиграции в Маньчжурии протекала в рамках двух периодов: 1920–1931 гг. – до японской оккупации, и 1932–1945 гг. – в условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая.

Казачья военно-политическая деятельность в Шанхае имела свою особенность. Но и здесь, казаки были наиболее консолидированной частью эмиграции и, что очень важно, это были не только представители военного сословия, прекрасно умевшие служить и воевать, но и проводить активную общественную и политическую работу, так как многие казаки возглавляли или занимали важные гражданские и военные посты в организациях Шанхая.

Достаточно заметную роль играли казаки и в культурной жизни русской диаспоры. Этому способствовали: наличие сильной традиционной народной культуры, заинтересованность в светской общественной культуре образованных представителей казачества, а также традиции войскового и станичного регулирования культурной жизни.

Рассмотрев проблемы экономического, политического и культурного развития казачества, а также характер его взаимодействия с другими группами эмиграции, можно сделать вывод, что казачество занимало свое особое место и играло важную роль в жизни русской диаспоры Китая, неотъемлемой частью которой оно было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аварин В. Я. Независимая Маньчжурия / В. Я. Аварин. – М. : Партиздат, 1934. – 152 с.
2. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками / И. Г. Акулинин. – Шанхай, 1937. – 135 с.
3. Антропов О. К. История отечественной эмиграции / О. К. Антропов. – Астрахань : Астрах. ун-т, 2011. – 409 с.
4. Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) / О. К. Антропов. – Астрахань : Астрах. ун-т, 2008. – 326 с.
5. Антропов О. К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. / О. К. Антропов. – Астрахань : Астрах. ун-т, 2011. – 625 с.
6. Арнольдов Л. В. Китай, как он есть / Л. В. Арнольдов. – Шанхай : График, 1933. – 371 с.
7. Архив РУ ФСБ России по Забайкальскому краю. Ф. «Бюро по делам русских эмигрантов в Харбине», «Российская эмиграция в Китае» (1920–1945 гг.) Д. 65; Д. 64; Д. 64; Д. 67; Д. 67; Д. 66; Д. 66; Д. 66.
8. Атаманский клич. – Харбин, 1938 (все номера); 1939 (все номера).
9. Аурелине Е. Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. 20 в. : дис. ... канд. ист. наук / Е. Е. Аурелене. – Владивосток, 1996. – 208 с.
10. Аурелене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) / Е. Е. Аурелене. – Хабаровск : Частная коллекция, 2008. – 268 с.
11. Ачаир А. Лаконизмы / А. Ачаир. – Стихи, 1937. – 32 с.
12. Байков Н. А. В дебрях Маньчжурии: очерки и рассказы из быта обитателей тайги / Н. А. Байков. – Харбин. : Офсет-пресс, 1934. – 225 с.
13. Балакшин П. П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на дальнем Востоке / П. П. Балакшин. – Сан-Франциско, 1955–1957. – Ч. 1. – 430 с.; Ч. 2. – 374 с.
14. Барихновский Г. В. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.) / Г. В. Барихновский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.
15. Бегидов А. М. Военное образование зарубежной России, 1920–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / А. М. Бегидов. – М., 2001. – 508 с.
16. Белов В. Белое похмелье / В. Белов. – М. : Петроград, 1923. – 149 с.
17. Белоусов С. Дважды перевербован / С. Белоусов // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 5. – С. 136–138.

18. Березовский Б. Приключения Мухтарки / Б. Березовский. – Харбин : Рус. дело, 1920.
19. Бобрищев-Пушкин А. Война без перчаток / А. Бобрищев-Пушкин. – М. : Изд-во КУБУЧ, 1925. – 127 с.
20. Борисов М. И. Из сибирских былей / М. И. Борисов. – Харбин, 1921.
21. Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею : Изд. Гос. организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. Империи. – Харбин, 1942. – 417 с.
22. Великая эпоха (юбилейное издание в ознаменование первой годовщины Великой Восточно-Азиатской войны). – Харбин, 1942. – 94 с.
23. Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г. // Сб. статей о казаках и казачестве под ред. Е. П. Березовского. – Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943. – 204 с.
24. Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1925–1928 (все номера); 1934 (все номера).
25. Вестник рабочего, крестьянина, казака. – Харбин, 1928; 1931.
26. Водопьянов А. Дальневосточная эмиграция. БРЭМ / А. Водопьянов // Русские в Китае. – 1999. – № 16. – С. 14–15.
27. Возрождение Азии. – Тяньцзинь. – 1938.
28. Волгин П. Русский полк / П. Русский полк. – Харбин, 1932.
29. Волков Н. И. Солнце восходит на востоке : в 2 т. / Н. И. Волков. – Харбин, 1929–1930.
30. Волкова М. В. Песни Родине / Предисловие П. Н. Краснова. – Харбин : Войск. представительство Сиб. казачьего войска, 1936. – 102 с.
31. Вперед. – Харбин. – 1921 (все номера).
32. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края)
Ф. 849, Оп. 1, Д. 23; Ф. 1128, Оп. 1, Д. 135; Ф. 1128, Оп. 1, Д. 135; Ф. 1128, Оп. 1, Д. 1128; Ф. 830, Оп. 1, Д. 56; Ф. 830, Оп. 1, Д. 56; Ф. 830, Оп. 1, Д. 64; Ф. 830, Оп. 1, Д. 64, Ф. 830, Оп. 1, Д. 64.
33. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)
Ф. 5963, Оп. 1, Д. 1; Ф. 5963, Оп. 1, Д. 1; Ф. 5963, Оп. 1, Д. 17.
34. Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л. Ф. Говердовская. – М. : Ин-т Дальнего Востока (М), 2000. – 189 с.
35. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР / Д. Л. Голинков. – М. : Политиздат, 1986. – 397 с.
36. Дальневосточный казак. – Харбин, 1934 (ежегод. изд.).
37. Дальневосточный казак. – Харбин. – 1938 (ежегод. изд.).

38. Дацышен В. Г. Боксерская война. Военная компания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. / В. Г. Дацышен. – Красноярск : РИО КГПУ, 2001. – 336 с.
39. Дацышен В. Г. Очерки истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. / В. Г. Дацышен. – Кызыл, 2001.
40. Дземешкевич Л. К. Харбин / Л. К. Дземешкевич. – Омск. : ОмГПУ, 1998. – 230 с.
41. Дземешкевич Л. К. Харбинские были / Л. К. Дземешкевич. – Омск : ОмГПУ 1999. – 284 с.
42. Дубинина Н. И. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции / Н. И. Дубинина, Ю. Н. Ципкин // Белая армия. Белое дело. – 1996. – № 1. – С. 78–80.
43. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина / Г. В. Енборисов. – Шанхай, 1932. – 155 с.
44. Ермакова Э. В. Дальневосточная эмиграция в исторической литературе: постановка проблемы / Э. В. Ермакова // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 68–70.
45. Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: (Организация, идеология, экстремизм) : дис. ... д-ра ист. наук / В. Ф. Ершов. – М., 2000. – 486 с.
46. Заря. – Харбин. – 1920 (все номера).
47. Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945 / Г. Ф. Захарова. – М. : Гл. ред. вост. лит. Изд-ва «Наука», 1990. – 266 с.
48. Зов казака. – Харбин, 1934; 1938.
49. Зуев А. В. В борьбе за Родину / А. В. Зуев. – Харбин, 1937. – 132 с.
50. Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Дума о русском опыте / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1932.
51. Иванов Вс. Н. Дело человека: опыт философии и культуры. / Вс. Н. Иванов – Харбин, 1933. – 153 с.
52. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1977. – 320 с.
53. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 452 с.
54. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М. : ИРИ РАН, 1997. – 191 с.
55. Казаков В. Г. Немые свидетели / В. Г. Казаков. – Шанхай, 1936. – 120 с.
56. Казачий клич. – Харбин, 1938, 1939, 1940, 1941.

57. Казачий набат. – Харбин, 1939.
58. Казачий призыв. – Харбин, 1939.
59. Казачий путь. – Харбин, 1940.
60. Кайгородов А. М. Он был забайкальский казак / А. М. Кайгородов // Сиб. Огни. – 1994. – № 2–6.
61. Кара-Мурза Г. С. Исторический очерк Маньчжурии / Г. С. Кара-Мурза. – Чита, 1945.
62. Квакин А. В. Общее и особенное в положении Российской диаспоры первой волны / А. В. Квакин. – Тверь, 1992. – 47 с.
63. Киржниц А. У порога Китая / А. Киржниц. – М., 1924. – 70 с.
64. Кислицын В. А. В огне гражданской войны / В. А. Кислицын. – Харбин, 1936. – 113 с.
65. Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. В 5 т. Т. 1: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). – М. : РОССПЭН, 2006. – 446 с.
66. Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР / Н. Кичкасов. – М., 1928. – 40 с.
67. Колосова М. И. Господи, спаси Россию! Вторая книга стихов / М. И. Колосова. – Харбин, 1932.
68. Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом / В. В. Комин. – Калинин, 1977. – 121 с.
69. Коминтерн и Россия. – Харбин, 1940.
70. Конфликт на КВЖД: из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. В. П. Зимонина. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. – 171 с.
71. Костиков В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) / В. Костиков. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 464 с.
72. Краснов П. Н. На рубеже Китая / П. Н. Краснов. – Париж, 1939. – 125 с.
73. Кротова М. Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914 гг. / М. Кротова // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. – С. 125–130.
74. Кузнецова Т. В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. / Т. В. Кузнецова ; Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск, 1998. – 67 с.
75. Курц Ю. Ф. Казачья доля / Ю. Ф. Курц. – Чита, 1995.
76. Лаврентьев К. И. Енисейское казачье войско и Енисейская Зарубежная казачья станица в Харбине / К. И. Лаврентьев // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. – Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943.

77. Лавров И. А. В стране экспериментов / И. А. Лавров. – Харбин, 1934. – 383 с.
78. Лазарева С. И. Российские женщины в Манчжурии / С. И. Лазарева // Россия и АТР. 1995. – № 3. – С. 28.
79. Левитский В. В. Пристань на Сунгари / В. В. Левитский. – Харьков, 1998. – 172 с.
80. Логинов В. С. Харбин в стихах: Бытовые картинки / В. С. Логинов. – Харбин, 1932.
81. Лунченков И. За чужие грехи / И. Лунченков. – М. ; Л., 1925. – 196 с.
82. Любимов Л. И. Очерки по экономике Маньчжурии / Л. И. Любимов. – Харбин, 1934. – 208 с.
83. Малышенко Г. И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937: дис. ... канд. ист. наук / Г. И. Малышенко. – Омск, 2001. – 164 с.
84. Малышенко Г. И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.) / Г. И. Малышенко. – Омск, 2006. – 435 с.
85. Малявина Л. С. Харбинский комитет помощи русским беженцам: возникновение, деятельность, место среди эмигрантских центров Северо-Восточного Китая / Л. С. Малявина // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 44–46.
86. Манакин М. Описание пути от Старо-Цурухайтуевского караула до г. Благовещенска // Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Вып. 3–4. 1988, 1901. – С. 4.
87. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. – Харбин, 1934.
88. Матафонов В. А. Предпосылки образования ЗКВ / В. А. Матафонов // Материалы регион. науч.-практ. конф. «Забайкальское казачество: история, традиции, перспективы развития». – Чита, 2000. – С. 62–63.
89. Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г. В. Мелихов. – М. : Рус. путь, 2003. – 440 с.
90. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. – М. : Наука, 1991. – 317 с.
91. Мелихов Г. В. Российская диаспора и западная цивилизация в Китае / Г. В. Мелихов // Тез. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». – М., 1993. – Ч. 2. – С. 44–47.
92. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г. В. Мелихов. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 245 с.

93. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925–1932 / Г. В. Мелихов. – М. : Рус. путь, 2007. – 320 с.

94. Мухачев Ю. В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал. 1920–1922 гг. / Ю. В. Мухачев // Исторические записки. – М., 1977. – С. 55–57.

95. Мухачев Ю. В. Российская эмиграция: численность, расселение / Ю. В. Мухачев // Русское зарубежье: история и современность : сб. ст. / РАН ИНИОН. Центр комплекс. исслед. рос. эмиграции. – М., 2013. – Вып. 2.

96. Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII веке / В. С. Мясников. – М. : Наука, 1980. – 516 с.

97. Назаров М. Н. Миссия русской эмиграции / М. Н. Назаров. – М. : Родник, 1994. – 416 с.

98. Наумов И. В. Гражданская война на Дальнем Востоке в исторической литературе российской эмиграции / И. В. Наумов // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 56–60.

99. Никифоров Н. И. Социальная опасность / Н. И. Никифоров. – Харбин, 1942.

100. Нилус Е. Х. Исторический обзор сооружения Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923. Т. 1 / вступ. ст. В. Г. Шароновой. – Факсим. изд. 1923 г. — СПб.: Альфарет, 2012. — 726 с.: 116 л. ил., карт.

101. Новейшая история Китая. 1928–1949. – М., 1984. – 440 с.

102. Новый путь. – Шанхай. – 1932.

103. Печерица В. Ф. Восточная ветвь русской эмиграции: монография / В. Ф. Печерица. – Владивосток, 1994. – 186 с.

104. Писаревская Я. Л. Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, сер. 1920-х – сер. 1930-х гг. (Социально-политический состав, быт, реэмиграция): дис. ... канд. ист. наук / Я. Л. Писаревская. – М., 2001. – 241 с.

105. Письмо К. В. Родзаевского И. В. Сталину // Отечеств. история. – 1992. – № 3. – С. 97.

106. Пронин А. Война с Желтороссией / А. Пронин // Коммерсант – Власть. – 2000. 7 нояб. – С. 42.

107. Пронин А. А. Российская эмиграция в современной историографии : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Пронин. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.

108. Печерица В. Ф. Исход и возвращение: Русская эмиграция в Китае в 20–40-е годы / В. Ф. Печерица. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 225 с.

109. Раев М. Россия за рубежом / М. Раев. – М.: Прогресс-академия, 1994. – 296 с.
110. Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции, 1920–1939 : дис. ... канд. ист. наук / О. В. Ратушняк. – Краснодар, 1996. – 186 с.
111. Ратушняк О. В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.) / О. В. Ратушняк. – Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 2013. – 245 с.
112. РГИА. (Российский государственный исторический архив). Ф. 323, Оп. 4, Д. 5; Ф. 796, Оп. 179, Д. 1277.
113. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945) : сб. док. – Южно-Сахалинск, 1994.
114. Российская эмигрантская культура и борьба за создание Восточной Азии. – Харбин, [б. г].
115. Российский антикоммунизм в Северном Китае. – Тяньцзинь, 1943.
116. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. – М. : Весь Мир, 2013. – 701 с.
117. Россов А. Коминтерн и его работа / А. Россов. – Харбин, 1938.
118. Русское искусство в Маньчжурской империи. – Харбин, 1942.
119. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В. С. Мясникова.. – М., 2004. – 696 с. – (Памятники исторической мысли).
120. Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы / Г. М. Семенов. – Харбин, 1938. – 384 с.
121. Сергеев Вс. И. Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке / Вс. И. Сергеев. – Харбин, 1937. – 235 с.
122. Сергеев О. И. Казачья эмиграция в Китае / О. И. Сергеев // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 78–80.
123. Сергеев О. И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая) / О. И. Сергеев // Тез. докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. «Исторический опыт освоения восточных районов России». Кн. 2. – Владивосток, 1993. – С. 201–204.
124. Серебренников И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919–1923 / И. И. Серебренников. – Харбин, 1936. – 267 с.
125. Серебренников И. И. Очерки экономической географии Китая / И. И. Серебренников // Вестн. Азии. – 1925. – № 53. – С. 5–7.

126. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. – М. : Наука, 1974. – 302 с.
127. Сонин В. В. Крах белой эмиграции в Китае / В. В. Сонин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987.
128. Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 гг. / Дж. Стефан. – М. : Слово, 1992. – 448 с.
129. Суомела Ю. Зарубежная Россия / Ю. Суомела. – СПб. : Коло, 2004. – 352 с.
130. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей / А. П. Тарасов. – Чита : РИС ЗабГПУ, 2003. – 432 с.
131. Таскина Е. П. Русский Харбин / Е. П. Таскина. – М. : МГУ, 1998. – 192 с.
132. Тимонин Е. И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.) / Е. И. Тимонин. – Омск. : Изд-во ОмГПУ, 2000. – 291 с.
133. Тимонин Е. И. Национальная культура Русского Зарубежья (1920–1930-е гг.) / Е. И. Тимонин. – Омск : СибАДИ, 1997.
134. Тюнин М. С. Казачьи издания в Манчжурии / М. С. Тюнин // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. – Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943.
135. У Нань Линь. Русская диаспора в Китае 20–30-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / У Нань Линь. – М., 2001. – 260 с.
136. Устрялов Н. В. На новом этапе / Н. В. Устрялов. – Шанхай, 1930.
137. Устрялов Н. В. Национал-большевизм / Н. В. Устрялов. – М., 2003. – 367 с.
138. Устрялов Н. В. Самопознание социализма / Н. В. Устрялов // Известия. – 1934. – 14 дек.
139. Устрялов Н. В. К вопросу о русском империализме / Н. В. Устрялов // Проблемы Великой России. – № 15. – 1916. – С. 1–5.
140. Фомин В. Н. Культурная жизнь русской эмиграции в Китае / В. Н. Фомин. // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 35–38.
141. Фомин В. Н. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав / В. Н. Фомин, К. В. Фомин // Белая армия. Белое дело. – 1997. – № 2. – С. 35–41.
142. Худобородов А. Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции / А. Л. Худобородов. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т, Ин-т гуманит. исслед., 1997. – 112 с.

143. Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции, 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис. ... д-ра ист. наук / А. Л. Худобородов. – М., 1997. – 433 с.

144. Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции, 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Л. Худобородов. – М., 1997. – 63 с.

145. ЦА ФСБ РФ (Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ). Ф. 1, Оп. 6, Д. 197; Ф. 1, Оп. 5, Д. 281; Ф. 1, Оп. 6, Д. 197; Ф. 1, оп. 6, Д. 197; Ф. 2, Оп. 8, д. 425; Ф. 2, Оп. 8, д. 425, меморандум № 13.

146. Чапыгин И. В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. / И. В. Чапыгин. // Наука и школа. – 2013. – № 4. – С. 173–176.

147. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук / И. В. Чапыгин. – Иркутск, 2006. – 187 с.

148. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) / И. В. Чапыгин // История Белой Сибири : материалы VII Междунар. науч. конф.: сб. ст. / под ред. С. П. Звягина. – Кемерово : ИНТ, 2009. – С. 275–281.

149. Чернолуцкая Е. Н. Антисоветская деятельность русских военно-политических эмигрантских объединений в Манчжурии и политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы / Е. Н. Чернолуцкая // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 32–35.

150. Чиченюкин В. Г. Русские эмигрантские воинские организации, 1920–1940 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Чиченюкин. – М., 2000. – 218 с.

151. Шестаков М. А. Благодатное Трёхречье / М. А. Шестаков // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. – Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии», 1943.

152. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987. – 272 с.

153. Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая / В. Г. Шаронова. – М. : Старая Басманная, 2013. – 520 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ) хранится 25 томов «Дела по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семёнова Григория» [145]. Этот уникальный источник по истории революции и гражданской войны в Забайкалье и истории русской военной эмиграции на Дальнем Востоке представлен материалами допросов самого атамана и его ближайшего окружения.

Существуют диаметрально противоположные оценки его личности и деятельности. Он был настоящим героем Первой мировой войны, однако в памяти народа остались не его подвиги в 1914–1917 гг., а его неоднозначная деятельность в Гражданскую войну и в эмиграции. Приводимые здесь, с минимальной обработкой, выдержки из документов, запечатлевшие «собственноручные» показания атамана в последние месяцы его жизни, безусловно, добавляют материала к характеристике личности и той деятельности, которую Г. М. Семенов вел в эмиграции.

Особый фонд по обвинению бывшего белогвардейского атамана Семенова Г. М. и других. Н-18765 (кол-во томов – 25. Т. 1. С. 47–213).

Собственноручные показания арестованного Семенова Г. М. от 5 сентября 1945 г.

<...> «...В 1935–36 гг. даты я точно в памяти восстановить не могу, я имел разговор с генерал-лейтенантом Андо, в то время начальником японской военной миссии в Харбине, о перспективах возможности возвращения русской эмиграции на родину. Генерал Андо сказал, что в связи с успешным завершением установления порядка в Маньчжурии, есть основание надеяться вернуться и нам – эмигрантам на родину. На мой вопрос, – каким образом это возможно сделать, Андо мне сказал уклончиво, что, возможно, дипломатическим путем будет достигнута возможность согласия на это советского правительства, но, возможно, и другим путем – сказал Андо.

Позднее я узнал об уступке правительства СССР КВЖД, то невольно подумал, что, не связан ли с этим вопрос возвращения эмиграции. Но, когда начались события у оз. Хасан, то я полагал, что, возможно, японцы начали осуществлять проект генерала Чжан-Хуан-Сяна, бывшего министра юстиции в Маньчжудуго. Он впервые подал еще при генерал-губернаторе 3-х Восточных провинций маршале Чжан-Сюе-Ляне проект об аннулировании старого договора России и Китая об уступке нам Уссурийского края (кажется, договор был

заключен в 1877 году) и присоединения Уссурийского края к Китаю, а теперь к Маньчжудигу, ибо это вытекало из моего разговора с Андо. Я полагаю, что ключом причины событий у озера Хасан и была попытка вооруженного давления на СССР и если бы японцы имели удачу, то, возможно, план аннулирования договора об Уссурийском крае и передаче его Маньчжудигу была попытка осуществить.

Хотя Андо в разговоре со мною и сказал, что выведя эмиграцию из России, мой долг перед ней и вернуть ее, чем фактически заявил, что предлагается это мне. Я поблагодарил его о заботах, об эмиграции.

Кто знает характер и психологию японцев, для того не будет странным, что японцы в оценке нас ли русских, или вообще иностранцев, в первую очередь учитывают чувства патриотизма и возможность реакции на их предложения и таковые делают в решительной форме тогда лишь, когда очевидность выполнения задуманного плана неоспорима. Но, несмотря на это было определено выражено генералом Андо, что, во-первых: если удастся дипломатическими путями осуществить возвращение эмиграции в Россию – в Уссурийский край, то эмиграция там послужит базой развертывания реакционных сил на русской территории, во-вторых – если этого не удастся, то осуществить это Япония намеревалась вооруженной силой.

В связи с наличием агрессивных планов Японии против СССР и велась, поскольку возможно, завуалированная подготовка кадров из русской молодежи, о чем изложу ниже.

Мне было предложено генералом Андо составить план организации и структуры власти на территории Уссурийского края. При этом обращалось внимание на то, что новая власть Уссурийского края будет, вероятнее всего, на положении провинции Маньчжудигу. Это мною было выполнено и передано ген. Андо, даты передачи я не помню. Для разведки в Приморье направлялись распоряжением военной миссии в Харбине разведывательные мелкие группы и отдельные лица. Одним из видных агентов считался некий Долгов, которого я лично видел один раз, когда он приезжал ко мне в Какаши. Долгов мне рассказывал, что он уже много раз бывал глубоко в СССР. На мой вопрос, какого характера и кто дает ему задания, отправляя его в СССР, Долгов ответил, что все задания он получает лично от подполковника Акикуса, а иногда и от другого офицера военной миссии. Он просил меня не говорить никому этого, так как ему строго запретили называть лиц, а иначе неисполнение угрожает его жизни. После я Долгова больше никогда не встречал.

Группа русских во главе с кн. Ухтомским Федором Капитоновичем, захваченная на китайском пароходе «Тун-Санг», как я помню, тоже являлась группой, посланной военной японской миссией в Харбине тоже подполковником Акикуса. Захвачена эта группа была где-то в устьях реки Сунгари чинами погранохраны СССР.

Деятельность белогвардейских организаций состояла в подготовке кадров молодежи как чисто в военном смысле, так и в специально разведывательном. Существовали следующие организации подготовки их:

Были курсы идеологической и разведывательной подготовки эмигрантской молодежи при фашистском союзе в Харбине и руководил ими К. В. Родзаевский и кто-то из японцев, фамилию его я не знал.

Характер подготовки в идеологическом смысле был антисоветским с идеологией японской идеи «Мир – одна крыша» или «Хакко-Ичи-У», чем японцы старались связать идеологическое единство с маньчжудиговским населением, имея в виду, по японскому плану, отторжение Уссурийского края от СССР и присоединение его следом за КВЖД к Маньчжудигу.

Особенно ярким доказательством за последние полтора года японских агрессивных планов в отношении СССР было установлено, что все призываемые по мобилизации японцы в Квантунской области и вообще в Маньчжурии направлялись не на юг против американцев, а на границы СССР.

Чисто строевая подготовка русской эмигрантской молодежи и идеологическая велась в т. н. Асановском отряде, по имени командира отряда японского полковника Асано. Подробной программы подготовки отряда я не имел. Точно не знаю времени когда, но не более 1–2 лет полковник Асано был заменен русским офицером полковником Смирновым, назначенным туда распоряжением Харбинской военной миссии. Чины отряда на Сунгари-2 все числились по армии Маньчжудигу, и производство в офицеры делалось также властями Маньчжудигу.

Официально японцы для маскировки подготовляющейся агрессии против СССР, заявляли интересующимся, что русская молодежь обязана нести военную службу в Маньчжудиговской армии и участвовать в обороне страны, где они являлись 5-й народностью. Отряд на Сунгари 2-я, приблизительно за 5–6 лет своего существования пропустил через школу своей подготовки не меньше 4 или 4,4 тыс. человек. Отряд на ст. Хандаохедзы возглавлялся полковником русской службы в прошлом Поповым. Количество пропущенных людей через школу подготовки будет меньше чем в Сунгарийском отряде, и я полагаю, будет около 2-х тыс. чел.

Подготовка казаков имела место и в Захинганском районе. Характера подготовки отряда я не знаю так же, как и в указанных выше отрядах. Руководил подготовкой одной группы есаул Пешков, а другой – полковник Портнягин. Была также группа и в Трехречье в Драгоценке должна была находиться под наблюдением полковника Сергеева, а кто вел занятия с группой, я не знаю, ибо непосредственных сношений с органами я вести не мог.

Захинганский район какое количество людей мог пропустить, точно сказать не могу, но полагаю, что не меньше 3–4 тысяч.

Два, или три года тому назад, проездом из Шанхая у меня был полковник Портнягин, который на мои расспросы мне заявил, что он боится, что-либо сказать мне, так как ЯВМ в Хайларе строго запрещено говорить об отрядах и

их работе кому бы то ни было. Те лица, кои возглавляли школы подготовки и указанные выше, по моему мнению, должны быть все на местах, но точно быть уверенным я не могу.

Кроме всего, в то время подполковником Оноучи – начальник 3-го отдела Харбинской военной миссии, кажется в 1936 году, был создан монархический союз во главе с Б. Н. Шепуновым. Организация эта, как и фашистский союз Родзаевского вербовали молодежь для диверсантских целей против СССР, но имел ли союз какие-либо курсы или школу, мне не известно.

Обе организации, как фашисты, так и монархисты, были в оппозиции мне, что подполковник Оноучи в 1934 году выдвинул Шепунова вместо меня в будущем Уссурийском государстве, но на деле оказалось, что авторитета Шепунова нигде не было, кроме монархического союза.

В силу моего несогласия с японскими мероприятиями, японцы предпочли, не спрашивая моего мнения о мерах, проводить подготовки на местах, к чему строго обязывали и тех, кто руководил подготовкой на местах. Имея в виду, что я в силу безвыходности своего положения их задачу по агрессии против СССР все равно выполняю, а, не будучи в курсе их подготовки не буду им мешать.

Намечавшаяся японцами структура власти в Приморье, или только в Уссурийском крае пока, решено определенно не было, но в обоих случаях проектировалось создать власть по типу власти в Маньчжудуго. Вопрос образования буфера по Байкал, что предусматривалось планом барона Танако, за последние годы совершенно отпал и был заменен Приморско-Уссурийским планом, что особенно стало заметно, после подписания пакта о ненападении Молотов – Мацуока. Кстати указать, что когда Мацуока ехал в Москву, то мною был предложен ему план, через начальника Дайренской военной миссии полковника Ясую о возможности достичь безболезненного разрешения вопроса взаимоотношений с СССР.

План мой заключал в себе идею создания буфера при Монголии включая всю Внутреннюю Монголию и Баргу воссоединив их с МНР, под двойной гарантией суверенности монгольского государства как со стороны СССР, так и Японии, куда дать возможность вселиться и нам эмигрантам. План этот был передан мною консулу СССР в Дайрене Исаеву через германского вице-консула Шумана, с которым консул Исаев поддерживал тогда добрые взаимоотношения и вместе с ним ездил на охоту, где мною и Шуманом проектировалось мое знакомство с Исаевым, но в силу слежки японцев не удалось. Кто и где в данное время находится из руководителей эмиграции на местах, точно я сказать не могу. Но, когда мне предлагал начальник ЯВМ в Дайрене уехать, ради безопасности от возможного прихода РККА на Квантун, что было около половины августа с. г., то капитан Такеока мне сказал, что из Харбина группа лиц из деятелей эмиграции с их семьями, во главе с ген. Власьевским, проследовала будто бы в Тяньцзин. Подтверждением этого служит факт, имевший место с моей 15-летней дочерью, которая в это время находилась в Харбине и,

желая уехать домой в Дайрен, она, случайно узнав, что семья Власьевского уезжает на юг из Хабаровска, и пошла к Л. Ф. Власьевскому с просьбой ее взять с собой, то Власьевский заверил мою дочь, что ни он, ни семья его никуда не едут. И для доказательства своей правоты он взял якобы для визы паспорт моей дочери, а сам, как оказалось, через 1,5 часа с семьей эвакуировался из Харбина, оставив мою дочь без (документа) паспорта, а пассажирское движение из Харбина уже было прекращено. Дочери моей удалось выехать с эшелона японских семей, куда ее устроила одна знакомая.

Кроме всего, другого пути, как только на Тяньцзин у скрывающихся не было. Кто скрылся с Власьевским, точно не знаю, но кажется Родзаевский, Гордеев и их семьи...

<...> В Захинганском районе с центром в Хайларе возглавлял бюро генерал-лейтенант Бакшеев Алексей Проклович. В его ведении был весь район от Хингана и до границ СССР и МНР. Бакшеев вел работу по заданиям Хайларского начальника ЯВМ. Трехречье во главе с полковником Сергеевым также подчинялось Бакшееву...

<...> В Дайрене возглавляет бюро генерал-лейтенант. Нечаев Константин Петрович. Как и все, руководители бюро на местах подчинялись местным начальникам ЯВМ и выполняли все их задания – включительно до контрразведывательных, вербовочных в отряды молодежи, военной подготовки на местах и распределением продуктов питания и одежды, выдававшихся по карточкам, изысканием средств помощи бедным, а также информацией масс эмиграции о текущих событиях как через радио, так и через издававшуюся в некоторых пунктах прессу. Распространялась и пропагандистская литература, печатавшаяся при ЯВМ.»

Протокол допроса арестованного Семенова Г. М. от 23 октября 1945 г., допрос начат в 10 часов 35 минут.

<...> ВОПРОС: Как руководитель белой эмиграции на Дальнем Востоке, какую антисоветскую деятельность вы проводили?

ОТВЕТ: На всем протяжении своей жизни в эмиграции, не оставляя мысли добиться свержения Советского строя, я вел интенсивную подготовку к вооруженному выступлению против большевистской партии и Советской власти. После поражения белых в гражданской войне мне потребовалось разрешить главную задачу того периода – сохранить белогвардейские кадры как резерв на будущее, опираясь на который в последующем рассчитывал вновь поднять борьбу против ненавистной мне советской власти.

Считая себя знатоком монгольского вопроса, я разработал план превращения территории Маньчжурии в самостоятельный центр сосредоточения

белоземigrants на ДВ, чем имел в виду обеспечить плацдарм для будущих активных действий против Советской власти.

<...> Мне казалось, что можно будет легко добиться отделения Монголии от Китая и провести свои планы в исполнение.

<...> С этой целью, еще в 1920 году в Хайларе я заключил соглашение с китайским генералом СЮЙ, обязавшись способствовать установлению в Китае монархии, а в качестве компенсации получил заверение, что будущий китайский император предоставит Монголии независимость и разрешит расселить на ее территории белоземigrants. Это соглашение было сорвано бароном Унгерном, который с отрядом белогвардейцев напал в Улан-Баторе на части генерала СЮЙ.

В 1921 г., поселившись в Порт-Артуре, я договорился с князьями внутренней Монголии – ургинским хотухтой и баргутским князем Шин-Фу организовать независимое монгольское государство. Тогда же я выехал на ст. Гродеково, имея намерение увести остатки своих частей в Монголию, но эта операция мне также не удалась, так как японцы запретили мне увести белогвардейцев и захватили приобретенное мною оружие.

После этого, мне ничего не оставалось, как вступить в переговоры с губернатором трех северных провинций Китая – ДЖАН-ДЗО-ЛИНОМ, в результате которых я получил разрешение ДЖАН-ДЗО-ЛИНА на расселение белоземigrants на маньчжурской территории.

ВОПРОС: Какое количество белогвардейцев бежало с вами в Маньчжурию?

ОТВЕТ: К моменту разоружения в 1920 году моих войск в Китае у меня насчитывалось до 12 тыс. чел., способных участвовать в боевых действиях и около 14 тыс. больных. В последнее число в основном входили каппелевские войска, подчиненные мне после падения Колчака.

Общее же число белоземigrants, поселившихся на территории Китая, равнялось 250 тыс. чел. Из них около 8 тыс. казаков, после моих переговоров с баргутским князем ШИН-ФУ, получили для поселения земли в районе Трехречья (Гану, Хайлу и Дербулу) и вдоль линии КВЖД, начиная от ст. Якеши. Буряты, расселились в районе Шенехена, а остальная часть эмигрантов, около 23-тыс. чел. обосновалась в Захинганье. Так же 20 тыс. обосновалось в Шанхае, около 15 тыс. в Тяньцзине и Пекине и немного меньше в Мукдене, Циньдао и Дейрене. Сразу после расселения белоземigrants на китайской территории среди них начали создаваться антисоветские организации. В 1920 г. в Шанхае образовался центр организации, именовавшийся сибирскими областниками, руководили которым бывший председатель ко-оперативных организаций в Омске Сазонов и профессор Томского университета Головачев. Эту организацию я поддерживал деньгами, а кроме этого ее финансировали японцы, так как сибирские областники хотели создать автономную Сибирь.

Приблизительно в то же время, во главе с бывшим членом Государственной думы Морозовым в Харбине образовалась трудовая крестьянская партия, активно действовавшая до 1931 г., а затем после отъезда Морозова в США, организация распалась.

К концу 1928 г. во главе с бывшим присяжным поверенным Ивановым сложилась организация кирилловцев по имени князя Кирилла Романова, объединявшая более 200 человек монархистов. В 1936 г. эта организация вошла в состав образовавшегося вновь монархического союза.

В 1926 г. в Харбине во главе с генералом Кислицыным был создан РОВС, который некоторый период существовал самостоятельно, а затем объединился с кирилловцами в составе монархического союза.

Казачи по станицам были объединены в единый казачий союз. Это объединение имело целью сохранить казаков как дисциплинированную военную силу. Повседневное руководство деятельностью казачьего союза осуществлял выдвинутый мной в руководство союза генерал Бакшеев и полковник Гордеев.

В 1931 г. по инициативе некоего Родзаевского К. В., приехавшего в Харбин в 1926 г. из СССР, был создан фашистский союз. При этом Родзаевский, когда он в 1931 году приходил ко мне советоваться по этому вопросу, утверждал, что проживая в СССР, якобы, наблюдал большую тягу советской молодежи к фашизму, поэтому, опираясь на фашистскую организацию в Маньчжурии, имел в виду получить возможность для враждебной деятельности на территории СССР.

«Всероссийского фашистского союза» белогвардейцем Васняцким, который, по его приглашению, в 1936 году приехал в Харбин и затем стал регулярно переводить деньги на фашистскую деятельность Родзаевского. Издававшийся в США журнал «Фашист», много писал о Родзаевском как об одном из активных своих членов. Приблизительно в том же 1936 году Родзаевский завязал связь с журналом «Мировая служба», издававшимся немцами в Мюнхене и использовал его для популяризации деятельности фашистского союза.

Мне как руководителю дальневосточной эмиграции, за судьбу которой я считал себя ответственным, была понятна опасность, возникшая вследствие разделения белогвардейцев на различные антисоветские организации, поэтому я предпринял шаги к объединению эмигрантов. С этой целью в 1921 г. мной был утвержден так называемый «План мировой борьбы с большевизмом».

Допрос прерван в 16.20. Соколов.

Протокол допроса арестованного Семенова Г. М. от 27 октября 1945 г. Допрос начат в 13 часов.

<...> ВОПРОС: Подготавливая эмигрантов к вооруженной борьбе с Советской властью БРЭМ, с этой же целью организовал подрывную работу в СССР. Какая разведывательная деятельность проводилась БРЭМом против СССР?

ОТВЕТ: Должен признать, что существовавший в составе БРЭМ 3-й отдел, которым руководил белоэмигрант Матковский, действительно занимался разведывательной деятельностью против СССР.

Официально Матковский ведал учетом эмиграции: на каждого без исключения эмигранта имел личное дело с указанием подробных данных о роде занятий, убеждениях, времени прибытия из СССР и перечислением родственников, проживающих в СССР. В действительности же, 3 отдел занимался ведением разведки против СССР и контрразведкой среди эмигрантов, представлял материалы на неблагонадежных в маньчжурскую полицию и японскую жандармерию.

В редакции фашистского журнала «Нация» в 1934 г. были созданы курсы подготовки разведчиков, на которых за период с 1934 по 1938 год прошло подготовку около 200 эмигрантов, переброшенных впоследствии для подрывной деятельности в Советский Союз. На этих курсах начальник отдела пропаганды БРЭМ Родзаевский преподавал основы фашизма, а японские инструктора руководили специальным обучением, касающимся вопросов разведки.

ВОПРОС: В чем заключалась подготовка разведчиков на курсах БРЭМ?

ОТВЕТ: На курсах разведчиков белоэмигрантами изучалась терминология, принятая в СССР, саперное дело, проводилась тренировка по организации взрывов мостов и сбору военных сведений, а также велось одиночное обучение – владение холодным и огнестрельным оружием.

ВОПРОС: Какая цель преследовалась введением для разведчиков одиночного обучения?

ОТВЕТ: Разведчики должны были владеть холодным и огнестрельным оружием на случай столкновений с советскими пограничниками при переброске в СССР и наряду с этим могли бы стать исполнителями терактов.

ВОПРОС: Против кого замышлялись теракты?

ОТВЕТ: Имелось в виду, что агентам будет особо указано, против кого они должны совершить теракт. Безусловно, тогда были бы названы фамилии ответственных руководителей советской власти, но мне их слышать не приходилось.

ВОПРОС: Кто из агентов, прошедших подготовку в школе БРЭМ, был переброшен в СССР?

ОТВЕТ: Обычно белогвардейцы для подрывной деятельности перебрасывались в СССР группами. Одна из таких групп численностью в 20 чел. осенью 1938 г. выехала на катере по р. Сунгари и затем высажена на левый берег Амура. Из числа переброшенных этим путем агентов назад возвратился некто Громов, который сообщил, что группа была разбита при столкновении с советскими пограничниками. Громов по каким-то причинам был арестован солдатами Маньчжоу-Го и расстрелян.

После этой переброски в том же 1938 г., во главе с белогвардейцами СЕМЕНА (руководителя фашистского союза в Чаньчуне) была перебросена дру-

гая группа агентов, направлявшаяся в район Хабаровска, но на советской территории она была уничтожена советскими пограничниками.

После этих двух неудачных перебросок, японцы, в целях обеспечения разведки соответствующими кадрами создали в Маньчжурии в 1938 г. во главе со штаб-ротмистром Шипуновым монархический союз, объединивший в своем составе РОВС и кирилловскую организацию. Они рассчитывали, что вновь созданная организация своими лозунгами привлечет эмигрантскую молодежь и создаст базу подготовки диверсантов и шпионов в СССР. С 1938 г. разведка против СССР была передана японцами в руки Шипунова, с которым я связи не поддерживал. Протокол записан с моих слов, верно, мной прочитан. Подпись.

Допросил начальник отделения следственного отдела Главного Управления КОНТРРАЗВЕДКИ СМЕРШ подполковник Соколов.

Протокол допроса арестованного Семенова Г. М. от 31 октября 1945 г.

<...> ВОПРОС: Что, представляло, из себя «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии»?

ОТВЕТ: Созданием БРЭМ в Маньчжурии преследовалась цель обеспечить подготовку белоэмигрантов к войне с Советским Союзом на стороне Японии. Укрепить антисоветскую идеологию эмигрантов и подготовить их в военном отношении.

В соответствии с этими задачами строилась работа БРЭМа. В Харбине находилось Главное бюро по делам российских эмигрантов. Руководителем первое время являлся генерал Рычков. Моим личным представителем при Главном БРЭМе был генерал-майор Власьевский, впоследствии выдвинутый в начальники БРЭМа.

В составе Главного БРЭМа было создано пять отделов: 1-й – пропаганды, 2-й – военной подготовки эмигрантов, 3-й – разведки и контрразведки, 4-й – экономический, и 5-й – благотворительный.

Кроме этого, при БРЭМе был организован совет национальностей. В этот совет входили председатели национальных общин: от еврейской – доктор Кауфман. От украинской – профессор Куляпко-Корецкий и также представители тюркско-татарской и армянской колоний. Совет национальностей периодически собирался при начальнике БРЭМа для решения вопросов связи между национальными организациями и касающихся сборов обложений на нужды японской армии.

ВОПРОС: Как осуществлялся БРЭМом ваш план подготовки белоэмигрантов к войне против СССР?

ОТВЕТ: Прежде всего через 1-й отдел пропаганды БРЭМа среди эмигрантов была организована широкая антисоветская пропаганда. Руководителем отдела пропаганды после согласования со мной был назначен Родзаевский, как наиболее активная и предприимчивая фигура.

Будучи начальником отдела пропаганды, Родзаевский развернул активную антисоветскую деятельность. По инициативе помощника начальника японской военной миссии в Харбине подполковника АКИКУСА в Харбине в 1934 году была оборудована типография фашистского союза и под руководством Родзаевского стали выходить газета «Наш путь» и журнал «Нация». Тогда же было организовано издательство брошюр, прокламаций, которые широко распространялись в Маньчжурии и, кроме этого, часть из них изготовлялись на особо тонкой бумаге для удобства доставки и распространения в СССР. Родзаевский до передачи КВЖД в ведение японцев мне говорил, что брошюры и прокламации удастся направлять в СССР с железнодорожными служащими.

В 1941 году после заключения пакта между СССР и Японией в деятельности 1-го отдела БРЭМа произошло довольно серьезное изменение. В то время антифашистский союз был закрыт японцами, но, по указанию Родзаевского, фашисты ушли в подполье, редакция газеты «Наш путь» была перенесена в Шанхай, а на журнале «Нация», который продолжал выходить в Харбине, появилась отметка о том, что он, якобы, также издается в Шанхае. Эта маскировка проводилась по указанию японцев.

Штаб Квантунской армии в это время отдал распоряжение переменить тон в отношении СССР. Особо подчеркивалось при этом, что антисоветскую пропаганду не прекращать, а вести ее путем издания памфлетов, брошюр и распространять их среди эмигрантов. Наряду с этим японцы предложили усилить устную пропаганду путем организации разного рода литературных и исторических кружков, преследовавших одну цель – проведение антисоветской пропаганды. В Харбине в это время появились кружки имени Байкова, генерала Краснова, Пушкина и К. Романова. Тогда же эмигрантская молодежь стала привлекаться в созданную японцами организацию КИОВАКАЙ (содружество наций), где они должны были усвоить японскую политику.

КИОВАКАЙ была создана японцами в 1932 году после опубликования специального манифеста императора Пу-И. КИОВАКАЙ представляла <...> собой широко разветвленную среди всех слоев маньчжурского населения, в том числе и белоэмигрантов, организацию, рассчитанную на то, чтобы привить населению нужную для японцев точку зрения, оправдывающую агрессивные намерения Японии. КИОВАКАЙ проповедовал также идею господства Японии над другими народами Восточной Азии.

Деятельностью КИОВАКАЙ руководил штаб Квантунской армии, директивы которого, носили обязательный характер для руководства организации. Президентом КИОВАКАЙ являлся премьер-министр Маньчжу-го Чжан-Джин-Куй, а фактическим руководителем был его заместитель японец ТАКЕ-БА. Центр КИОВАКАЙ находился в столице Чанчуне. В других городах имелись местные отделы КИОВАКАЙ, осуществлявшие руководство сетью ячеек среди населения.

ВОПРОС: В чем заключалось ваше личное участие в идеологической подготовке эмигрантов к войне против СССР.

ОТВЕТ: Мной лично в 1938 году была выпущена книга «О себе», в которой я описывал ход моей борьбы против советской власти в гражданскую войну и отмечая ошибки, допущенные белой армией проводил мысль о необходимости объединения белоэмигрантов в интересах свержения Советского строя.

В 1942 году я написал по поручению начальника Харбинской ВМ генерала ДОЙ книгу под названием «Мысль о новой эпохе», которую в рукописи передал японцам. В этой книге я проводил мысль, что ЯПОНИЯ является главой Восточной Азии и предлагал создать в Японии авторитетный орган, представляющий из себя блок государств Восточной Азии. Белоэмигрантам я предлагал предоставить самостоятельную территорию во Внутренней Монголии. Наряду с этим по поручению начальников военной миссии полковника УКАЙ и генерал-майора КАМАЦУ я писал статьи, направленные против мероприятий, проводившихся в Красной армии. Развернутая таким образом идеологическая подготовка белой эмиграции к войне против СССР сочеталась с широко поставленным военным обучением.

ВОПРОС: Как строилась военная подготовка белоэмигрантов к войне против СССР?

ОТВЕТ: Военной подготовкой белоэмигрантов руководил 2-й отдел БРЭМ во главе с полковником Косовым. Этот отдел организовывал военную подготовку в эмигрантских школах, с 1938 года им стали создаваться специальные военизированные отряды, – один такой отряд численностью 500 человек, находился в Хандаохэйцзы и второй – численностью 800 человек на ст. Сунгари-2. За время существования обоих отрядов, через них прошло 4 500 эмигрантов, которые впоследствии ежегодно призывались для переподготовки на летние сборы. В Захинганье, где эмигранты в основном занимались сельским хозяйством, и отрывать их от работ японцам было невыгодно, подготовка эмигрантской молодежи строилась иначе – они призывались ежегодно на трехнедельные военные сборы.

В Хайларе существовал отряд полковника Портнягина, на ст. Якеши – отряд есаула Пешкова. Оба этих отряда насчитывали по 1 200 человек каждый. Периодически в этот период подготовки указанные отряды использовались японцами для действия против китайских партизан.

ВОПРОС: Какую роль практически должны были исполнить белоэмигранты в случае осуществления японских планов нападения на СССР?

ОТВЕТ: В 1936 году в Дейрене я был вызван генерал-майором Андо. Который заявил, что хочет посвятить меня в военные планы японцев. Андо заявил, что японское правительство наметило в ближайшее время осуществить вторжение японских войск в Советское Приморье, где намерено создать буферное государство типа Маньчжоу-Го, причем в правительстве для меня, как говорил Андо, будет отведена руководящая роль.

Также в 1936 году я встретился с начальником штаба Квантунской армии генералом Окамура. От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривает присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать Дальневосточное буферное государство от Байкала на Восток, сделав меня главой правительства. В связи с этим Окамура дал мне конкретное задание вести военную подготовку среди монгол и организовать разведку в направлении на Забайкалье и МНР.

В 1938 году японский генштаб решил провести разведку сил РККА на Дальнем востоке и в районе оз. Хасан начались военные действия. Из Токио в Дайрен специально прибыл офицер генштаба майор ЯМООКА для информации и подготовки меня к происходящим событиям. ЯМООКА предупредил, чтобы я был готов действовать с частями белоэмиграции, так как в случае успешного развития операций в районе оз. Хасан, в Советское Приморье будут введены крупные силы японской армии, а белоэмигрантские части будут использованы для закрепления оккупированной территории.

Когда в короткое время РККА ликвидировала прорыв японцев на советскую территорию и начались мирные переговоры, японское командование стало готовить новую диверсию в сторону СССР через МНР. В этой операции я должен был принять участие и в случае удачного прорыва начать движение с частями белоэмигрантов по внутренней Монголии через МНР в СССР. Со стороны японцев мне было указано, что главным стратегическим направлением японского удара является Забайкалье, представлявшее, по мнению японцев, горло, питавшее советский Дальний Восток.

Беседовавший со мной генерал-майор Андо говорил, что японцы рассчитывают, что если им удастся перехватить коммуникации РККА у Байкала, то Дальний восток удастся отторгнуть от СССР.

Хотя события на Халхин-Голе также окончились поражением для японцев, я не переставал надеяться на новую возможность войны и продолжал готовить к ней эмигрантов, а также поддерживал связь с монголами...

Протокол допроса от 26 ноября 1945 г.

<...> ВОПРОС: Какую шпионскую работу против СССР вы проводили по заданию японской разведки? Кто из ваших агентов был перебросен на территорию СССР?

ОТВЕТ: Должен сознаться, что еще в 1923 году, когда я проживал в Нагасаки (Япония), ко мне в то время приехали генерал Мыльников и полковник Деревцов – оба мои бывшие подчиненные и сообщили, что по их данным в Забайкалье, в районе Шилки, против советской власти действует отряд из местных казаков, который они решили возглавить. Я снабдил Мыльникова и Деревцова деньгами и дал адрес своих знакомых Токмакова Александра Нико-

лаевича, казака, проживающего в ст. Цасучеевской Забайкальской области, в период гражданской войны использовавшегося мной в качестве агента среди казаков; Шайдурова..., ст. атамана ст. Сретенской Забайкальской области и Перфильева Михаила Аполлоновича – генерал-майора белой армии, еще с 1920 года проживавшего в г. Чите по Амурской улице. Токмакова, Шайдурова и Перфильева по моему указанию Мыльников и Деревцов должны были завербовать в целях организации шпионажа против СССР.

В том же 1923 году Мыльников и Деревцов, подобрав себе группу диверсантов, перешли через границу в Советский Союз, но выполнили ли они мое задание или нет, я не знаю, так как спустя некоторое время из бесед с советскими гражданами, приезжавшими из Читы на КВЖД, мне стало известно, что отряд Мыльникова и Деревцова был обнаружен советскими пограничниками в районе Нерчинского завода и ликвидирован. Об этом, якобы, сообщалось в «Рабочей газете», издававшейся в Чите.

ВОПРОС: Направляя к Токмакову, Шайдурову и Перфильеву своих агентов, вы, очевидно, еще раньше имели договоренность, что будете связываться с ними из-за границы?

ОТВЕТ: Нет. Такой договоренности у меня с ними не было.

ВОПРОС: Но ваши агенты все же действовали в СССР?

ОТВЕТ: Признаю. В период гражданской войны, когда в 1920 году части моей армии были вынуждены отступить из Забайкалья, мной на оставляемой белой территории была создана из белогвардейцев шпионская сеть для подрывной деятельности в тылу Красной армии.

Мной с этой целью были завербованы и оставлены на оседание в г. Акша Топорков Дмитрий, сотник белой армии. В ст. Могойтуевской Забайкальской области казак Нижегородцев Марк Никитич, мой двоюродный брат по матери. В ст. Гродековской Забайкальской области Попов Николай Львович. В с. Куранжа – дядя Семенов Виссарион Петрович, а также оставил в поселке Бичура Забайкальской области своего конного вестового Григорьева Григория Петровича и в улусе Адутулик (район среднего течения реки Онон) бурята Мункубулуева. С ними через забрасываемых в СССР разведчиков я пробовал установить связь.

ВОПРОС: Кто из ваших шпионов был с этой целью направлен в СССР?

ОТВЕТ: В 1931 году от имени Хайларской Военной миссии находившейся в районе поселения казаков ко мне обратился японец Такацука, с просьбой дать в распоряжение японской разведки несколько человек из казаков для выполнения диверсионных заданий на территории СССР.

Я написал с Такацуку письмо к моему личному агенту казаку Кулакову, указав ему, чтобы он исполнил просьбу японской военной миссии и нашел нужных японской разведке людей. Кулаков мне сообщил, что он рекомендовал японцам казаков Якимова, Дейкина, Николаева и Черепанова, добровольно изъявивших желание пойти на территорию СССР. Тогда я направил ему с попутно ехавшим белоэмигрантом, указание, в случае переборки перечисленных

разведчиков через границу, дать им для установления связи адреса Топоркова, Нижегородцева, Семенова, Григорьева и Мункубалуева. В 1934 году из Хайлара в СССР был переброшен Черепанов, который имел адреса Топоркова, Нижегородцева и Семенова, возвратившись, он сообщил, что Топорков отказался поддерживать со мной связь, Нижегородцев был арестован за антисоветскую деятельность и отбывал наказание в концлагере, а Семенов еще в 1921 году был расстрелян. После этого в 1935 г. с адресами Григорьева и Мункубалуева в СССР нелегально был переброшен Николаев, но он обратно не возвратился и судьба его мне неизвестна.

В 1935 году из СССР в Маньчжурию дезертировал красноармеец Долгов. Он был завербован помощником начальника военной миссии подполковником АКИСУМА и несколько раз перебрасывался в СССР. В 1936 году Долгов прибыл ко мне и заявил, что японцы плохо оплачивают его работу и предложил свои услуги мне. Долгов рассказывал, что, на ж. д. станции Иман, им завербован железнодорожный служащий, к которому он является каждый раз, когда бывает на советской территории. Этот человек, по словам Долгова, давал ему фиктивный паспорт, снабжал одеждой и помогал ездить по СССР. Я дал задание Долгову побывать в Москве и привезти мне сведения об экономическом положении в СССР и настроении населения. Возвратившись, Долгов в доказательство того, что он был в Москве, привез мне счет Московского ресторана «Метрополь», рассказал о тех настроениях, которые ему пришлось слышать в Москве, а также сообщил о том, что в СССР началось строительство Байкало-Амурской железной дороги. Я дал задание собрать о строительстве дороги более подробные данные и описать жизнь в Москве. Долгов, уходя от меня, заявил, что возвращаться из СССР намерен через Приморскую область, поэтому я поручил ему посетить Попова.

Кроме этого я просил Долгова, если будет возможным, разыскать в Владивостоке бывшего моего начштаба – генерал-майора белой армии Зубковского, который в 1933 году принял советское гражданство и выехал из Маньчжурии в СССР. Перед своим отъездом Зубковский, прислал мне письмо, в котором просил не осуждать его за переход в советское гражданство. Долгов мне обещал это сделать и отправился в СССР, но обратно, не возвратился.

ВОПРОС: Из числа шпионов, оставленных вами на советской территории, безусловно, были и такие, с которыми вам удалось установить связь?

ОТВЕТ: Да были. В 1920 году с шпионскими заданиями в г. Чите мной были оставлены Шемелькин Александр Семенович – бывший начальник войскового штаба ЗКВ, подполковник, Лапшенков Яков Георгиевич, бывший генерал-майор белой армии и Кобылкин Алексей Васильевич – бывший начальник артиллерийского склада в Чите.

Кроме того, в 1936 г. мной в Маньчжурии был завербован Кобылкин Иннокентий Васильевич (брат Кобылкина А. В.), в прошлом офицер Читинского военного училища, который принял советское гражданство и, уехав в СССР, поселился на жительство в г. Иркутске и служил в местной милиции.

На станции Маньчжурия находился мой резидент есаул Борисов, имевший задание организовать засылку разведчиков в СССР. В 1928 году Борисов мне письменно доложил, что им осуществлена вербовка двух поездных проводников, служивших на КВЖД. В 1930 г. Кобылкин Алексей прислал донесение о том, что казаки в Забайкалье недовольны коллективизацией, написал о возвращении из концлагерей большинства казаков, ранее репрессированных за выступления против Советской власти и в последующем сообщал о воинских частях, дислоцировавшихся в Чите. В 1937 году, после продажи СССР КВЖД Японии, моя связь с этими агентами оборвалась...

Показания Семенова Г. М. от 24 июня 1946 г.

<...> В октябре 1919 года в Чите мной было захвачено два вагона золота на сумму 44 млн рублей. Из этого количества золота:

22 млн при моем отступлении из Читы были переданы на ст. Маньчжурия начальником моей личной канцелярии полковником Мироновым (застрелен в 1926 году в Харбине) представителю японского главного командования полковнику ИСООМЕ на хранение, о чем имелось специальное соглашение, подписанное мной и ИСООМЕ.

В 1925–26 гг. премьер-министр барон Танака попросил у меня подлинник этого соглашения, якобы, с целью разбора вопроса о деньгах, а на самом деле соглашение было у меня отобрано и не возвращено. В моем распоряжении осталась фотокопия соглашения, ныне хранящаяся в Шанхай-Гонконгском банке в сейфе на имя китайского журналиста ВЕН-ЕН-ТАНА, являющегося моим доверенным лицом.

11 млн вначале были переданы мной в распоряжение Читинского казначейства, как фонд, обеспечивающий выпуск банкнот, имевших в тот период хождение в Чите. В 1920 году эта часть золота была увезена из Читы на бронепоездах, которыми командовали полковник Бойко (проживает в Шанхае) и полковник Вдовенко (умер) и сдана на ст. Маньчжурия тому же представителю Японии полковнику ИСООМЕ. Приемо-сдаточная ведомость, подписанная ИСООМЕ и Мироновым вместе с фотокопией соглашения о передаче золота на хранение японцам находятся в Шанхай-Гонконгском банке в сейфе на имя ВЕН-ЕН-ТАНА. Факт передачи золота в руки японцев могут подтвердить маршал Маньчжоу-Го ЧЖАН-ХАЙ-ПЫН, войска которого несли охрану золота до отправки его в Японию и бывший китайский представитель в комиссии по приему ценностей бригадный генерал в отставке ЧЖАН-Ю-ПЫН, который ныне проживает в Шанхае.

11 млн были мной израсходованы главным образом на нужды белой армии, а частью захвачены китайцами.

20 пудов золота (около 600 тыс. руб.) в марте 1920 года было задержано китайскими властями в Харбинской таможне и конфисковано по распоряжению ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНА – генерал губернатора трех восточных провинций Маньчжурии.

326 тыс. золотых рублей в ноябре 1920 года в г. Хайлар захватил генерал У-ЦЗЫ-ЧЕН, который умер в 1928 году.

В ноябре 1920 года все оружие, находившееся на вооружении белой армии, мной лично было передано на ст. Маньчжурии ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНУ. При передаче оружия я и ИСООМЕ, оценив его в 7,5 млн рублей золотом, заключили 26 ноября 1920 года соглашение, по которому японцы и ЧЖАН-ЦЗО-ЛИН по первому моему требованию должны были выплатить мне указанные 7,5 миллионов. Я пытался получить эти 7,5 миллионов с правительства Маньчжоу-Го, так как последнее в своей декларации обещало оплатить все долги прежних маньчжурских правителей, но под разными предложениями японцами и китайцами мои претензии на деньги отклонялись. Приблизительно в 1932–1933 гг. я обращался по этому вопросу к командующему Квантунской армией генералу МУТО, позже к генералу ТОДЖЕ – начальнику жандармерии Маньчжоу-Го, но ни в том, ни в другом случае ответа не получил.

Я должен также сказать о том, что наряду с перечисленными суммами в 1919 году Колчаком было сдано на хранение в Шанхай-Гонконгский банк 81 миллион рублей, как депозит, обеспечивающий оплату военных заказов в Англии. Мои попытки как преемника Колчака получить эти деньги из банка успехом не увенчались, и они по настоящее время остаются в распоряжении англичан. Частным образом от англичанина Джонса – адвоката, работавшего в Шанхае мне известно, что из 81 миллиона в банке осталось только 50 миллионов, а остальные англичане реализовали якобы за поставки, сделанные Колчаку Антантой...

Особый фонд. Дело по обвинению белогв. атамана Семенова Г. М. и др. Н-18765. Кол-во томов 23, т. 22. С. 25–141), 1946. Обвинительное заключение 21 августа 1946 г.

<...> Бакшеев, являясь заместителем ат. Семенова и председателем воинского казачьего правительства Забайкалья, издавал приказы о насильственной мобилизации населения в белогвардейские отряды, занимался реквизицией продовольствия, фуража и конского поголовья у мирного населения, создавал в станицах карательные дружины, активно боровшиеся с партизанским движением, а Власевский, занимая должность начальника казачьего отдела штаба армии, руководил формированием белоказачьих частей для вооруженной борьбы против Красной армии. Бежав в 1920 году на территорию Маньчжу-

рии, Бакшеев и Власьевский продолжали вести активную антисоветскую деятельность.

Бакшеев, по заданию японской разведки, сформировал и возглавил антисоветский «Союз казаков на Дальнем Востоке», состоявший из двух отдельных дивизий, пяти полков и одной сотни, которые подготавливались японцами для вооруженной борьбы против СССР, а Власьевский, вместе с Семеновым участвовал в выработке плана борьбы против Советской России и занимался формированием белоказачьих частей.

В 1934 году, по указанию японцев, Бакшеев и Власьевский, вместе с Семеновым, создали антисоветскую организацию «БРЭМ в Маньчжурии», которая готовила террористов, шпионов и диверсантов, забрасывавшихся на советскую территорию. Бакшеев с 1935, а Власьевский с 1943 года и до дня ареста возглавляли ГБРЭМ и принимали активное участие в подготовке замышлявшегося японцами вооруженного нападения на СССР и в этих целях создавали вооруженные отряды из числа белогвардейцев. Кроме того, возглавляя БРЭМ, Бакшеев и Власьевский руководили изданием антисоветских газет и журналов, страницы которых использовали для ведения антисоветской пропаганды. Одновременно по заданию Семенова, Власьевский лично занимался вербовкой агентуры, которая направлялась в СССР с заданиями шпионского характера. Являясь на протяжении ряда лет японским агентом – Власьевский вместе с Семеновым пытался через японских разведчиков, разбрасываемых в СССР, связаться с забайкальскими казаками, служившими в период гражданской войны у Семенова и организовать подрывную работу на территории СССР...

<...> ПРОКУРОР. Ваша организация сбором шпионских сведений против Советского Союза занималась?

РОДЗАЕВСКИЙ. Да, она была вынуждена заниматься.

ПРОКУРОР. Подготовкой терактов занималась?

Р. Да занималась

П. Кто конкретно был заброшен в Советский Союз с прямыми заданиями совершать теракты?

Р. В 1934 году Сорокин, в 1935 члены организации СЕМЕНА: Голубев и Данилов. В 1936 г. был отправлен отряд с террористическими и диверсионными заданиями, под командованием моего адъютанта Маслакова и еще члена нашей организации.

П. Что это за отряд Маслакова и какие задачи были поставлены перед ним?

Р. Предварительно этот отряд подвергся спецподготовке, в которой принимали участие японские разведчики. Отряд этот имел задание проникнуть вглубь территории СССР, рассыпаться по ней, создать тайные ячейки и проводить террористическую и диверсионную работу против Советской власти. Отряд Маслакова был разбит частями РККА....

П. Вы знаете Сиваченкова?

<...> Р. Сиваченков был начальником Хайларского центрального управления.

П. Белоэмигрант?

Р. Да.

<...> П. На предварительном следствии вы дали довольно подробные показания об участии фашистской партии в подготовке войны против Советского Союза. В чем это участие выразилось?

Р. Занимаясь шпионской и диверсионной работой текущего порядка, мы подготовляли шпионов, диверсантов, террористов на будущее. РФС давал свои кадры в различные школы и в различные белогвардейские вооруженные отряды, создаваемые на территории, так называемой, Маньчжоугоуской империи. РФС вел широкую идеологическую пропаганду, содержащую разнообразную всестороннюю клевету на советскую действительность...

<...> П. Какое количество агентуры перебрасывалось на территорию Советского Союза?

Р. Около 70 человек – это то, что мне известно. Несомненно, что много агентов засылалось мне неизвестных, потому что эта работа была окружена японцами большой тайной. Всякое разглашение каралось расстрелом. Я об этом узнавал со слов членов РФС, которые, несмотря на угрозу расстрела, все-таки мне говорили.

<...> СЕМЕНОВ. ...Я имею два вопроса.... Второе, относительно распоряжения японцев по поводу просоветски настроенной эмиграции. Было строго секретное распоряжение военной миссии. Чтобы эмигрантов, которые поддерживают связь с советскими гражданами, подвергать аресту. Это практически и было осуществлено дайренским отделением полиции. В Дайрене было арестовано более 200 человек по обвинению в просоветских настроениях, только на том основании, что они поздоровались на улице со знакомыми советскими гражданами.

<...> ПРОКУРОР. Что, Бакшеев, вам известно о «Союзе казаков на Дальнем Востоке»?

БАКШЕЕВ. Этот союз был создан мною. Первоначальные цели этого союза заключались в том, чтобы улучшить правовое положение казаков. Казаки явились в чужое государство. Не пользовались никакими правами и не принимались на службу. Когда был организован «Союз казаков», тогда он смог ручаться. И казаков стали принимать на службу. Это первоочередная цель. Затем японцы изменили эту цель и на «Союз казаков» стали смотреть как на организацию, в которую можно втянуть все казачество, находящееся в Северной Маньчжурии.

П. Для какой цели?

Б. Для борьбы против Советской власти.

П. В чем это выражалось. Скажите конкретнее.

Б. Сначала нужно было взять на учет всех казаков, затем выяснить. Кто из них мог или не мог по материальному или семейному положению, или по состоянию здоровья принять участие в боевых действиях и когда этот учет был произведен, то оказалось, что годных казаков было очень мало. По японским подсчетам выходило, что казаков в Северной Маньчжурии было около 24–25 тысяч. Считая, что казаков было мало, японцы рекомендовали повысить требования, т. е. призывать более старшие возраста до 45 и даже до 50 лет, если человек способен крепко держать винтовку в руках.

П. А почему японцы заинтересались подсчетом казаков? Они были заинтересованы в этой организации?

Б. Сначала не были заинтересованы, а потом стали интересоваться.

П. По чьей инициативе был создан «Союз казаков»?

Б. По моей.

П. По чьему предложению?

Б. По предложению ЯВМ.

П. Конкретнее, назовите фамилии.

Б. Тогда в ЯВМ был майор Акикуса.

П. Какую же практическую деятельность вы проводили в этом союзе?

Б. Мы занимались созданием в поселках мелких строевых единиц. Если людей было немного, то оформлялись взводы. В больших станицах и в больших поселках создавались сотни или дивизионы. Самой большой была Якешинская станица, которая дала дивизион. Станиц было пять. А казаков в них всего насчитывалось 22 тысячи. Из них были сформированы пять полков, два отдельных дивизиона и отдельная сотня.

П. Как они готовились?

Б. В 1942 году первый раз был произведен лагерный сбор. Хайларский полк целиком 10 дней провел в поле. Остальные полки, в частности Якешинский, 7 дней провели в поле. Там проводились строевые занятия, изучался строевой устав, охрана на месте, охрана в движении.

П. Против кого их готовили?

Б. Против Красной армии.

П. Непосредственно вы ведали этой подготовкой?

Б. Так точно. Я был командиром.

П. Скажите, после нападения Германии на Советский Союз. Какие вы получили задания от японского командования?

Б. Мне указали, что в случае наступления ответственного момента, казаки должны были быть собраны в центре своих станиц и там ожидать приказа, что им делать дальше.

П. А кто оплачивал расходы по этой подготовке казаков?

Б. Собственно расходов не было.

П. Ну, кто обмундировал казаков на время обучения?

Б. Частичное довольствие мы получили от КИОВАКАЙ.

П. Как предполагалось использовать белогвардейские казачьи полки при нападении Японии на Советский Союз?

Б. Прямо о том, что они будут использованы, ничего не говорилось, но из разговоров чувствовалось, что им будет поручена охрана мостов, охрана города Хайлар. Впоследствии командир Хайларского русского воинского отряда говорил, что один из японских советников рассказал ему недели за три до нападения, что все дивизионы будут приданы Хайларскому русскому полку и вместе с японской армией будут участвовать в вооруженном нападении на Советский Союз.

П. Какие вами были созданы боевые единицы из этих казаков?

Б. Казачий сводный полк насчитывал 680 казаков, в том числе была полнота из татар. Якешинский полк насчитывал 720 казаков, Захинганский – 580 казаков.

П. Какие были созданы соединения?

Б. Была создана так называемая отдельная бригада.

П. А вы были командиром Захинганского корпуса?

Б. Так точно, я был командиром, так называемого Захинганского казачьего корпуса.

П. Каковы были задачи этого корпуса?

Б. В момент наступления – то есть от столкновения японцев с Красной армией этот корпус должен был находиться на передовой линии и быть использован в нападении на Советский Союз.

П. Какую военную подготовку проводили в этом ЗК?

Б. Боевая стрельба. Правда, это было только в казачьем полку. ЯВМ давала винтовки и патроны – 5 патронов на винтовку. Все должны были пройти стрельбу на 100 и 200 метров.

П. Еще, какая велась подготовка? Рубка была у вас?

Б. Так точно, рубка, джигитовка, уколы, правда пик не было, но все же уколы практиковали.

П. Снабжала вас ЯВМ?

Б. Да, во время лагерного сбора помогала организация КИОВАКАЙ.

П. Где готовились кадры белоказачьих офицеров?

Б. В Харбине.

П. Где именно?

Б. «Военный союз» имел военные курсы и выпускал молодых офицеров.

П. Кто был фактическим хозяином этих курсов?

Б. Генерал Кислицын. Он являлся начальником «Военного союза» и эти курсы были при нем.

П. Как были созданы эти курсы?

Б. Они были созданы и поддерживались ЯВМ в Харбине. Курсы были созданы и при «Союзе казаков», но так как две организации рядом только мешали друг другу, то военные курсы при «Союзе казаков» через год были закрыты, и, в конечном счете, их закончили только три человека.

П. Какую антисоветскую пропаганду проводили через «Союз казаков»?

Б. «Союз казаков» ничего не мог проводить. Потому что народ там был больше всего малограмотный. Пропаганда велась главным образом среди молодежи. В торжественные дни, в годовщины я выступал по радио. Содержание моих выступлений, конечно, было антисоветское.

П. «Союз казаков» имел свой печатный орган?

Б. Постоянного печатного органа у «Союза казаков» не было. В важные годовые даты выпускались журналы, помещались статьи в следующих журналах: «Казак», «Зарубежный казак», «Забайкальский казак».

П. А листовки, брошюры выпускались?

Б. Типографии не было. Был «Эмигрантский голос». В нем иногда помещались разного рода заявления, содержание которых было антисоветского характера. Газета была создана русскими, но ведали ею японцы. Японский советник постоянно бывал в редакции газеты. Все, что делалось по русской части, проходило через японцев.

П. Выходит, название русское, содержание – японское?

Б. Да.

П. «Союз казаков» влился в БРЭМ?

Б. Да.

<...> П. Когда же произошло слияние?

Б. Был приказ о том, что «Союз казаков» входит в созданную японцами организацию БРЭМ. Когда образовалась БРЭМ, туда безоговорочно, автоматически вошел «Союз казаков».

<...> П. Существовало у вас военное обучение мужчин и женщин?

Б. В Хайларе, главным образом, мужчины и женщины проводили стрельбу.

П. Сначала скажите о мужчинах, затем о женщинах.

Б. Все мужчины, способные носить оружие, и более или менее независимые в семейном отношении, или если в семье имелся работник, – все обязаны были пребывать в рядах резерва. Это требовалось еще и потому, что, если казак в форме, то на улице он ведет себя прилично, если он в платье партикулярном, то он совершенно разнуздан. В связи с этим требовалось, чтобы казаки носили гимнастерку, шаровары с лампасами, фуражку, чтобы они держались на высоте положения.

П. С какого возраста они обязаны были проходить военную подготовку?

<...> Б. Мужчины от 18 до 45 лет, а потом и до 50.

П. А женщины?

Б. Женщины от 18 до 35 лет, но их призывали всего лишь раз-два, а более молодые должны были проходить стрельбу...

Почти год органы СМЕРШ и МГБ вели следствие. В одно дело были объединены следующие лица: Г. М. Семёнов, К. В. Родзаевский, генерал Л. Ф. Власьевский, генерал А. П. Бакшеев, И. А. Михайлов, Л. П. Охотин, князь Н. А. Ухтомский и Б. Н. Шелунов. Начавшийся 26 августа 1946 г. суд широко освещался в советской прессе. Открыл его председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР В. В. Ульрих. Подсудимым было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме. Все подсудимые признали свою вину. 30 августа Военная коллегия признала подсудимых виновными: по приговору атаман Г. М. Семёнов на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1946 г. был приговорён к смертной казни через повешение с конфискацией имущества как «враг советского народа и активный пособник японских агрессоров». Власьевский, Родзаевский, Бакшеев были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Князь Ухтомский и Охотин, «учитывая их сравнительно меньшую роль в антисоветской деятельности», приговорены к 20 и 15 годам каторжных работ, соответственно, с конфискацией имущества. 30 августа 1946 г. в 11 часов вечера Семёнова казнили. 4 апреля 1994 г. в отношении Г. М. Семёнова, а 26 марта 1998 г. в отношении остальных семерых подсудимых Военная коллегия Верховного Суда РФ пересматривала уголовное дело. По статье 58–10 ч. 2 (антисоветская агитация и пропаганда) УК РСФСР дело в отношении всех подсудимых было прекращено за отсутствием состава преступления, в остальной части приговор оставлен в силе, а подсудимые признаны не подлежащими реабилитации.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В казачьей эмиграции было немало поэтов и песенников. Из дальневосточного эмигрантского зарубежья следует прежде всего отметить творчество казака-поэта Алексея Ачаира.

Хорунжий Алексей Алексеевич Грызов (литературный псевдоним – Алексей Ачаир) родился 23 августа 1896 г. в станице Ачаир близ Омска в семье казачьего полковника. Окончил кадетский корпус в 1914 г. в Омске, обучался в сельскохозяйственной лесной академии в Москве, окончил 3 курса. Во время Гражданской войны, в мае 1918 г. добровольцем вступил в партизанский отряд атамана Красильникова, воевал против красных рядовым в пулеметной команде. Был контужен, переболел тифом. С июня 1919 г. служил в штабе 1-й Сибирской казачьей дивизии, участвовал в Сибирском Ледяном походе. На станции Тайга отморозил ступню правой ноги. При отступлении дивизии из-под Красноярска, старший урядник Грызов с небольшой группой казаков вынес знамя дивизии, за что был в 1920 г. награждён Георгиевским крестом 4-й степени. В одиночку пробрался к войскам атамана Г. М. Семенова в сентябре 1920 г., служил там в чине вахмистра, позже был произведён Семёновым в хорунжие. Воевал в Приморье в Гродековской группе войск с 1921 г. В феврале 1922 г., по результатам медицинского освидетельствования, был уволен в отставку. С 1918 г. публиковал свои стихи в сибирских газетах: «Дело Сибири», «Наша Заря», «Русский голос», «Копейка», «Вечер» и др. С февраля по октябрь 1922 г. работал редактором газеты «Последние известия» во Владивостоке. В октябре 1922 г. эмигрировал в Китай, жил в Харбине. Был одним из организаторов харбинского литературного объединения «Чураевка». Писал песни на свои стихи, исполнял их на концертах, аккомпанируя себе на рояле. Публиковал стихи в журналах «Рубеж» и «Луч Азии». В августе 1945 г. был арестован сотрудниками советской госбезопасности в Харбине и вывезен в СССР. Десять лет содержался в исправительно-трудовых лагерях и три года отбывал ссылку на севере Красноярского края в селе Байкит. После освобождения жил в Новосибирске с 1959 г., преподавал пение в школе № 29, создал детский хор, вел кружок эстетического воспитания. Умер 16 декабря 1960 г. в Новосибирске, прямо на работе от сердечного приступа.

Реки казачьи

Эх, река ты моя дорогая,
Золотая моя Уссури!
И страна ты казачья – без края
От зари и до новой зари.

Что, мой гордый Амур, опечален?
Нет тебя многоводней реки.

И. В. Чапыгин

Жди, уж скоро с рассветом причалим
На стругах мы – твои казаки.

Скоро жизнь закипит за Байкалом,
Не горюй, не тоскуй, Селенга!
Шлем с чужбины и старым и малым
Мы горячий привет казака.

А за этим приветом горячим
Вы увидите желтый лампас.
Золотые вы, реки казачьи,
Казаками вскормившие нас!

«Полынь и солнце», 1938.

Казаки империи

Империя!.. Твои «отцы и дети» –
Одно с тобой. Где их раздел, скажи!
На протяженьи пройденных столетий –
ни камня нет, ни вала, ни межи.

Так мальчик-сын, ведя отца за руку,
честь отдает старейшему в роду.
Так дряхлый дед, в глазах скрывая муку,
становится с внучатами в ряду.

Во имя правды, красоты и славы
мы слиты в сталь, в прапрадедовский меч.
В дни детских игр и юности забавы
куется он, чтоб Родину сберечь.
Казачья правда, мужество и вольность –
девиз России в рыцарском гербе.
Вся наша жизнь – одной тебе, достойной;
вся наша честь, Империя, – тебе!

Мы так росли и в школах, и в станицах;
мы знали: брат – солдат и офицер.
Еще пушок девический на лицах,
а уж в сердцах Суворовский пример.

– По коням!.. Враз казачью ногу в стремя
и за отцом, за дедом – мальчуган...
Теперь пришло иное, злое время –
всё смёл с земли кровавый ураган.
Мы – ранены... Сжимая крепко знамя,
стареем мы, и всё, что только есть
у нищих нас – прекрасные над нами
Империи достоинство и честь...

Мы устаем, – нас угнетают беды;
мы отстаем, – в глазах уж меркнет свет.
Но мы стоим, как нас учили деды;
мы устоим – таков отцов завет!

Во имя чести нашей – офицерской,
казачьей, – честью, сын мой, дорожи!
Наперекор всей этой злобе мерзкой,
наперекор предательству и лжи!
29 сентября 1940 г.

Жизнь Кирилла Баева

Кто не знал Кирилла Баева
Из станицы на Ульбе?
Вот вся жизнь его судьба его, –
Дело, впрочем, не в судьбе.

Жизнь такая же у множества,
Для чужих всегда пустяк.
От велика до ничтожества,
А судьбу имеет всяк.

Двадцати – на сборе лагерном,
А потом – идти в отряд...
Об ученьи ли, отваге ли
Говорить сто раз подряд?!

Каждый был чему-то выучен,
Нет причины укорить.
О взаимной братской выучке
И не стоит говорить!

На войне, когда в опасности
Командир иль рядовой, –

И. В. Чапыгин

Брат мой, в точности и ясности
Мы характер видим твой...

Детных часто заменяли мы,
Коли шли в неравный бой.
Выносили с поля раненых,
Заслоня их собой...

И крестами, и медалями
Отмечала слава их...
Ну, а этих вы видали ли,
Кто отмечен средь своих?

Перед кем, когда воротится
Он с войны, – и стар, и млад,
Коль прошёл, – назад торопится,
Лишний раз склониться рад.

Перед сердцем человеческим,
Пред любовью большой,
Пред заботою отеческой,
Перед братскою душой.

Вот за то Кирилла Баева
С давних пор станица вся
Уважала, а нужда его
(Жил голодным, не прося)

Каждому казалась благостной,
Было грех подать ему.
Одинок и стар, – а радостный,
Сам подаст еще кому.

Не об этом, впрочем, речь моя,
Хоть родна мне та земля,
Где прекрасна безупречная
Старость деда-бобыля.

Вот сидит он на завалинке
И чему-то словно рад.
Полушубок. Шапка. Валенки.
А вокруг полно ребят.

Казачья эмиграция в Китае

Говорит Кирилл им ласково,
Поучает, может быть,
И рассказами, и сказками –
Заставляет их любить

И народ свой, и родимые
Хутора и города...
... Вот бывают и гонимые,
Вот прикатится беда...

Вот ещё в соблазнах мается
И слабеет человек.
Подойдёт кто – и ругается,
Не грешил де сам вовек!..

Люди с вами мы хорошие,
В одиночку да к друзьям.
Ну, а вот, мои пригожие,
Что я нынче передам.

Был я молод. Двадцать минуло –
И жениться порешил. –
Да не тот мне жребий вынула
Жизнь, которою я жил.

Настенька моя, красавица,
Изменила мне, ушла.
Зверь всегда тогда бросается,
Когда пуля обожгла.

Так и я готов был броситься!
Отомщу, мол, за любовь!..
Мечь из сердца так и просится,
Баламутит злобой кровь...

И как раз – в поход. С разлучником
И с соперником в одной
Сотне шли. Тоской измученный,
Был я с ним, а он со мной.

Помню, дело было с турками,
Ардаган был нами взят.

И. В. Чапыгин

Спим, укрывшись ночью бурками,
Шашки около висят,

Карабины... В сакле каменной
И темно, и душно... Вдруг –
Слышу, словно стонет раненый...
Нет... Ни звука... Тишь вокруг...
Уж неужто мне почудилось?
Вновь прислушался. Встаю...
Было дело... Трупы грудились...
А Песков – убит в бою.

Тот Песков, кто отнял милую.
(Злая радость, Боже мой!)
Значит, над людской есть силою –
Сила власти неземной...

Снова стон... и вдруг представилось:
Ждёт жена... Ребёнок есть...
Что мне – жизни бы убавилось –
Сохранить казачью честь?..

И пошёл я... Не судьба его!
Хоть отрублена рука...
На плечах Кирилла Баева –
Вынес... личного врага!..

Жив Песков остался. В госпиталь.
Выжил, чёртов богатырь.
А в ту ночь с друзьями распита
Не одна была бутылка...

Плакал я слезами горькими,
Как ребёнок..." – так Кирилл –
С Петрованами, с Егорками –
Никогда не говорил.

Дети слушали, разинувши
Рты, глаза раскрывши враз.
– Был бы счастлив я, покинувши
Своего... В последний час?

Но уж поздно... Кыш!.. Не времечко
Мне болтать в такой мороз. –

Казачья эмиграция в Китае

Шапку снял и чешет темечко,
Ну, а там уж нет волос.

Ничего-то нет у Баева, –
Старость только на горбе!..
Вот и жизнь его, судьба его...
Дело, впрочем, не в судьбе.
29 мая 1944 г.

В странах рассеяния (эмигранты)

Дорогому моему отцу

Мы живали в суровой Неметчине,
нам знаком и Алжир, и Сиам,
мы ходили по дикой Туретчине
и по льдистым небесным горам.

Нам близки и Памир, и Америка,
и Багдад, и Лионский залив,
наш казак у восточного берега
упирался в Дежнёвский пролив.

Легче птиц и оленей проворнее,
рассыпаясь на тысячи мест,
доходил до границ Калифорнии
одинокий казачий разъезд.

И теперь, когда черные веянья
разметали в щепы корабли,
снова двинулись в страны рассеянья
мы из милой, чумазой земли.

На плантациях, фермах, на фабриках,
где ни встать, ни согнуться, ни лечь,
в аргентинах, канадах и африках
раздается московская речь.

Мы с упорством, поистине рыцарским,
подавляем и слезы, и грусть,

И. В. Чапыгин

по латинским глотая кухмистерским
жидковатые «щи а-ля-рюсс».

И в театрах глядим с умилением
(да, пожалуй, теперь поглядишь!)
на последнее наше творение,
на родную «Летучую мышь».

В академиях, школах, на улицах,
вспоминая Кавказ и Сибирь,
каждый русский трепещет и хмурится,
развевая печальную быль.

Не сломила судьба нас, не выгнула,
хоть пригнула до самой земли...
А за то, что нас Родина выгнала,
мы по свету ее разнесли.

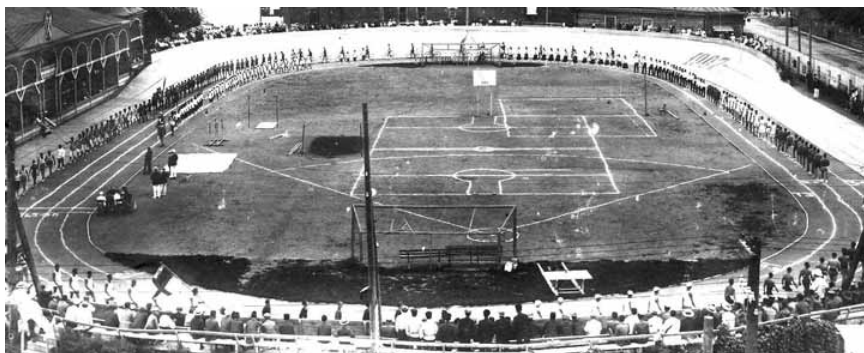
ПРИЛОЖЕНИЕ 3

В приложении приводятся иллюстративные материалы и фотографии из собраний Иркутского областного краеведческого музея, Государственного архива РФ, Государственного архива Хабаровского края, личной коллекции иркутского фотографа и краеведа Рудольфа Георгиевича Берестенева, интернет-ресурсов.

Казачья эмиграция в Китае

Казачья эмиграция в Китае

Сибирский Казакъ.

Воинской Юнкейной Сборникъ Сибирскаго Казачьяго Войска.

1582 ⁶⁻²¹ ₁₉₋₂₁ 1932 г.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Наше прошлое до Великой войны 1914 года.

Подъ редакцией Е. П. БЕРЕВОВСКАГО.

Изданіе Военнаго Представительства Сибирскаго Казачьяго Войска.

Г. Харбинъ
1932 г.

Издательская часть Союза казаков на Дальнем Востоке.

Харбин, Китайская 8, тел. 22-79.

Имѣются в продажѣ сборники:

„Зов Казака“, „Казачій Клич“, „Атаманскій Клич“, „Казачій Набат“, а также книжка стихов Ачаира.

Цѣна сборников — 0.50 фен., за границу с пересылкой — 0.65 фен. Стихи Ачаира — 0.80 фен.

Магазинам обычная скидка.

Издательская часть принимает заказы на выписку военных и казачьих журналов и газет.

Трехрѣченская Паровая Мельница

Владѣлец **СУДЗИМОТО.**

Контора: Хайлар, 2 ая улица, № 70.

А П Т Е К А

Л. Я. ИВАНОВОЙ и А. В. ЛУПЛОЕА

Гор. Хайлар,
Тверская улица № 20.

Магазин красок и москательных товаров

**М. Ш. Аптерман
и А. И. Литвак**

Харбин, Мостовая, угол Новогородней № 141.
Телефон № 45-93.

Николай Иванович

БРУСЕНЦОВ.

Мясная торговля

Гор. Хайлар, Главная ул. № 8

**Шубно-пимокатная и сапожная
мастерскія**

И. О. Слезкин

Гор. Хайлар, Садовая улица № 46.

И. К. Шямкович

Гор. Хайлар, Тверская ул., № 14.

**Торговля Сельско-Хозяйственными
машинами и частями к ним.**

НОВАЯ АПТЕКА

О. А. АРКУС

Тверская, № 12, Хайлар.

Софійское Приходское Похоронное Бюро

Волопроводная ул., № 73 (Стар. Софійск. Церк.). Телефон — 21 97.

ВСЕ ДЛЯ ПОХОРОН: катафалки, гробы, кресты, вѣнки всѣх размѣров и разных цѣн.
Другія погребальныя принадлежности по общедоступным цѣнам.

Бюро открыто круглыя сутки.

Казачья эмиграция в Китае

„Велик и дѣло, какъ изъ вѣстоища выжить, тогда поумираетъ и грубо выкалываетъ правды, которыми не вы кажутся“.
(Изъ стариннаго русскаго вѣстоища).

СИБИРСКІЙ КАЗАКЪ

Воинскою Юбилейный Сборникъ Сибирскаго Казачьяго Войска.

1582 6-ХІІ 1932 г.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Время Великой войны (1914—1917 годы).

Подъ редакціей Е. П. БЕРЕЗОВСКАГО.

Изданіе Военнаго Представительства Сибирскаго Кавалчяго Войска.

Г. Харбинъ
1941 г.

Цркутскій КАЗАКЪ

23 апрѣля-6 мая 1934г
ХАРБИНЬ

„ТАГОС“
ПЕРВОЕ И САМОЕ
ВНОВЛЕНІЕ
В. ЖИВАНЦОВА

Принимается все, что имеет отношение к истории и культуре казаков. Главнейший редактор: Живанцов, Сергей. Телефон 36-22.

„Татос“
Каталоги, ул. Тарасов, Телефон 36-22 и во всех книжных магазинах.

ВЕСЕЛЫ БОЛѢВНИ,
СИБИРСКОЮ УСТАВЕННЫМЪ, ПСИХИЧЕСКОЮ, ЧИСТОЮ СРАДЛИВУЮ.

Золотыя пиллоди
Желтыя пиллоди
Бѣлыя пиллоди

Зеленыя пиллоди
Красныя пиллоди

Сѣверныя пиллоди
Розовыя пиллоди

Цѣльный крем

Март 1938 г.

ЛУЧ АЗИИ

Харбинь № 43-3

МОНАРХИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И КАЗАХСТВА

Казахи и Монголы негодными. — Казахи сдерживали ярость России и Ее Владениями Поволжья.

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

„Знание врага -- ключ к победе.“

Практическое изучение СССР, работы ГПУ и комитетов по делу организации Р.Ф.С.

Российский фашизм...
Российский фашизм...
Российский фашизм...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

„НАУЧИТЬ РУССКИХ ЛЮДЕЙ РАСШИ- ФРОВАТЬ СОБЫТИЯ“

глав отеческой соборной Г.И.

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

РОЛЬ АТАМАНА СЕМЕНОВА В ИСТОРИИ БЛАГО ДВИЖЕНИЯ.

Интересные доклады в Союзе казачков на общем сборе.

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...
Ваше величество! В этот момент объединение казахов и монголов...

Музыкальные инструменты

— духовые и струнные
Радио-аппараты и радио-лампы РСА
ЭЛЕКТРОЛЫ, ВИКТОЛЫ

— музыкалы и портретные
музыкалы для солистов и ансамбля,
подборники для гармонь,
СТРУИ,
ТРУСЫ — для аккордион,
КАМЧОФ, МЕДИТОР и пр.

Высшая отеческий выбор
ПЛАСТИНОК

фирмы: His Master's Voice,
Polygram,
Victrola,
Columbia,
Odeon и др.

ЧУРИН

Музыкальные инструменты, радио-аппараты, пластинки.

Музыкальные инструменты, радио-аппараты, пластинки.

Музыкальные инструменты, радио-аппараты, пластинки.

Музыкальные инструменты, радио-аппараты, пластинки.

Музыкальные инструменты, радио-аппараты, пластинки.

ПРАЗДНИК ДОБЛЕСТНЫХ КАЗАЧЬИХ ОРЕНБУРГСКОГО, СЕМИБЬЧЕНСКОГО И ИРКУТСКОГО ВОЙСК.
Многая лета и въчная слава!
 Приветствую старшину Г. М. Семенову!

Казачьи — защитники Трона!
 Приветствую начальника Войск ген. Д. А. Кослякина.

За доблесть и вѣрность.
 Вы доблесть и вѣрность... (text continues)

Берегам красавицы Ангара!
 Приветствую г-на Акулинина.

Вѣрный путь сближения и содружества российских эмигрантов с японским народом.
 Опытите курсов японского языка на ст. Одогаси в Вейпана — Бохе 300 слушателей.

Смотр казачьих прошел блестяще.
 В свой праздник казаки Хабаровского округа... (text continues)

Кино и театр.
 В Модерн "Генеральная репетиция".
 Утром в 12 часов... (text continues)

Во вторник бенефис «В. В. Пановой»
 По плану 22-го ноября... (text continues)

Скорость
 В воскресенье, 27 ноября... (text continues)

Вводятся твѣцѣ
 Бенедиктис управляет... (text continues)

«Ревнивый муж» в Азия»
 В постановке Юдьяна... (text continues)

Российскій Фашистскій Союз
 Управляющее Управление в Харбинском Урала... (text continues)

Научное издание

Чапыгин Игорь Викторович

КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ

ISBN 978-5-9624-1120-0

*На обложке использована репродукция картины
«Знамя 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска»
Художник Н. С. Самокиш*

Редактор Э. А. Невзорова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2014. Поз. 125
Подписано в печать 26.12.2014. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 8,6. Усл.-печ. 10,6. Тираж 100 экз. Заказ 165

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36